Моя жизнь, 60–е и Джими Хендрикс глазами цыганки

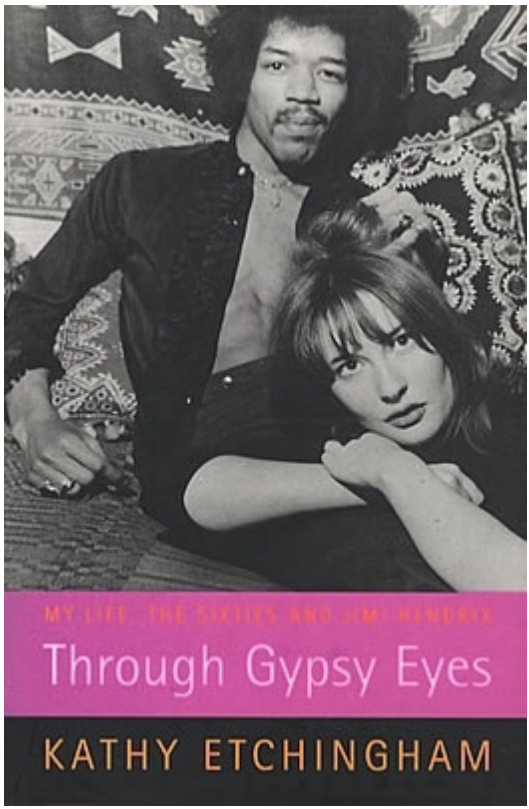
Кати Этчингем

SHOUT
SHARE
IT

- Моя жизнь, 60–е и Джими Хендрикс глазами цыганки
  -
  - Пролог
  - Глава 1.
  - Глава 3. Энджи
  - Глава 4. Джими
  - Глава 5.
  - Глава 6. Первые гастроли
  - Глава 7.
  - Глава 8.
  - Глава 9.
  - Глава 10. Ник
  - Глава 11. О том, как мы убивали Джими Хендрикса
  - Глава 12. о том, кем была жена Мич Мичелла

Моя жизнь, 60–е и Джими Хендрикс глазами цыганки

Кати Этчингем



Суррей 1998

Пролог

Как только такси свернуло с Гросвенор–Сквер на Брук–Стрит, я увидела огромную толпу и сердце моё сжалось. Ну, конечно же, мы приехали слишком рано. У меня всё похолодело от ужаса.

— Попроси его остановиться, — сказала я Нику не своим голосом, каким–то писклявым и незнакомым.

— Вы не могли бы притормозить здесь?

Водитель остановился сразу за Клариджем. Впереди опрокинутые ограждения, полицейские с рациями, камеры, микрофоны, толпы любопытных, оттеснённых на тротуар с проезжей части, чтобы дать проехать машинам, запрудившим Бонд–Стрит.

Я сделала два глубоких вдоха и постаралась успокоиться. Меня мелко трясло. Я уже повторяла мою речь много раз, но из предосторожности попросила Ника напечатать её на больших листах, я не надеялась, что мой голос не подведёт меня перед такой большой толпой. Думаю, если бы я стала читать, мне бы удалось обуздать его. Всего несколькими часами ранее, я перешла Альпы, отчаянно сражаясь с непослушным замком бус, как всегда всё случалось в последний момент. Вся моя энергия, растраченная за последние месяцы, покинула меня сразу, как только всё завершилось. Встречи, добывание денег, организация охраны, пригласительные билеты и другая суета в подготовке такого важного события оставили меня взволнованной, но без сил. Всё кругом изменилось за эти тридцать лет, прошедшие с того дня, когда я впервые ступила на Брук–Стрит, которая стала нам такой родной, мне и Джими.

— О.К., — кивнула я Нику. — Я готова.

Машина тронулась и мы медленно двинулись по направлению к толпе, моё сердце рвалось наружу.

Мемориальная доска была ещё завешена. Перед домом № 23 по Брук–Стрит, где мы с Джими жили вместе, уже выстроились приглашённые. Многие репортёры зашли за ограждения, люди, которым не достались приглашения, разместились в окнах дома напротив.

Снаружи ограждений часть журналистов как виноградными гроздями облепили хрупкую фигуру Эла Хендрикса и Жени Райт, дочери новой японской жены Эла, он женился, когда Джими уже был в Англии. Все удивлялись почему у Эла не оказалось пригласительного билета и Жени с удовольствием разъясняла журналистам, что отца Хендрикса забыли пригласить. Я собственноручно выписывала все пригласительные билеты, я

помнила любую мелочь в подготовке этого события и отлично помнила, что и Эл, и Леон были приглашены. Я не прислала приглашение Жени, потому, что не хотела, чтобы это событие стало рекламой ею основанной компании. В предыдущие месяцы мы обменялись множеством неприятных писем и факсов, но я оставалась непреклонной. Американские поклонники Джими, которые приехали по моим приглашениям, рассказывали мне, что Жени треплется и распускает нелепые слухи обо мне.

— Вы лжёте, — вступились за меня, — Эл был приглашён!

Когда семье Хендрикса впервые удалось взять в свои руки контроль над его наследием, все обрадовались. Но настроение поклонников Джими изменилось, когда однажды «семейная компания» Experience Hendrix выпустила в продажу стулья по цене 4 тысячи долларов за штуку, с портретом Джими на сиденье! Кресла–качалки и мячи для гольфа с портретами Хендрикса! Пошли публикации, что он вовсе не умер от передозировки, что мы все, коронер, патологоанатомы и все остальные глубоко не правы.

И вот теперь, четверть века спустя после смерти Джими, каждый хочет откусить кусок от его пирога. Сталкиваются характеры. Сталкиваются взгляды на жизнь. Музыкальная индустрия тех лет привлекает к себе разных людей, многие из них черпают в 60–х новые музыкальные идеи, но другие… другие стремятся превратить то время в деньги и быть, по словам Куртиса Найта, «у блюда». Вот почему я убедила совет по Британскому Наследию поместить мемориальную доску именно в Англии, так как здесь он оставил о себе наиболее яркий след.

Это не заняло у них много времени, несмотря на то, что Джими был первой рок–звездой, память о которой они бы хотели увековечить мемориальной доской. В будущем это быстро переросло в цепь ярких событий. Конечно не обошлось без недовольных, бурную деятельность развели Джеффри Виткрофт из Дейли Экспресс, искусствовед Брайан Сивелл и Клайв Аслет, редактор Деревенской Жизни, которые посчитали, что вводить в Британское Наследие рок–звезду было бы «пособничество глупцам» с последующей деградацией общества. К счастью, их призывов никто не услышал и все пришли к выводу, что это неплохая идея.

Журнал Mojo помог мне организовать фуршет для нескольких сотен человек, очень не хотелось, чтобы праздник попал в чужие руки. Похоже проснулись все проходимцы и паразиты, поэтому нам пришлось нанять охрану. На празднике я видела лица, которых не встречала уже целых тридцать лет, осколков эры, которую можно описать словами песни: «Надеюсь я умру прежде,

чем состарюсь.» Джими, как и многие другие его поколения, полностью подтвердил эти слова, наполнив до краёв баки с горючим, на огне которого варятся мифы и легенды бурлящего Лондона тех лет.

Я увидела много молодых лиц, музыкантов современных групп, всех их хорошо знали мои сыновья–подростки. Для меня же они казались загадочными. Несколько поколений музыкальных талантов сменилось с тех пор, как мы жили с Джими на Брук–Стрит. Но сколько ещё будет музыкантов, его поклонников и дельцов большого бизнеса, которые будут выворачиваться наизнанку, только чтобы извлечь для себя выгоду из его песенного материала.

Но даже сегодня, когда это стало историей и Фонд Генделя намеревается превратить нашу старую квартиру в музей, старые соперники всё ещё продолжают бродить по миру. Я попросила четырёх гитаристов, тех кого хорошо знала, помочь сдёрнуть покрывало: Пит Таунзенд, Джефф Бэк, Джимми Пейдж и Эрик Клаптон. Пит и Джефф согласились с радостью, но Джефф в последнюю минуту исчез. Джимми Пейдж отказался сдёргивать покрывало, но сказал, что ему очень приятно моё к нему внимание. Люди Эрика ответили мне, что его сейчас нет в стране. Я была поражена, как много наших старых друзей даже не пошевелили пальцем, чтобы ответить на приглашение, в то время как современные «плохие мальчики», такие как например Oasis, оказались образчиками хороших манер, они проявили уважение и все мне прислали ответы и поздравления. В конечном счёте, клуб Emporium на Кингсли–Стрит, известный нашему поколению как Valbonne, наполнился знакомыми лицами, старыми и молодыми, несмотря на то, что многие из списка приглашённых, такие как Стинг, отправились на вечеринку, устраиваемую Элтоном Джоном в этот же вечер. Семья МакКартни не смогла приехать, потому что они были где–то на отдыхе, но прислали огромный букет цветов и открытку с добрыми пожеланиями Джими и всем, кто пришёл его навестить.

Наконец, находясь уже внутри клуба Emporium — тосты, фото — мои нервы постепенно стали оттаивать, но я всё ещё была далека от того, чтобы прийти в себя, каждый из этих нескольких сотен гостей хотел поговорить со мной в этот вечер.

Так много за эти годы было опубликовано всякого фантастического о Джими людьми, чей интерес к нему ограничивался собственным желудком, что я решила прервать моё 20–летнее молчание и записать мою версию тех событий. Это будет не совсем рассказ о Джими, а скорее обо мне самой и о наших друзьях, с кем знакомились в те далёкие дни, о тех, кого

уже нет с нами, и Кит Мун, и Брайан Джонс, и Час Чандлер. Рассказ о том, какого было жить в то исключительное время.

Глава 1.

Я стояла у калитки каждый день на протяжении трёх недель в ожидании моей матери, когда же она придёт и заберёт нас отсюда, как обещала. Весь день стояла вызывающая необъяснимый страх тишина. Ни в одном доме по нашей улице не было детей, ни одна машина не проезжала мимо. Но так много времени ни у кого не было как у меня, подумать о своей жизни.

— Ты всё стоишь, Каппи? — спрашивал меня отец каждый раз, когда фургон выплёвывал его из себя, привозя с работы. И даже не дожидаясь ответа, исчезал в доме, чтобы поскорее напиться.

Когда, наконец, после трёх недель мать сошла с автобуса в нескольких сотнях ярдов от меня и я увидела, как она направляется ко мне, я почувствовала такое облегчение, увидев её, что даже не подумала спросить, где она пропадала так долго. Она вошла в дом, как будто отсутствовала всего несколько часов, а я прыгала позади неё, как щенок, увидевший хозяйку. Она вернулась по своему желанию, ни словом не обмолвившись о злобном Томе. И всё стало хорошо, как прежде.

Несколько дней всё шло хорошо. Она готовила, прибирала в доме, а мы не задавали ей никаких вопросов. Я только хотела забыть эти кошмарные дни и чтобы мы жили, как прежде. Но однажды она ушла снова, оставив горячий чай на столе, запах своих духов на подушке и записку отцу, что больше так не может. На этот раз в записке ни слова не было о том, что она вернётся.

Думаю, именно тогда у меня закрылось сердце, чтобы не проникла боль. Я не хотела больше стоять в ожидании у калитки. Возможно, я почувствовала, что она не собирается передумать и что теперь нам с братом Джоном предстоит самим заботиться о себе. Стало ясно, что полагаться нельзя уже было ни на неё, ни на кого–то ещё. Эти семена самостоятельности со временем проросли, окрепли и не дали мне заблудиться в джунглях взрослой жизни, которые отняли жизнь у многих моих друзей. Но в 10 лет у меня не было земли, в которую я могла бы их посеять. У меня не было ни малейшей идеи, как нам теперь жить без неё.

Для нас с Джоном всё это стало полнейшей неожиданностью, мы ничего не знали о прошлом нашей матери. Может быть тогда бы нам было легче с ней расстаться.

Первые мы, заслышав какие–то вопли наверху, выползли из нашей комнаты и, сидя на лестнице и дрожа, думали о нашем будущем. Кричали все — Лил, которую я по–прежнему звала мамой, отец и наш квартирант, Кон. Вообще–то его имя было Том,

но все его знали как Конни.

Когда мы с Джоном были малышами, мы жили в центре Дерби. Лил нам была как чужая, одевала нас довольно неряшливо, но строго, считая себя нянькой двум малышам и беспомощному мужу, чьё ничего было вечной проблемой и неспособного добиться чего–нибудь в жизни. Наш дом стоял на пригорке, сзади к нему примыкали небольшие садики, а в стороне стояли туалеты и периодически приезжала машина их чистить. Оцинкованное корыто висело снаружи и когда нас мыли, его вносили на кухню, ставили напротив плиты и наполняли водой, согретой на огне. Сейчас это звучит, как если бы мы жили в нищете, сцены из жизни бедняков, показанные в сериалах Би–Би–Си, но для нас, живших в конце 40–х, это казалось вполне респектабельным образом жизни. К тому же отец был кем–то вроде инженера на заводе Роллс–Ройса.

Мы были поздними детьми у наших родителей, и это стало значительной помехой, когда мы пошли в школу. Лил было около пятидесяти, и если ко мне заходили одноклассники, мне приходилось говорить им, что это мои бабка с дедом.

По воскресеньям Лил готовила большой семейный обед, и её мать, брат и отчим приходили в дом № 7 по Вороньей улице, где я родилась. Дядя Джек, который был, по крайней мере, лет на 20 моложе Лил был добродушным, но недалёким человеком, его судьба полностью зависела от их матери, пока та не умерла. По семейной легенде с ним при рождении произошёл несчастный случай, ему не хватило кислорода, что сделало его несколько отличающимся от остальных, он вдруг начинал сильно и громко сопеть и задыхаться. Всегда была опасность, что это могло случиться вдали от дома, поэтому моя бабушка никому не разрешала уезжать из дома, и никто не осмеливался ей перечить. Она часто его навещала. Он работал на оружейном складе в Дерби и всегда носил пиджак и галстук, независимо от того, где он находился. Одной из его обязанностей было возить свою мать на машине. Их машины всегда носили причудливые имена, как например, «Скачущая Лена», но их нужно было поить даже чаще лошади.

Все кругом боялись моей бабушки, сверх–упрямая самоуверенность, скрещенная с невоздержанной речью, из–за которой мои племянница с племянником прозвали её Чёрной Наной. Когда я их впервые прижала к стенке и стала выпытывать у них, за что они так её, они сказали мне, что это из–за той чёрной шляпы, которую она всегда носила. Со временем они признались мне, что это из–за её характера и смуглой кожи.

Её родителями были румынские цыгане из Венгрии, и в

характере Чёрной Наны и Лил было много цыганского. Одно время они были очень близки, подолгу засиживались на кухне за чашкой крепкого чая, обсуждая чтобы такого купить для нас, детей. Помню, как говорила им, что собираюсь выйти замуж за солдата и родить ему четверых детей. А они гадали мне по чайным листьям.

— Это автомобиль, — говорила Лил, всматриваясь в дно чашки.

— Нет, — без тени сомнения спорила Чёрная Нана, — это лошадь.

Для меня же это были просто слипшиеся на дне чашки чаинки, в которых я никогда ничего не могла разглядеть.

Их головы были забиты всякими суевериями, вроде «вычерчивания серебряной ложкой каких–то фигур на ладони» ради удачи или посещения гадалок и ясновидящих. Они часто меня брали с собой, когда отправлялись на встречу с медиумами в одном старом театре недалеко от Трокадеро в Дерби. Они покупали мне палочку лакрицы, чтобы я вела себя тихо, и пробирались со мной внутрь, посмотреть представление, где одна старая дама притворялась, что говорит с умершими.

Несмотря на то, что я была ещё маленьким ребёнком, мне всё это казалось полнейшей нелепостью, но я вела себя тихо. Они же всё это воспринимали всерьёз и обсуждали каждую реплику медиума.

Родители Чёрной Наны не говорили по–английски и подали на пособие, когда попали в Англию, а она встала в очередь на биржу труда. Позже она встретила моего деда, когда работала в пристанционном кафе. Она великолепно готовила, особенно ей удавался пудинг, который так любят все дети. Мой дед умер до того как я родилась. (Лил всё время говорила, что всё ещё его слышит и советуется с ним во всём.) Второй муж Чёрной Наны был очень приятным человеком, звали его Джим Кларкин. С ним всегда приключались всякие смешные истории и он любил рассказывать, как в поисках работы утюжил тротуары Нью–Йорка вместе с Чарли Чаплиным. Все остальные никогда не выезжали за пределы Ирландии, у них даже не было такого желания. Для меня рассказы Джима о его работе в варьете, о Нью–Йорке вселяли в меня надежду, что за пределами нашей семьи где–то есть сказочный яркий мир.

Когда мне было 5 мы уехали из города в Финдон, где у отца была работа. Там мы были в полной изоляции, всего одна улица с бараками по обе стороны и пабом в самом сердце нигде, в нескольких милях от электростанции.

Лазанье по деревьям было самым любимым нашим занятием,

так же как игра в стеклянные шарики Cat's-Eye на самой середине улицы, так как движения в те дни не было никакого. Мы выковыривали перочинным или кухонным ножом стеклянные шарики из их резиновых гнёзд, стараясь не поцарапать. Денег у нас никогда не было, поэтому купить в магазине мы, конечно, их не могли, но был большой соблазн пополнить свой запас украденными.

Неподалёку стояло ещё одно каменное здание, мы его называли «магазинчик на углу», там можно было купить всё самое необходимое. Чай, хлеб, сахар, спички. Ничто не нарушало сельского пейзажа.

Рабочих наняли строить электростанцию, в основном из ирландцев, и им нужно было где–то жить, желательно поблизости. Так у нас и поселился Том. Было ещё несколько человек с острова Фиджи. У них была экзотическая наружность, они были всегда при деньгах и Лил флиртовала с ними в открытую.

Милли Эйре, хозяйка паба, и Лил были хорошими подругами и Лил с отцом там пропадали каждый вечер, оставляя нас с братом снаружи с чипсами и лимонадом. Они сидели там до самого закрытия, ни разу не поинтересовавшись в порядке ли мы, и всё это время мы были предоставлены самим себе. Обычно мы гуляли с моей собакой, Леди, манчестерским терьером, вдоль «канавы», так мы называли канал, прорытый поблизости ещё в викторианскую эпоху.

Дочка Милли, Салли, была дауном одного возраста с нами. Её нравилось играть со щебнем железнодорожной насыпи. Изредка мимо неё проносился Шотландский Скорый и она часами сидела там, блаженно не ведая потенциальной опасности. Родители всегда знали, где её найти. Как–то раз, я услышала гудки поезда и заметила её, как всегда играющую на насыпи. Я окликнула её — ноль внимания. Я уже видела паровоз, появившийся из–за поворота, и побежала к ней, крича, в надежде, что она тоже увидит поезд. Она вскочила и… побежала по путям в сторону от поезда, испуганная моим голосом. Я бросилась за ней, но она бежала очень быстро. Поезд почти нагнал нас, когда я догнала её, мои лёгкие были готовы взорваться от напряжения, но я успела сдёрнуть её в сторону. Поезд прошёл мимо с ужасным грохотом, машинист, высунувшись из окна паровоза, что–то нам прокричал, он был буквально в футе от нас.

По Милли Эйре не скажешь, что у неё есть дочь, по крайней мере, я так считала до этого случая. Она красила волосы в чёрно–янтарный цвет, носила такие платья, какие только можно увидеть в модных журналах. Старых вещей у неё не было. Совсем скоро,

под влиянием Милли, моя мать стала следить за собой. Возможно, именно тогда она начала превращаться из милой мамочки в просто Лил, женщину, у которой никогда не было детей.

Думаю, это послужило её возрождению, она рассказывала нам, что в молодости работала манекенщицей в модном магазине мадам Лесли в Дерби, и с фотографий, которые она нам показывала, смотрела на нас очень симпатичная девушка. Цыганская кровь определила её вкусы, она начала носить яркие бусы, приталенные платья и юбки–солнца. Все её наряды были кричаще–броски.

В тот вечер, когда она ушла, на ней было ярко–жёлтое с чёрными розами платье. Я смотрела ей в след, идущей под руку с Томом, и колышущееся жёлтое пятно платья ещё долго виднелось в сгущающихся сумерках.

Тому было около двадцати (по крайней мере, он был лет на тридцать моложе моей матери), когда стал жить в нашем доме. Однажды мы с Джоном с удивлением обнаружили, что в нашем доме появился жилец. Для нас он был ещё одним взрослым, и мы не проявили к нему никакого интереса. Однажды Том и Лил взяли нас покататься и, доехав до реки, мы с Джоном и прыгающей от радости вокруг нас Леди побежали к берегу, а они остались сидеть в машине. Однако баран заметил нас и, подумав, наверное, что мы хотим занять его лужок, погнал нас обратно к машине. Джон добежал до машины первым. Позже он мне рассказал, что видел в ней целующихся Лил и Тома, но я не придала этому никакого значения, посчитав это нелепой выдумкой Джона.

С тех пор Том стал всегда интересоваться куда мы направляемся, независимо есть ли отец дома или нет. Наш отец не из тех, кто бы стал драться из–за пустяка, даже несмотря на то, что он ирландец и почти всегда чуточку пьян. Но голоса всё усиливались. Ночь, которая вырвала нас из наших постелей и бросила дрожащими от страха на ступени лестницы, стал худшей в нашей жизни. Ночь, пугающая сочетанием печали и тревоги отца, агрессивности и недовольства матери и напускной храбрости Тома. Она стала уродливым пьяным упрёком. Ни Том, ни Чарли никогда прежде не поднимали голоса, если только не были сильно пьяны.

Том и Лил прорвались в гостиную.

— Я ухожу! Я ухожу! Всё! Меня здесь больше не будет! — выскочила она на улицу вместе с Томом, хлопнув дверью.

— Она бросила меня! Она ушла от меня! — жалостно вопил отец, выталкивая нас из залы. Мы с Джоном, как были, в одних

пижамах побежали за ней в ночную тьму.

— Куда ты? Мама! — кричала я.

— Я вернусь за вами, — и даже не стало видно жёлтого пятна платья. Такого ещё со мной никогда не было, я никак не могла понять, что случилось.

Я стояла у калитки, забегала домой только поесть или попить и стремглав бросалась обратно. Каждый раз, как автобус останавливался, у меня сжималось сердце, я молилась, чтобы он привёз мою маму. Каждый раз, когда кто–нибудь сходил с автобуса, я чувствовала, как моё сердце тонуло в океане боли. Когда же наступал вечер и мне приходилось идти спать, я продолжала выглядывать из окна, пока не проходил последний автобус и я не понимала, что сегодня она уже не приедет. Я лежала с широко раскрытыми глазами и смотрела на потолок, там наверху ходил отец из угла в угол, пытаясь утопить своё горе в вине.

Все эти три недели до её возвращения отец не знал, что с нами делать, но когда она ушла во второй раз, она унесла с собой нечто такое, что он сник окончательно. Она забрала у него надежду. Не то чтобы он не знал как с нами быть, нам пришлось заботиться о нём. Мы были как трое маленьких детей, живущих вместе. Он только сам собирал себя на работу, но когда приходил домой, он был настолько пьян, что мог только с трудом добраться до своей постели.

Я очень скучала, я ложилась на её диван, сохранивший запах её духов — последнее напоминание о её присутствии. Джон решил, что будет сам заботиться обо мне. Но что мог сделать 12–летний мальчик? Он пытался готовить на нас двоих, но у него не было денег, а местный магазин отказал ему в кредите. Думаю, они там уже знали про нас всё и, возможно, отец с Лил уже успели им задолжать ещё раньше.

Думаю, моя бабушка дала отцу денег на нас, которые он тут же мог пропить. Однажды они дали мне двадцатку и сказали, что поедут со мной в город, купить сандалии для школы. Они думали купить коричневые туфли с пряжками, какие носили все девочки, но у меня была другая идея на этот счёт. Они сказали сандалии и я решила их понять буквально, и купила красивые босоножки с открытой пяткой. Мне они так понравились, что их тут же и надела. Но так как я возвращалась домой не на автобусе, а пешком, пройдя в них несколько миль, их нельзя уже было вернуть в магазин. Они ужасно ругали меня за истраченные деньги. Им было не понять, как 10–летняя девочка смогла сама без сопровождения взрослых поехать в магазин и купить себе туфли.

Помню, как–то раз, Джон стоял на кухне у плиты и варил томатный суп, пробуя его ложкой.

— Ты берёшь ложку в рот! — воскликнула я с возмущением. — Ты занесёшь туда микробов!

— Это деревянная ложка, — сказал он многозначительно, — дерево убивает микробы.

Прямо под кухней находился колодец и вода насосом поднималась наверх. Когда начинались сильные дожди этим же насосом откачивали лишнюю воду, но ни мне, ни Джону никто не сказал про это. Впервые мы поняли, что что–то не так, когда на полу кухни появилась огромная лужа, вода продолжала прибывать и мы начали черпать её ковшиком. Отца было не добудиться, позвать некого, нам оставалось ждать пока не кончится дождь и вода сама не уйдёт.

В конечном счёте, отец уже не мог встать без нашей помощи с постели и собраться на работу. Иногда мы не могли его разбудить и он лежал весь день на простынях, которые через некоторое время превратились в грязные тряпки. Он храпел, сопел, бормотал что–то, но не откликался на наш голос, пока не наступало время, когда открывался паб.

У нас кончились и уголь, и дрова. Джон вспомнил, что видел уголь на железнодорожной насыпи, как раз там, где паровоз проходил под мостом. И мы стали туда ходить, собирая уголь в старую сумку Лил, там было достаточно угля, чтобы обогреть дом и приготовить еду. За эти недели мы с Джоном почти что срослись друг с другом, ведя скрытный образ жизни. Мир, казалось, позабыл о нас.

По вечерам мы вылезали из дома поиграть с Леди и дать ей побегать. Мы прочёсывали округу вместе с Ники Эйре, который потихоньку таскал деньги из папиной кассы в пабе, и был для нас потенциальным источником еды. Он забавлялся тем, что, купив бутылку газировки, выливал её в канал прямо на наших глазах, но надо сказать, иногда он воровал для нас хлеб с кухни и мы ему за это многое прощали.

Должно быть каждому, кто встречал нас, было очевидно, в каком мы бедственном находимся положении. Джон просто был не в силах уследить за всем и моё платье с каждым днём становилось всё грязнее и прозрачнее от дыр. Теперь, если ребёнок придёт в школу в таком виде, немедленно вызовут социальные службы и заберут его в 24 часа. Но прежде, никто на это не обращал внимания.

Одной из учительниц так стало меня жалко, что она принесла целый мешок всяких вещей, там даже я нашла одно из её платьев. Голубое с морским воротничком, но оно было на взрослую

женщину и висело на мне как на вешалке, доставая до пола, а рукава закрывали мне ладони. Но я его надела в школу, так как в моём платье ходить я уже не могла, ещё я нацепила её большущие парусиновые туфли, которые спадали с меня при каждом шаге. Но посмотрев на себя в зеркало, я смирилась со своим новым образом.

Другие дети нас часто дразнили и обижали. Меня они иначе как «цыганкой» или «жестянщицей» не называли за мой неряшливый и неподходящий вид. Теперь я понимаю, что это было формой расовой неприязни, но тогда, ребёнком, меня это страшно бесило и одновременно душил стыд. Но это научило меня решительности и более всех других я стала защищать своё я от ударов судьбы. В школе никто так плохо не одевался как мы. Педагоги нас жалели тем более, чем больше ненавидели нас другие дети, но в уличных играх мне не было равных. Во мне зародилась мысль бросить школу и начать свою собственную игру, по крупному, или вместе с Джоном, если бы мне удалось уговорить его присоединиться ко мне.

Однажды в пабе отец встретил супружескую пару и они сказали ему, что могли бы присмотреть за его детьми, если он, конечно, не возражает. Конечно он тут же согласился. Они приехали вместе со своими четырьмя детьми и мы с Джоном тут же были ими низвергнуты тщательным осмотром. Нам было ясно, что это плохие люди, но отец не обращал на такие мелочи внимания. Поскольку они были готовы избавить его от заботы о нас, он не собирался задавать им никаких вопросов или что–то требовать от них. Но это не стало для нас той тихой жизнью, о которой он так тосковал. Однажды, придя из школы, я вдруг обнаружила, что будка пуста.

— Где Леди? — закричала я, — где моя собака?

Начать с того, что они никогда нам ничего не объясняли, поэтому они сказали мне, что собака внезапно заболела и ветеринар сказал, что её необходимо усыпить. На следующий день их эльзасец занял её место в будке. Стало ясно, что уже ничего не спасти и не на кого положиться. Я начала думать, что если Лил об этом узнает, то приедет и спасёт нас, но у нас не было ни малейшего представления, где она может быть.

Полагаю, к этому времени отец задолжал уже крупную сумму за аренду дома, потому что какие–то кукушки из нашего гнезда донесли на него домоуправлению и потребовали, чтобы они лишили отца права снимать у них жильё. Отец, как всегда послушный в таких делах, подписал бумаги, которые нас всех троих лишили крова.

Все семьи были потрясены, когда Лил ушла, оставив нас, все

видели полную неспособность нашего отца, но никто даже не подумал позаботиться о нас. Начать хотя бы с моей бабушки, с возмущением запихивающей свои старые кости в автобус и с двумя пересадками едущая к нам и в этот же день возвращающаяся обратно в город, чтобы только сварить нам обед на неделю. Вечно причитающая, что ей хватает забот с её мужем Джимом и нашим дядей Джеком, а тут ещё мы на неё свалились и это в её–то возрасте! Ещё и недовольная нашим беспорядком в доме. Но вот теперь наша семья оказалась без крова, и нам действительно нужна была чья–то помощь.

— Проблема Лил, — подслушала я как–то взрослый разговор, — в том, что она не может жить в обычном доме. В ней слишком много цыганской крови, которая заставляет её жить табором.

Никто из них не надеялся на её возвращение. Ещё сказали, что не отцу, а кому–то другому придётся о нас позаботиться.

Сначала нас отослали к нашей тётушке Валери, дублинской сестре отца. Она жила одна и мы поселились в её квартире над магазином. Квартира эта была осколком огромного семейного наследства. Мой дед по отцу, Джеймс, был довольно успешным агентом по продаже домов и земли, он вовремя успел скупить почти за бесценок протестантские дома, когда в 20–е и 30–е их погнали из Дублина, а потом выгодно продал. Он владел почти всеми домами на Багхот–Стрит, но после его смерти, отец с братьями быстро всё спустили. Никто из них так и не смог хорошо устроится в этой жизни. Отец говорил, что это потому, что из них выбили желание жить ещё в школе Христианских Братьев, которая печально известна своими непрекращающимися порками.

Мой отец продал свою долю наследства жестянщикам, среди которых он и стал жить в будущем. Они дали ему 8 тысяч фунтов. Сейчас эти дома, а среди них многие эпохи короля Георга, принадлежат компании МакДональдс.

Остальные члены семьи, не в пример нам, получили хорошее образование и жили в добротных домах. Они даже не старались скрыть своё к нам отношение. Отец в их глазах ещё больше упал, женившись на некатоличке, что сразу определило наше положение в обществе, как презренных, и в лучшем случае мы могли рассчитывать только на жалость.

Никогда не побыв замужем, никогда не имея дела с детьми, тётку Валери потрясло наше появление в её жизни. Она была невероятно высока и худа, а в горле у неё как будто застряла палка. От неё всегда плохо пахло, казалось ей было жалко времени на то, чтобы помыться. Как–то однажды мы увидели её ноги, нам показалось, что на них были следы засохшей грязи. Она

никогда не готовила, готовить к ней приходила кухарка, и нас она обыкновенно кормила солёной овсянкой и картошкой, которую варила не чистя. Она ходила в церковь два раза в день и стала брать нас с собой. Прошло совсем немного времени и мы с Джоном решили, что нужно срочно что–то предпринять, если мы не хотим умереть либо от её стряпни, либо со скуки.

Мы разведали возможность побега. Мы сели на автобус, чтобы попасть на паром в Дун Лаогхэйре, и прибившись к большой семейной группе, мы попали на борт без билетов. На всём протяжении плавания мы переходили от одной группы к другой в надежде, что никто не заметит, что мы путешествуем сами по себе. Мы чувствовали себя превосходно, освободившись от тётки Валери, хотя мы не представляли, что будем делать, когда доберёмся до Англии. Мы только доверились Судьбе и радовались приключениям. Возможно, Джон думал, что найдёт работу и сможет нас двоих прокормить. У нас действительно не было никаких планов, мы только хотели сбежать из квартиры, где пахло смертью. Когда вдали показался силуэт Холихеда, мы впали в восторг, уверовав, что нам удался побег. Затаив дыхание, мы ждали когда паром причалит и можно будет сойти на берег. Но кто–то на борту, должно быть, заметил нас, потому что как только мы высадились на берег, нас там уже ждали.

Мы не выкручивались и не плели истории. Мы честно признались, кто мы и откуда. Отца они нашли быстро и семья снова воссоединилась. Представляю, с какой большой неохотой тётка Валери приняла нас обратно. Этот побег нас многому научил. Мы решили, что бежать вместе опасно. Мы должны разделиться, так как всё равно никто в семье не хотел заботиться одновременно о нас обоих. Поскольку я была девочкой и самой младшей, то решила, что самое лучшее это наняться в пастухи. Джон, как я полагаю, думал воссоединиться с отцом.

У нас ещё была 19–летняя сестра, мамина дочь Джин, знала я о ней немного, только то, что она родилась задолго до того как наша мать встретила отца, хотя я и не была полностью в этом уверена. Все всегда сразу замолкали, а Лил тут же меняла тему, когда кто–нибудь вспоминал прошлое, а меня оно никогда не интересовало. Похоже, она чуточку ревновала ко мне, называла меня не иначе как «милашка» и всегда отворачивала мой портрет к стене каждый раз, как приходила навестить Лил.

Однако, именно Джин, досталась я. У неё было двое маленьких. Мужа звали Эдвин, он работал санитаром в местной психиатрической лечебнице. То, что нас с Джоном разъединили, стало для меня трагедией, будто из меня вырвали кусок тела, много лет спустя я узнала, что для него это оказалось тоже

большой травмой. Он провёл следующие несколько лет, следуя за отцом от одного дощатого барака до другого, временами им приходилось спать вместе с другими ирландскими рабочими, такими же, пытающимися выжить. С этого момента моей жизни уже никто никогда больше не называл меня Каппи. Для всех я стала Катлин.

Я была настолько эмоционально ранима, что всякий раз когда Эдвин, что–то требовал от меня, выражаясь в обыкновенной для него очень грубой манере, я воспринимала это как личную обиду и верила, что он придирается ко мне. Я пожаловалась на него моей бабушке, но после того как она с ним поговорила, это привело ещё к худшим результатам. Теперь из просто обузы я превратилась в неблагодарную и вероломную обузу.

Джин была очень музыкальна. Он часто открывала свой небольшой проигрыватель и ставила пластики со старыми танцами 40–х и кружилась по комнате, притоптывая в ритм. Она играла на пианино так хорошо, что меня каждый раз завораживала её игра. Впервые в жизни я поняла, что музыка может спасти от угнетающего однообразия будничных дней. Я воспряла духом и её игра помогала мне забывать реальность.

Дом Джин и Эдвина стоял на самой окраине муниципального посёлка и Джин, казалось, была навсегда покинута своими друзьями и соседями. Она не хотела меня видеть в своём доме, а я не хотела там находиться. Столкнулись два неуживчивых, упрямых характера и очень скоро она поняла, что я гораздо сильнее её. И в который раз перед отцом встал выбор.

Я всегда считала, что тётушка Лил — племянница моей бабки. Она жила со своим мужем Джорджем, добродушным булочником, работающим по ночам. У их дочери уже давно своя семья и прошло много лет с того времени, когда в их опрятном чистеньком домике рос ребёнок. У тётушки Лил была страсть к азартным играм и моя жизнь превратилась в бесконечную вереницу каких–то людей сменяющих друг друга за карточным столом в гостиной. Долгими вечерами я сидела в углу с книгой в руках, пока тётушка Лил со своими карточными друзьями вели серьёзные баталии в бридж. Мне часто вспоминается та комнатка за мебельным магазином, где мне удавалось ухватить несколько часов сна перед тем, как идти в школу.

Ещё тётушка Лил любила своих волнистых попугайчиков, их клетка стояла в гостиной, где не смолкал их щебет, прерывающийся только на ночь, когда тётушка накрывала клетку чёрным платком, чтобы они не мешали спать. Я никогда не стала бы держать птиц дома. Нет, я ничего не имею против птиц, я даже кормила их у нас в саду. Но чтобы они летали вокруг меня — от

этого мне становилось жутко. А тётушка Лил часто выпускала своих любимцев из клетки и они летали по гостиной.

Однажды, когда я сидела на их до блеска вычищенном диване Джоуи сел мне на плечо, его крылья хлопали прямо перед моим лицом. В страхе я схватила его и он с силой клюнул мне в палец. Я запаниковала и, разозлившись, зажала его в кулаке. Пальцы сжались инстинктивно, их было не разжать пока его маленькое жёлто–голубое тельце не перестало трепыхаться у меня в руке и я не смогла вытащить его острый клюв из моего пальца.

Не зная, что делать с телом моей жертвы, я снова запаниковала и засунула скомканное маленькое тельце обратно в клетку, где оно осталось лежать на полу с осуждающим видом. Я была уверена, что они поймут, что это сделала я, которая, по общему убеждению, являлась ужасным ребёнком, но я не могла позволить себе какой–нибудь трусливый поступок. Когда тельце было обнаружено, в доме наступила внушающая мне страх скорбь и, к моему, нет, не смущению, а к моему удивлению, не было ни намёка на возможность злостного убийства.

Уже прошло несколько месяцев, как я жила в доме Лил и Джорджа. Однажды приехала их дочь Джун и все взрослые собрались в гостиной, закрыв дверь прямо передо мной. Я старалась подслушать о чём они говорят, но разобрала только обрывки фраз. Кажется, муж Джун, пожарный, был арестован за непристойное поведение. Я не знала, что это значит, но понимала, что это что–то очень серьёзное. Определённо, из–за этого он должен был потерять работу. Новость всех потрясла. Решили, что в такое тяжёлое для семьи время им нужно объединиться. Так я попала в новый дом.

С каждым переездом мне приходилось менять и школу. Я справлялась с вынужденной сменой друзей и педагогов, но становилась все более непредсказуемой и настойчивой.

Моя тётя Катлин была замужем за Дермотом, очень богатым человеком, и жила в большом доме эпохи короля Георга. Дом носил название «Орлиная вилла» и стоял в пригороде Дублина. Её дочь, Колетт, на несколько лет старше меня, уже ждала моего приезда и даже более того, она придумала как избежать моего вселения в её комнату. Меня «низвели» на второй этаж, поставив кровать в великолепную художественную мастерскую, для меня это было даже лучше. В доме в основном обжиты были только кухня и гостиная, кругом фамильное серебро и старинная мебель, совершенно неподходящая обстановка для ребёнка, вроде меня.

Тётя Катлин отправила меня к зубному, который вылечил мне все зубы, несмотря на то, что внизу я уже давно потеряла несколько и жевала дёснами. Ещё она придумала, что делать с

моим отсутствием образования. Она решила, что женский монастырь самое подходящее для меня место и я была определена в дневную школу для девочек с академическим образованием при монастыре Благочестивой Веры.

Монахини вскоре определили, что из–за моего прошлого я выпадаю из сверстников и перевели меня на класс ниже, но я всё ещё не могла справиться с учёбой. Тогда они решили перевести меня в интернат в Шхерах. Это вызвало денежную бурю в нашей семье и позже отец говорил, что ему пришлось продать последний кусок его наследства цыганам «за песню», чтобы оплатить школу.

Наконец, за школу заплатили и меня отправили в Шхеры. Бессомненно в семье все облегчённо вздохнули. От Лил по–прежнему не было никаких известий.

Глава 2.

Монахини (ещё один тип в коллекцию странных людей) стали моей новой семьёй, а серые холодные гулкие монастырские коридоры стали моим новым домом. В любом случае я была рада быть подальше от двух буйных подростков, сыновей тёти Катлин, которые дразнили меня при каждом удобном случае, и Колетт, которая даже не старалась скрыть своего пренебрежительного отношения ко мне. Но мне стало не хватать её собак и дяди Дермота, с его религиозными открытками. Мне часто приходилось помогать ему их аккуратно сгибать и раскладывать по конвертам, и он даже платил мне за это.

Я обнаружила, что всё чаще и чаще стала придерживаться своего мнения. Я избегала общения, люди меня только утомляли. Мне нравилось быть среди них, но я не хотела ни от кого зависеть. Мне было суждено позаботиться о себе самой, тем более что я это уже могла сделать.

Поняв, что я приношу одни беспокойства, они поселили меня рядом с кельями монахинь в общую спальню и я вынуждена была придерживаться давно заведённого распорядка, молиться каждый день и мыться ледяной водой. В действительности, ничего нового, тоже было и у тётки Валери, только, по крайней мере, я находилась среди сверстниц и еда была много лучше. Может показаться, что всё это могло угнетать и вызывать уныние, но это было не хуже, чем всё, что я пережила после того как ушла Лил.

Тётя Катлин решила, что для всех будет лучше, если я буду оставаться в монастыре и на выходные, сколько бы они ни длились, ей хватало забот и со своими детьми. Моё видимое сиротство затронуло души сестёр, потому что других девочек они постоянно наказывали за совершённые и ещё не совершённые проступки кожаными плётками по голым ногам, ко мне же они

всегда проявляли сострадание. Они зорко следили, чтобы никто не смеялся над ситуацией, в которой я оказалась, заметив, что я не получаю никаких писем и у меня нет ни одной фотографии членов моей семьи. Они закрывали глаза даже на то, что я, играя в хоккей, жульничала и пускала в ход ноги.

Сёстры и мирские педагоги, не жалея своего времени, занимались со мной дополнительно. Для меня были непривычны их внимание и забота, и я подумала, что должна ответить на их попытки. Всеми знаниями, которые я приобрела в жизни, я обязана им и занималась всё время, в любую свободную минуту. В итоге, я так никогда и не научилась готовить, Наступало оцепенение как только я подходила к плите. Когда я стала взрослой, это выросло в огромную проблему, выразившуюся в вереницу ссор с моими партнёрами.

Бог стал играть в моей жизни главную роль, потому что люди, которые ему следовали, все желали мне только добра. Сёстры делали всё, что было в их силах, чтобы спасти мою душу и я шла им навстречу. В своих устремлениях они даже начали шить мне одежду, сделали шляпку и начали брать меня с собой в Дублин, в кафедральный собор. В тринадцать я оказалась значительно взрослее своих сверстниц и очень стеснялась своих форм. Я поделилась своими переживаниями с моей наставницей, сестрой Марией—Терезией. От неё всегда исходил стойкий запах мочи.

— Если они будут тебя расспрашивать, — сказала она после минутного раздумья, — скажи, что ты просто растёшь быстрее других.

В праздники монахини особенно были добры ко мне. Помню, в Пасху принесли мне яйца, а местный священник подарил мне маленький медальон с моим именем. Мать–настоятельница занималась со мной дополнительно, в то время как другие девочки уже отдыхали. По большей частью это было слово божье. Религия меня увлекала всё больше и больше, внося в мою несчастную жизнь какой–то смысл, надежду, что не зря были все эти страдания. Я даже начала думать, а не стать ли мне монахиней.

Через дорогу, напротив окон нашего монастыря, стояло здание самой большой гостиницы во всей округе. Мне нравилось смотреть как женщины в красивых платьях и мужчины в дорогих костюмах выходили из своих автомобилей и заходили в двери. В больших окнах гостиницы мелькали танцующие пары в вечерних нарядах, группы людей беседовали у раскрытых окон. Я представляла, как должно быть красива жизнь у взрослых, которые могут ходить, куда хочется и делать, что нравится.

Жизнь представлялась такой весёлой и вот, однажды, тебе разрешат присоединиться к ним, тобой больше не станут пренебрегать, от тебя не будут больше прятаться и детские страхи растают как утренний туман.

Однажды на собрании, монахини решили, что неплохо бы нам преподать уроки балета и выписали педагога. Девочки все были из обеспеченных семей, у меня одной не было балеток, но сёстры купили для меня пару. Казалась бы простое дело, но я была ещё долго под впечатлением. В одно мгновение мы все стали балеринами. Но я была ужасна, полное отсутствие чувства ритма и баланса, им ничего не оставалось делать как использовать это поводом сшить мне платье.

Я уже находилась в монастыре больше года, когда однажды одна мирская учительница заглянула в класс и сказала, что «меня хочет видеть мать–настоятельница, у неё в кабинете кто–то, кто срочно хочет меня видеть.» Впервые меня навестили здесь и я не могла представить, кто это мог бы быть.

Когда мы дошли до кабинета матери–настоятельницы, мы остановились и она шёпотом произнесла:

— Может быть, это для тебя будет слишком неожиданным, — на её лице отразилась забота обо мне. — Но там кто–то, кто очень хочет тебя видеть, мы пытались не впускать, но не смогли.

Она открыла дверь и втолкнула меня в кабинет, там сидела Лил, на ней был строгий костюм и шляпка. Уже 4 года мы не виделись. Она вскочила со своего места и побежала через всю комнату навстречу. Как только я оказалась в её объятиях, я почувствовала, как напрягся каждый мускул в моём теле. Мои руки приклеились к бокам, плечи онемели, не могу с уверенностью сказать, почувствовала ли я радость, увидев её, или ужас. Я растерялась.

— О, Катлин, как ты? — обрушился на меня её водопад. — Столько лет, я так скучала!

Я не могла выдавить из себя ни одного слова, мой язык одеревенел, губы онемели. Мать–настоятельница тактично вышла, оставив нас наедине, и Лил зажурчала ручейком. Помню только, что она всё время говорили «мы» и я никак не могла понять, что она этим хотела сказать. Была ли она всё ещё с Томом, тем чудовищем, который увёл её той ночью много лет назад? Все эти годы я, совершенно забыв про него, представляла свою мать, одиноко живущую где–то, и даже не предполагала, что Том может вернуться в мою жизнь. Я гнала от себя эту мысль и очень старалась обрадоваться встрече с мамой.

— Может тебе что–нибудь нужно? — в конце концов спросила она.

— Ну, — я пожала плечами и, подумав с минуту, сказала:

— Думаю, мне нужны новые туфли.

— Спроси разрешения, может они отпустят тебя со мной сейчас и мы съездим за покупками, — предложила она.

Я кивнула и она поделилась этой идеей с только что вошедшей матерью–настоятельницей, обещая, что потом проводит меня обратно в монастырь, и сказала точно на каком автобусе мы вернёмся из Дублина. Мать–настоятельница согласилась, хотя я почувствовала, что ей такое предложение оказалось не по душе. Думаю, она не хотела меня расстраивать и говорить, что я не должна пропускать занятия.

Добравшись до Дублина и купив мне туфли в обувном магазине на О'Коннелл—Стрит, я понемногу начала оттаивать. Мне было хорошо от мысли, что мама вернулась и что мы поехали в магазин. Это придавало мне уверенности. Увидев, что я повеселела, она задала мне вопрос.

— Как ты смотришь на то, чтобы вернуться и жить снова у меня?

— Ой, это бы было здорово! — воскликнула я.

— Ты бы ходила в нашу римско–католическую школу при монастыре, — сказала она, полагая, что я увлеклась религией, — в Честере, где мы живём.

— Хорошо, — сказала я. Мне понравилась эта идея, хотя я и заметила, что уже во второй раз у неё проскользнуло «мы».

— Нам нельзя возвращаться в монастырь в Шхерах, — сказала она в задумчивости, — потому что не думаю, что они, вот так просто, тебя отпустят со мной. Нужно будет заполнить кучу бумаг. А нам ведь совершенно не хочется это делать, правда, а?

— Да, наверно.

Я толком не представляла, что она хочет этим сказать, но мне нравилась мысль снова пуститься в приключения.

— Я куплю билеты, — она полезла в сумочку, — на паром в Англию. И если мы сейчас же отправимся, то успеем до вечера попасть домой.

Я всё ещё не была уверена к кому мы приедем, если отправимся домой. Но я так боялась услышать её ответ, что не стала ни о чём её спрашивать. Мы благополучно сели на паром, но когда берег Ирландии стал исчезать за горизонтом, она вдруг начала мне говорить, что живёт с Томом и как хорошо будет жить снова одной семьёй. Самые страшные подозрения подтвердились. У меня всё внутри похолодело. Наше время, проведённое вместе, сейчас вот–вот кончится, мечта умерла всего через несколько часов как родилась. Я хотела быть с ней, но я не хотела видеть того мужчину, который уничтожил всё моё детское счастье.

Когда, наконец, мы добрались до их небольшого дома на Филлипс–Стрит в Честере, Том нас уже встречал и старался из всех сил понравиться своей падчерице, придя на всё готовое. Настроение у меня было мрачное и я не шла ему на встречу.

— Я заварил вам чай, — сказал он, усаживая нас за кухонный стол.

От нервного перевозбуждения я не могла произнести ни слова. Когда передо мной поставили чашку, я сделала слишком большой глоток и горячая вода попала не в то горло. Я стала задыхаться. Они быстро уложили меня на спину и, кричали, как по–написанному, что мне следует делать, чтобы вернуть дыхание, а в это время я боролось за воздух, в полной уверенности, что Том намеревался меня убить. Было очевидно, что он не хотел со мной жить, так же, как я не хотела с ним.

Я не умерла тогда от того, что захлебнулась, но я подумала про себя, что он попытается убить меня ещё раз.

Он внушил мне страх, этот безобидный человек. Я повесила над кроватью распятие, надеясь, что Иисус защитит меня от него. Если даже он заходил в мою комнату, стараясь быть дружелюбным, я сжималась, как собака в ожидании удара, лихорадочно соображая как увернуться от его цепкой хватки, если, вдруг он взмахнёт кнутом.

Когда открылось, что я не вернулась тем автобусом в Шхеры, монахини всполошились, чувствуя на себе вину, что позволили меня украсть постыдной Лил. Печальную новость сообщили отцу и он, с несвойственной ему энергией и злостью, сорвался на поиски. Он приехал в Честер не только не зная номер дома, но и названия улицы. Он переходил от дома к дому, стучался во все двери, расспрашивал, не видел ли кто меня. Так он дошёл до дома нашего соседа, но Лил предупредила его, выйдя с Томом навстречу.

— Оставайся в доме, — приказала она мне, — мы не позволим ему похитить тебя снова.

Снаружи донеслись вопли и крики. Трепеща от страха, я гадала, что там может происходить. Я хотела остаться с Лил, но не хотела быть рядом с Томом. Я не хотела идти с отцом и определённо не хотела возвращаться в монастырь, где все ко мне относились как к сироте, хотя в данный момент это, казалось, наиболее мирным решением.

Отец никогда не был достойным соперником для Лил. Возможно, из–за алкоголя, у него никогда не было ни сил, ни желания предпринять что–то большее, чем молчаливое сопротивление. В тот момент, когда он понял, что не сможет здесь ничего сделать, он исчез так же внезапно, как появился,

исчез, поджав хвост. Тётя Катлин сдалась не так легко. Она знала, что Лил легче победить в словесной битве и обратилась к закону, надеясь сказать слово в защиту меня в суде и надеясь, что судья обяжет Лил вернуть меня в Шхеры, где я получу гарантированное образование и защиту от каприз материнского инстинкта Лил. Суд, однако, решил обратное. Лил праздновала победу.

Монастырю моею матерью было дано обещание послать меня учиться в Честер, как только выяснится вопрос о стоимости образования. Пока она меня искала, она восстановила отношения с моей бабушкой и попыталась наладить жизнь семьи, которую она с такой ненавистью прервала несколькими годами ранее. Меня перевели в католическую среднюю школу и Лил пришлось пойти на вечернюю работу в паб, чтобы как–то свести концы с концами.

Фактически, это стало концом моего образования, так как в школе царил хаос и выявились правонарушения, и я никогда не была так близко к тому, чтобы сбиться с пути. Там никто не утруждал себя занятиями и я делала крошечные попытки добиться какого–либо успеха. Я уже была готова к приключениям взрослой жизни, а эта школа только тормозила развитие. Я начала убегать при каждом удобном случае. Всякий раз мать меня возвращала назад, но теперь я знала наверняка, что смогу исчезнуть для них. Когда нет ничего, кроме смутных детских воспоминаний, можно даже в Лил найти материнскую теплоту. Но жизнь это реальность и я хотела уйти от неё также, как когда–то она отвернулась от меня. Я не верила, что она не бросит меня снова. Эта угроза всегда висела надо мной и чувство обиды, увеличивающееся с тех пор как она бросила меня, теперь рвалось наружу.

Может быть я любила её, ведь она была моей мамой, но я не верила ни одному её заверению, скоро вернуться за мной, если у неё было место, где жить. Однажды, я узнала, что она живёт в караване, это ещё тогда, когда она жила с отцом, хотя ей все говорили, что этого делать не следует. И она должна была жить в доме, чтобы иметь статус домохозяйки, если хотела вернуть меня без боя.

Она делала попытки жить на одном месте, но это было выше её сил.

— Я больше не могу оставаться здесь! — рвала она на себе волосы.

Как только меня долго не было дома, она тут же присоединялась к каравану. Это были просто дома на колёсах, но она видела в них романтику цыганских караванов, в каких путешествовали обычно вдоль средиземноморского побережья её

предки в прошлом веке. Она всегда относилась с насмешкой над ирландскими жестянщиками, продающими горожанам веточки вереска на счастье, заявляя, что они ничего общего не имеют с настоящими кочевниками, какими была её семья.

В итоге, она всё время была в движении, всё время в поиске лучшей жизни — цыганская душа снова и снова руководила её поступками. Она украшала все свои жилища одинаково, до блеска начищенная конская сбруя и кружева в каждом углу, вдоль каждой полки или края, какого только она могла найти.

Она не только не знала, где бы мог быть Джон, с того момента, как ушла, но даже не делала ни одной попытки найти и воссоединиться с ним. Возможно, мысль о ребёнке в доме снова напоминала ей, из–за чего она сбежала в первый раз. Возможно, её разочаровала дочь, но когда она вернулась, она точно также разочаровала и её. В последний раз она видела меня нежной уступчивой десятилетней девочкой, теперь же я выросла в драчливого, взвинченного, обидчивого подростка.

В школе Катлин, маленькая монастырская девочка исчезла и все меня стали называть Кейт. У меня появились две подруги, Синтия, так звали одну, другую — Плам. И Лил, и Том старались наладить родительский контроль надо мной, но это было невозможно. Их действия развили во мне стойкость, и что ещё они для меня могли худшее сделать, чем уже сделали? Я не говорю о физических наказаниях, которые не были у них в привычке, они не делали ничего, что угрожало бы моей жизни. Но ни их разочарование, ни их порицание не могли вызвать во мне чувство стыда, они не смогли привить уважение к себе. На всё, на что они были способны, это постоянно жаловаться, сколько беспокойства и какие трудности им приходится преодолевать из–за меня. Такие заявления не трогали меня. Теперь я была уверена, что если мне придётся что–то решать за себя, я это сделаю, возможно, лучше них.

Особенно негодовал Том, старающийся приобрести авторитет в моих глазах, тогда как, для меня именно он был полностью виноват, что наша семья оказалась в таком состоянии. Я стала старше, а он мне запрещал приходить домой позже 10 часов, но я приходила домой только тогда, когда чувствовала, что нагулялась. Они выходили на улицу искать меня и мы устраивали словесные бои перед окнами соседей. Теперь бы я назвала это обычными подростковыми проблемами.

У моей подруги Плам было не только много тела, у неё была ещё огромная душа, открытая, искренняя и весёлая, с таким человеком мне хотелось быть, при ней исчезало вечно гнетущее меня чувство одиночества. По дороге домой из школы она нас с

Синтией так смешила, что мы хохотали до слёз. На воспитание Плам мать отдавала все свои силы, в то время как воспитанием её бесконечных братьев и сестёр занимались социальные службы. У них в семье не было ни денег, ни достатка, её мать была вечно занята, но я завидовала Плам, у неё была семья и они любили её. Я всегда завидовала тем, кто жил в семье, может быть даже в не совсем полноценной, и мечтала, чтобы хоть ненадолго, они смогли меня удочерить.

Синтия была англо–индианкой и их семья, думаю, была несколько богаче нашей. Однажды она нас поразила тем, что вытащила кошелёк из портфеля учителя, когда мы все выстроились у доски на проверку работы. На переменке она торжественно сообщила нам, что ей удалось сделать. Мы были оскорблены до глубины души. К концу уроков мне казалось, что её должна поразить молния и нас с ней за одно, как укрывателей.

Несколькими днями позже Лил получила письмо от матери Синтии с просьбой навестить её. Когда мы приехали в их уютный дом, мать Синтии рассказала нам про этот отвратительный поступок, что он совершенно не в характере её дочери, и что я и Плам плохо влияют на Синтию, и что мы сводим на нет все её усилия по воспитанию дочери, и что она знает всё про моё прошлое. Лил с жаром бросилась меня защищать, возможно полагая, что такое обвинение отразится на её репутации как матери, а оправдания к хорошему не приведут.

Выбывание Синтии из игры, означало для нас с Плам, что теперь мы одни тайком составляли план побега, чтобы вдвоём отправиться на поиски приключений. Мне нравилось ощущение, что моя жизнь принадлежит мне одной, что я сама могу решать, чем занять себя и никто меня в этом не в силах остановить. Себе я казалась уже взрослой и мне незачем ждать окончания школы. Раздражало то, что мир взрослых всё ещё не видел во мне ровню.

Меня не смущало то, что я, по существу ещё ребёнок, окажусь среди взрослых. Не знаю, откуда у меня такая уверенность, но я никогда не боялась людей, всегда вполне комфортно чувствовала себя на улице и не стеснялась заговаривать с незнакомыми. Я никогда не понимала, почему многие в такой ситуации теряют уверенность. Для меня до сих пор остаётся это тайной.

По плану мы, Плам и я, встречаемся утром на автобусной остановке, одетые в школьную форму с портфелями и деньгами на обед в кармане. Затем на станции мы переодеваемся и садимся в поезд и едем сколько хватает денег. Билеты на автобус мы никогда не покупали, но нас никогда и не ловили, система контроля не была такой эффективной как в наши дни.

План наш был достаточно романтичен: мы снимаем комнату

на двоих в каком–нибудь отдалённом городе, находим работу, и никто не знает сколько нам на самом деле лет. Обычно нам удавалось продержаться так одну ночь, затем нас ловила полиция и возвращала домой до следующего раза. Однажды так мы добрались до самого Ливерпуля и, прогуляв всё время по городу, обнаружили, что наш корабль уже закрыт. Хитростью мы пробрались на борт какого–то судна и спустились в камбуз, чтобы приготовить себе бобы, но наш пир продолжался недолго, полиция нас выследила и сочинила историю, что мы профессиональные воры (жаренных бобов), взломщицы и к тому же в бегах. На самом деле мы ничего не попортили и владелец судна потребовал, чтобы нас не наказывали и не сообщали журналистам (позже мы смогли вернуться на наш корабль, но поесть бобов у нас уже возможности не было), нас отослали домой, где мы выслушали целую лекцию.

— Ты хочешь моей смерти, — причитала Лил, каждый раз, как меня возвращали домой, между прочем забывая, кого из нас не было дома целых четыре года, и кто совершенно не интересовался судьбой своей дочери. Риторический вопрос. Они с Томом уже не выходили поздними вечерами искать меня, но, возвращаясь, я слышала как она кричала мне из спальни:

— Катлин, это ты?

Я не беспокоила себя ответом. Я не собиралась оставаться навсегда у них.

Итак, однажды мы с Плам сели на поезд и он привёз нас в Лондон. Именно туда я всегда хотела попасть, поскольку я считала его центром вселенной.

Кто–то нам порекомендовал один клуб в Сохо на Джеррард–Стрит, в самом сердце бурлящего Чайнатауна, где будто бы молодёжь могла собираться и никто не приставал бы с расспросами. Клуб занимал цокольный этаж. Когда мы вошли, там играл один парень на саксофоне. Звук потряс меня, он влетал в самую середину толпы, расшевеливал её и возбуждал, у меня перехватывало дыхание. Мы там пробыли совсем недолго, как кто–то положил руку мне на плечо. Я обернулась, за мной стояла совершенно будничная фигура женщины–полицейского.

— Сколько тебе лет? — задала она свой вопрос.

— Шестнадцать, — ответила я.

— Ну, я так не думаю, тебе придётся пройти со мной.

Там было много таких же как мы, малолеток, и после того, как полицейские убедились, что мы все убежали из дома, нас отвезли в участок на Савиль—Роу и заперли на время, пока не определят точно кто мы и откуда. Всё происходило так как если бы нас собирались рассовать по детским домам. Это была самая

длинная ночь в жизни, никто даже не заглянул, чтобы уменьшить наше всё возрастающее беспокойство.

На следующий день нас с Пламой разделили и отослали в два разных дома. Меня отправили в Норвуд. Там было много трудных детей, у многих явно были психические расстройства, они весь день сидели по углам и тряслись. Для меня там было даже неплохо, я провела там три недели и делала многое такое, что никогда ещё не делала, например, играла в теннис. Часто мы садились в круг и болтали о том, в какое приключение мы отправимся в следующий раз. Многие уже успели попутешествовать и были так далеко, как ни Плам, ни я бы не отважились. Слушая их рассказы, я начала думать, что возможно, возвращение домой не совсем уж плохая идея. Пройдёт совсем немного времени и я смогу приехать в Лондон совершенно законно.

По истечении трёх недель я предстала перед судом. Мо родственники должны были доказать судье, что они способны препроводить меня домой и обеспечить надлежащий присмотр.

Лил, Тома и Чёрную Нану привёз в Лондон дядя Джек на Скачущей Лене, но когда они добрались до Гайд–Парк–Корнер, который в те дни был закрыт для машин, и был знаменит своими бегами, у него началась паника. Он остановил машину и отказался двигаться куда бы то ни было. Никто не изъявил желания сесть за руль и так как они остановились в самой гуще потока, все эти несимпатичные водители стали истошно сигналить и, проезжая мимо них, угрожающе грозить кулаками. Они решили покинуть Лену и обратились в бегство. Собрав всё своё достоинство, остальную часть пути до здания суда они совершили на общественном транспорте.

Спустя пару часов мы все сидели за столом в большом зале заседаний суда. На мне было скромное платье, которое Лил заблаговременно прислала мне. Изо всех сил я старалась выглядеть покорной дочерью, но никак не убежавшим из дома ребёнком. Официальные лица по другую сторону стола спросили меня, что хотела бы я.

— Я хочу домой, — произнесла я, так жалобно, как могла.

— Не будешь ли ты пытаться убежать из дома снова?

— О, нет.

Думаю, мне удалось поймать именно ту нотку, но если не это, так глаза у меня были точно уж на мокром месте.

К тому же Лил сумела убедить их, что она справится со мной, если они позволят мне вернуться. Она заговорила их полностью, а она умела это делать, если делала, как это было с монахинями из Шхер, и через несколько часов мы спасли Лену из цепких лап

полиции, заплатив штраф за то, что бросили её посередине улицы, и обратили наши взоры назад на север.

Настроения у меня не было никакого и я тупо уставилась в окно, пока бабушка хлестала меня языком всю дорогу, я и злодейка, я и неблагодарная, и одни проблемы со мной, и дорого за мной ездить, и страдания, которые они вечно испытывают, и не жалею я мою бедную мать, и не жалею я её самою… и прочую стружку.

— Твоя бабушка совершенно права.

— Ты должна слушаться бабушки!

— Ты неблагодарная эгоистка.

Мои глаза были прикованы к проносящемуся мимо пейзажу, я не проронила ни слова, мечтая о том дне, когда смогу без затруднений покинуть их всех и уже никто не будет возвращать меня назад в машине с лошадиным именем.

*

— Кто это? — спросила я, держа в руках фотографию двух маленьких девочек.

Я разглядывала альбом своей сводной сестры Джин.

— Анна и Давина, — сказала Джин, и добавила, что фактически это мои сёстры.

Я никак не могла понять, о чём она мне говорит.

— У меня их две, но они остались с нашим отцом.

— Ничего не понимаю, ты хочешь сказать, что у меня ещё есть две сестры? — спросила я и Джин, вздохнув, присела рядом со мной.

— Когда Лил вышла замуж за Джорджа, моего отца, у них родилась я, затем, уже много позже, родились Анна и Давина. Здесь, — она перевернула лист альбома, где была фотография молодой Лил в дорогой меховой накидке, стоящей рядом с явно благополучным человеком на фоне Роллс–Ройса.

— У него всё в порядке. У него фармацевтическая фабрика и он производит запатентованные лекарства. Большой дом, слуги и всё такое, но Лил не может подолгу оставаться в одном доме. Все были рады за Лил, когда она вышла замуж за моего отца, но Лил заскучала и сбежала с каким–то шахтёром, он был много младше её.

— Что, вот так сорвалась и ушла?

— Три недели её не было, затем она вернулась, чтобы забрать меня. Мне было 16, но она оставила Анну и Давину отцу. Она так ни разу их и не видела с того дня. Ни разу.

Я была потрясена. Всё, что Лил проделала с нами, она это уже проделала и прежде.

— А что тот шахтёр?

Джин пожала плечами.

— Не знаю. Следующим был твой отец, он снимал комнату в доме твоей бабушки, у них родились ты и Джон. Через 10 лет она повторила целиком этот спектакль, но уже с Томом.

Джин была явно потрясена и огорчена тем, что эта история повторилась вплоть до мелочей. Что касается меня, то я просто хотела чтобы мать вернулась. Я бы простила ей всё.

Когда Джон уже смог сам о себе заботиться, Лил сумела выманить его у отца. Он стал жить с нами и работать неподалёку в булочной–пекарне, но мы не были уже так близки как прежде. Мы оба выучились сами заботиться о себе и стали избегать помощи со стороны, так как она всегда приносила нам только одну боль. Мы оба замкнулись в себе, и не подпускали никого к себе. Но Джон стал постоянно меня поддразнивать, когда переехал к нам жить.

Прошло совсем немного времени и он нанялся на торговое судно и исчез в Новую Зеландию, там он встретил девушку и сбежал с корабля. Когда она ему наскучила, он бросил её. Она донесла на него в полицию и его с позором депортировали обратно в Англию. Он устроился на работу и, скопив достаточно денег, чтобы заплатить за проезд, вернулся в Австралию, живя первое время в брошенном автомобиле в грязи. Со временем он стал успешным медбратом, затем увлёкся юриспруденцией и бухгалтерским делом и прочно осел в Австралии.

Мне исполнилось 15 и мы переехали в Дерби, чтобы быть поближе к Чёрной Нане. Думаю, она купила матери дом, иначе не знаю, как бы она смогла заманить Лил.

Я окончила школу и стала работать в обувном магазине за три фунта и шесть шиллингов в неделю. Это была ужасно монотонная работа и я поняла, что мне в моей жизни необходимо что–то совершенно другое, в то время как все остальные сотрудницы, казалось, были готовы проработать там всю оставшуюся жизнь. Одна из них там уже работала 30 лет, выбегая каждый обеденный перерыв, чтобы на деньги мужа купить себе поесть. И я торжественно поклялась себе, что со мной такого никогда не произойдёт.

Именно в магазине я встретила свою первую любовь, 21–летнего сына владельца угольных шахт. Однажды вечером, после окончания работы он предложил мне пройтись. Во мне заговорил голос моей бабушки, предостерегающий меня — «Все мужчины смотрят на тебя как на кусок мяса» — но мне казалось, что он сможет мне предложить что–то новое и я согласилась.

Когда Лил с Томом по субботам меня выводили в люди, я видела только небольшую часть жизни, заключённую в рамки

клуба Консервативных. Я сидела и мне ничего не оставалась делать, как разглядывать как взрослые волочатся друг за другом на танцплощадке. Обычно мы рассаживались вокруг нашей бабушки и старались незаметно следить за ней, чтобы она не подливала себе из фляжки джин в тоник, который они покупали ей в баре. Не то что бы эта неискренность смущала мою маленькую религиозную душу, скорее мне всё это было ужасно противно.

По сравнению с нами мой обожатель был человеком уважаемым в обществе, помимо всего прочего у них было центральное отопление и Форд–Зефир. Он был большим толстым парнем с деньгами, он меня водил в места, где я прежде не бывала, такие как один карточный клуб, где он обычно пропадал вечерами, играя в девятку. Я разглядывала этих людей, их дорогие костюмы, их изысканные манеры и мне хотелось скрыться навсегда в их мире от Лил и Тома.

Иногда мы заводили беседу с кем–нибудь из его клубных завсегдатаев и заезжали к нему в гости. Роскошь их образа жизни изумляла меня, открыв мне глаза на образ жизни людей из среднего класса. Мой ухажёр был настоящим джентльменом, ничего более прощального поцелуя на ночь. Он всегда вовремя привозил меня домой и Лил считала удачным мой выбор.

В одном из клубов я познакомилась с одной женщиной, её звали Морин и она жила через дом от нас. Она хорошо разбиралась в местной музыкальной жизни. Она часто посещала Трокадеро в Дерби, где выступали группы из Ливерпуля, и оставалась после концертов поболтать с музыкантами. Она предложила как–то составить ей компанию и я провела целый вечер с MoJos and the Swinging Blues Jeans. Эта была восторженная и ни с чем не сравнимая жизнь. Я поняла для себя, что мне очень нравятся музыканты. Всё это было так непохоже на однообразную жизнь маленького провинциального города.

Когда мне исполнилось 16, я поняла, что что–то нужно срочно предпринять. Я не могла сделать ни шагу самостоятельно без того, чтобы не испросить разрешения у родителей, но их мнение интересовало меня меньше всего. Единственное, что меня могло спасти, это бегство. Я запаковала вещи в небольшую дорожную сумку и, никому не сказав ни слова, ушла, на этот раз одна. Как тысячи подростков до меня и после, я верила, что Лондон встретит меня с распростёртыми объятиями. Всё, что мне нужно было, так это подшить платье, и приключения начались.

Я вступила на Хай–Стрит–Кенсингтон, где меня отвлекли от поиска жилья выставленные в витрине магазина ленты для волос с искусственными бриллиантами.

— Выбрала что–нибудь? — спросил мужской голос с иностранным акцентом.

Я обернулась и увидела грузного смуглого мужчину средних лет, обратившегося ко мне.

— Да, вот эта мне очень нравится, — сказала я совершенно невинным голосом.

— ОК, пошли, — он вовлёк меня внутрь магазина и купил мне переливающуюся всеми цветами ленту для волос.

Он спросил, куда я направляюсь, я ответила, что пока у меня нет определённого плана. Он пригласил меня к себе на Брумтон–Роуд. Бабушкины предупреждения снова закопошились у меня в голове, но он был очень вежлив и предупредителен со мной. Не было никаких видимых причин бояться его, поэтому я согласилась. В квартире было очень опрятно и с большим вкусом, кругом много цветов, видно было, что у хозяина имелись деньги. Мне показалось, что жил он там один.

— Не трать деньги на дешёвый отель, — посоветовал он, — лучше найди квартирку, как эта.

— Вы правы, — согласилась я, — я так и сделаю. Но как я её найду?

Казалось, ему нравилась идея помочь мне, сходить за вечерней газетой, почитать вместе объявления. Оглядываясь назад, думаю, он просто был голубым и ему была приятна компания молоденькой девушки. Когда среди объявлений он нашёл подходящую квартирку недалеко от этого места в Кемпсфорд–Гарденс, он дал мне свой номер и взял с меня слово звонить ему. Плата была 10 фунтов 6 шиллингов в неделю, что–то около этого я собиралась заплатить за одну ночь в отеле.

На следующий день я вышла прогуляться и размять кости, проведя бесподобную ночь на собственном диване в собственной квартире. Я поддерживала с ним связь, пока однажды он не пригласил меня на ужин с одним из своих приятелей. Его идея, устроить мне свидание, показалась мне отвратительной и все предупреждения Чёрной Наны завыли в моих ушах полицейской сиреной. Я отказалась от всех его предложений и атмосфера вечера испортилась. Больше я его никогда не видела, но я очень благодарна ему за эту квартиру, открывшую мне путь к новой жизни. Всё говорило о том, что в моей жизни грядут изменения.

Глава 3. Энджи

Как только я поселилась в Лондоне, я окончательно стала Кати и перекрасила свои чёрные волосы в рыжий цвет. Я стала полностью другой, не знающей свою семью, не помнящей своего детства. Уже неделю я работала в аптеке на Эрлс–Курт–Роуд, работа приносила ровно столько денег, сколько нужно было, чтобы заплатить за жильё и купить самое необходимое. Я всегда не любила ходить по магазинам. И пока у меня была одежда, еда и что–нибудь в запасе, я была счастлива. Квартирка производила довольно жалкое зрелище по нынешним стандартам, но она была определённо не хуже тех мест, где мне приходилось жить.

Я была молода, независима, поэтому у меня никогда не было проблемы как провести воскресный вечер. Поэтому не было ничего необычного в том, что моя компаньонка предложила мне однажды пойти с ней на день рождения, где–то между Швейцарским коттеджем и Хэмпстедом.

Когда мы пришли, вечеринка уже была в полном разгаре, квартира была наполнена шумом, молодыми телами, сигаретным дымом, везде банки, бутылки и коробки с мусором. Праздновали семнадцатилетие кого–то по имени Анджела, экзотического вида девушки с кофейного цвета кожей, высокой, стройной, с иссиня–чёрными волосами и искрящимися глазами. Мне она понравилась сразу. От неё веяло дикостью, опасностью и смеялась она почти непрерывно.

Хозяином квартиры был Джон Майалл, но это имя мне ничего тогда не говорило. Анджела, однако, пришла с парнем по имени Час Чандлер, гитаристом the Animals, группы, которая возглавляла список своей House of the Rising Sun, поэтому я знала их. Час был высоченным широкоплечим красавцем (6 футов 4 дюйма), вьющиеся волосы спадали на его открытое улыбающееся лицо, говорил он на диалекте Джорди, что делало его речь совершенно непонятной среди того шума, который нас окружал.

Мы сидели за кухонным столом, хихикали и болтали, Анджела спросила меня, живу ли я в Лондоне.

— Да, я снимаю квартирку в Эрлс–Курт.

— О, мой бог, тебе повезло, — её приятное личико сморщилось в смешную гримасу, — а я живу с мамой в Чадвелл–Хит. Мне бы тоже найти что–нибудь в городе.

— Моя компаньонка только что уехала в Австралию, — сказала я, — ты можешь занять её место, если хочешь.

Её восторгу не было границ и с этого дня все следующие 30 лет до её бесчеловечной смерти мы оставались лучшими

подругами.

Разделив спальню со мной, она внесла со всей своей одеждой, пластинками и лихорадочной жизнью восхитительный беспорядок в наш цокольный этаж. Мы проводили почти всё своё время в гостиной, где спала раньше моя компаньонка и, валяясь на её диване и слушая пластики, курили, болтая о том, о сём. Часто кто–нибудь спускался за нами, предварительно позвонив по телефону мне или ей, и мы стремглав взлетали вверх по лестнице и неслись на очередную вечеринку или ещё куда–нибудь. О такой именно жизни я мечтала всегда. Не было никого, кто бы сказал «нельзя», или фыркал неодобрительно, или пророчил наше неминуемое падение. Мы напивались, мы обкуривались, объедались и спали сколько хотели. Мы были счастливы.

На нашей деловой, многонациональной, неряшливой Эрлс–Курт–Роуд было в одном из подвалов кафе Шмен–де–Фер (Девятка), открытое до трёх утра и обслуживающее битников и прочую богему нашего района. Если мы никуда не шли, нас можно было найти там каждый вечер, грызли кукурузные початки, пили горячий шоколад и слушали бесконечные споры, философствования и утопические идеи переустройства мира. Каждый был переполнен идеями, каким быть следует миру. Все были молоды и свободны от предрассудков, это, как я уже писала ранее, казалось мне естественными атрибутами взрослой жизни. В большинстве своём это всё было трёпом, но весёлым и интересным, к тому же, за миллионы миль от домашней рутины, постоянных жалоб и брюзжащих обсуждений правительства.

Бренда, прямая и практичная девушка из Девона, первая из нас стала увлекаться мужчинами. Обычно мужчинам ничего не удавалось предпринять в нашем узком кругу, но среди них попадались достаточно настойчивые, которые пробивали брешь в нашей независимости. Один такой стал водить её в стрип–бар в Сохо, но даже это не помогло. Мы всячески предостерегали её, но она от этого ещё больше цеплялась за него. Известие, что она беременна, нас потрясло. В те годы не говорили так много о сексе, 60–е только набирали обороты и противозачаточные не были в ходу. Беременность была платой молодой девушки за бегство от рамок, а для нас ещё одним сильным доводом избегать мужчин. Бренда с ребёнком отправилась жить в цокольный этаж на Москоу–Роуд в дом, где её мать работала экономкой. Всё это стало ужасным предостережением для всех нас, более эффективным, чем внушающие страх рассказы моей бабушки. Никто из нас не хотел разделить судьбу Бренды и потерять свободу из–за минутного удовольствия.

Несмотря на это, я начала гулять с парнями и часто всё

оканчивалась постелью. Я не принимала никаких мер предосторожности, потому мы об этом даже не думали. Мы занимались всего лишь тем, чем занимались все вокруг. Секс не вытекал явно из бабушкиных предостережений, ведь я была «куском мяса для каждого мужчины». И я не понимала, что именно из–за секса происходит неразбериха в жизни людей.

Я нашла свою первую работу, нудную работу в аптеке. Весь день, проведённый на ногах, приводил к тому, что вечером я старалась оторваться на полную. Последнее, что я собиралась сделать, так это лечь спать пораньше, чтобы вовремя проснуться и идти на работу. Поэтому, я ушла из аптеки и стала работать вечерами официанткой в Золотом Яйце на Лестер—Сквер. Это означало, что я могла выспаться днём и не спать до четырёх часов утра, времени, в которое, как я открыла для себя, происходило самое интересное.

Золотое Яйцо — это сеть ресторанов, которые предлагают американскую кухню, хотя сами американские туристы так не считали. Это были яйца с жареными или обжареными ломтиками картошки, а на самом деле — традиционный английский завтрак. Лучшее, по моему мнению, что было в меню, так это пирог с кленовым сиропом и взбитыми сливками.

Работать приходилось много, но мне нравилось, что я могла общаться с разными людьми. К тому же тридцать фунтов в неделю вместе с чаевыми, это много больше, чем заработала бы я в каком–нибудь магазине. Я знаю нескольких, с кем работала в те дни, кто до сих пор, вот уже двадцать лет, продолжают работать официантками, потому что это хорошие деньги, особенно если ты работаешь в Hard Rock Cafe на Пикадилли.

У нас с Анджелой была пара приятелей из голубой компании, они жили на соседних улицах и мы с ними весело проводили оставшиеся до рассвета часы без страха, что они разобьют нашу дружбу. Как–то вечером мы с Анджелой шли навестить наших приятелей, как вдруг, какой–то длинный чёрный лимузин притормозил рядом с нами, просигналив и замигав фарами. Стекло опустилось и мы увидели внутри ребят из Animals. Полагаю, что они уже заезжали к нам, ища Энджи, и послали сказали шофёру, чтобы тот нашёл нас.

— Они в клубе, не хотите присоединиться к ним?

Мы плюхнулись внутрь, и поехали прямиком по Грейт–Виндмилл–Стрит в самое сердце Сохо, недалеко от Пикадилли–Циркус. Мы стали как пьяные от одной только мысли, что мы, такие молодые и свободные, едем с личным шофёром по ночному городу в лимузине. Автомобиль был слишком велик, чтобы выехать в Хэм–Ярд, узкую выложенную булыжником аллею

позади здания, в котором располагался клуб Scene, в который нас и хотели отвезти. Мы все вылезли и устремились в недра тёмной задней улицы, спустились несколько ступеней вниз и оказались в клубе, где они должны были дать своё первое выступление в Лондоне.

Полутёмный, прокуренный зал, достаточно большой, чтобы окружить 200 человек своими стенами, выкрашенными в чёрный цвет, если, конечно, они встанут вплотную друг к другу. Как только мы вошли, на нас обрушился грохот музыки. Чёрные стены, мусор, заметённый по углам, пятна жвачки на полу и никаких стульев, вообще никакой мебели. Ничего, что бы мешало танцам или просто стоять и смотреть. На сцене были High Numbers и первое, что мне запомнилось, это их барабанщик, который похоже сошёл с ума, круша и топча всё кругом, как одержимый. Мне показалось, что он и есть самый заводной из группы.

Пройдёт совсем немного времени и они станут называть себя The Who. Барабанщика, конечно же, звали Кит Мун.

Они кончили и присоединились к нашей компании. Пит Таунзенд, с самого начала держался несколько в стороне, но все остальные были очень дружелюбно настроены. Кит всегда был неудержим, как большой щенок, который не может совладать со своим телом. Он был очень обаятелен и я сразу в него влюбилась, скорее из–за его гиперподвижности и маниакальной страсти к розыгрышам.

Мы с Энджи стали постоянными посетителями Сцены. После окончания работы в Золотом Яйце неслись и проводили там оставшиеся до закрытия пару часов, и когда уже все расходились, мы с Китом бродили по Сохо, болтая и шутя. В те дни не было ночных кафе, а клубы к утру все уже были закрыты, поэтому нам ничего не оставалось как завалиться к кому–нибудь на квартиру. The Who заключили контракт с Китом Ламбертом, тем самым, который постарается в будущем основать Track Records. У него была квартира на Айвор–Курт на самом верху Глостер–Плейс. Однажды ночью, как всегда болтая, мы забрели туда после их выступления в Сцене. Проходя мимо вывески «Гараж Муна», он стал уверять меня, что гараж принадлежит их семье. Я была для его розыгрышей лёгкой добычей, доверчивой, искренней и желающей верить во всё, что бы он ни сочинил.

Отшельники Германа были тогда очень популярны, но стали центром насмешек всех серьёзных музыкантов Лондона. Если они заходили в клуб, Кита было не остановить, он подскакивал к несчастному Питеру Нуну, прыгал вокруг него, как марионетка, и пел пискляво–шепелявым голоском «Сегодня, пожалуй, я молока

не буду», в то время как мы все давились от смеха, стараясь быть незамеченными. Мне никогда не удержаться было от смеха, даже если я не одобряла его шуток.

Отшельники снимали квартиру также на Айвори–Курт и Кита было не удержать от соблазна поддразнить их при каждом удобном случае. Однажды, когда они проезжали под окном Кита, он бросил им из окна пенни и монета, упав на крышу автомобиля, оставила огромную вмятину.

Мы с Китом пробовали залезать вместе в постель, но он оказался слишком сумасшедшим, чтобы стать просто любовником, с ним гораздо интересней было полетать или устроить очередной розыгрыш. Его увлечение безмозглыми птице–грудыми куколками освободило нас от любовных попыток и оставило нам дружбу и совместное времяпрепровождение. Я испытала на себе, что секс, как таковой, очень напрягает дружбу. Меня не устраивали такие отношения, которые бы ограничивали мои желания и стремления встречаться с кем захочу. Мне жалко было тратить время на ревность и длинные обсуждения моих поступков. Уж от чего я старалась себя обезопасить, так это от замужества и семейной жизни. Многих, кого я знала, кто погрузился в музыкальный бизнес придерживались такого же мнения — очень немногие стремились завязать прочные отношения, которые неминуемо сразу отражались на их музыке или на их карьере. Они получали некое преимущество по сравнению с нами, но нас с Энджи такое не привлекало.

Клуб Сцена ввёл меня в рок–обстановку Лондона, причём подняв меня на самую высоту. Мы с Энджи всегда были со «звёздами», как если бы были их гонораром. Мы одевались как хотели, мы ходили куда хотели, не задумываясь о последствиях или проблемах, возникающих на каждом шагу — нас все знали уже в лицо и вышибалы, и официанты. Следующие пять–шесть лет клубы, такие как Сцена, стали для нас вторым домом, местом, где мы ели, пили и общались, с нас никто не спрашивал денег, которых у нас редко хватало бы даже на выпивку, не говоря о том, чтобы заплатить за вход или еду. Нам всегда отводили лучший столик, даже если приходилось пересаживать людей, пришедших раньше. Для нас это было совершенно естественно и мы с друзьями переходили из одного места в другое. Мы с Энджи даже не представляли насколько влиятельны были музыканты, с которыми мы сошлись. Не подозревая, мы влились в самую элиту, которая на несколько следующих лет определила музыкальный стиль эпохи и поднялась на вершины богатства и всемирной славы.

Мы познакомились с Джорджи Феймом в Сцене, он пригласил

нас в Whisky A Go Go на Водер–Стрит, напротив входа в Чайнатаун, он выступал там. Так мы приобрели второе логовище. Не прошло и пары месяцев, как и другие клубы стали утолять наш всё увеличивающийся аппетит до рок–музыки. Speakeasy позже всех стал для нас родной обителью. Там за столиком у дверей всегда сидел один молодой парнишка и наблюдал за звёздами, как они заходят и выходят. Мы его запомнили, потому что у него были невероятно длинные чёрные волосы. Мы часто подсмеивались над ним, потому что он был как будто гикнутый, ни с кем не разговаривал и никто о нём ничего не знал, пока не прошли годы и мы не узнали, что звали его Фредди Меркюри.

В наши ранние дни у нас не было денег на алкоголь, поэтому нам было всё равно, что Сцена не имела лицензии на продажу спиртного. Некоторые шли напротив в паб за выпивкой, мы же, как и большинство, довольствовались «пурпуровыми сердцами», модными в те дни амфетаминами. Кажется, у каждого они были в запасе, и все были счастливы поделиться с тобой. Думаю, в Сохо их можно было купить за несколько пенсов на каждой улице. Сама же я никогда не ходила туда за этим.

Анджела была хотя и младше меня, но вращалась уже здесь за год раньше меня и знала гораздо больше меня про такие штуки. Она часто подсмеивалась над моей «сентиментальностью» и нежеланием броситься со всем сердцем в неизведанное. Зовите это хоть неосмотрительностью, но без пурпуровых сердец я не могла обойтись.

Они помогали обходиться четырёхчасовым сном, расширяя наше время на танцы, слушание музыки и общение, так необходимое нашим сердцам. В основном мы слушали музыку в клубах, всех, кто играл, мы хорошо знали, теперь эта музыка рассеяна по ностальгическим сборникам, так называемым bluebeat records.

Однажды мы с Китом навестили Джорджи Фейма. Он жил в ужасном многоквартирном доме. Блондинка, с которой он там жил, была художницей и стены все были расписаны эротическими, на восточный манер, сценами любовных игр женщин со львами и тиграми. Там, среди её фантазий и её снов, я выкурила свою первую страничку букваря. Пошатываясь, мы с Китом добрались домой через какой–то сплошной хихикающий туман. Я сделала первый шаг, куда прежде никогда не ступала. Все из нашей компании с облегчением вздохнули, что я наконец–то пошла в правильном направлении.

Мы с Энджи начали ходить в новый, только что открывшийся клуб, Кромвеллиан, напротив музея Естествознания на Кромвель–Роуд. Владельцами были два брата, борцы рестлинга, и один

только Бог знает, как мне удалось стать там диск–жокеем. Моя смена начиналась поздно вечером и оканчивалась ранним утром. Я ставила разную музыку. Хозяева хотели, чтобы это была в основном танцевальная музыка, но я старалась поставить такую, какая мне больше по душе, Рэй Чарльз, Нина Симон, Дайэна Ворвик, потому что многим хотелось просто посидеть, поболтать.

Наиболее уважаемым музыкантом, из тех кто играл в этих клубах, был Зут Мани и его Big Roll Band. Мы с Энджи познакомились с его женой Ронни Мани в Сцене и тут же попали под её обаяние. Она была на 13 лет меня старше, очень миниатюрная, очень хорошенькая и она сразу энергично взяла нас под свою защиту, как не терпящая никаких возражений курица. Она была родом из Глазго и, чем только можно, отличалась от лондонцев, но все её любили. Как то однажды мы сказали ей, что нам предстоит съехать с нашей уютной квартирки в цокольном этаже на Эрлс—Курт, так как возвращается владелец, который хочет продать дом.

— Над нами пустует квартира на Гюнтерстоун–Роуд, — сказала она. — Почему бы вам туда не переехать?

Как выяснилось, там была одна комната с крохотной кухней, но это то самое, что нам и нужно было. Мы вынуждены были пользоваться их туалетом, душ же был ещё этажом ниже, так что по лестницам нам всем пришлось побегать.

Энди Саммерс играл у Зута в группе и жил в цокольном этаже и через пару недель Энджи, несмотря на мои протесты, спустилась к нему жить. Однако она скоро вернулась, и рассказала, как она проснулась среди ночи от того, что он со свечой залез под одеяло и стал её обследовать.

Где–то в это время я решила, что сыта Золотым Яйцом и хочу стать парикмахером, но не хотела бросать при этом такую «специфическую» работу как диск–жокея. Но для одной из них ещё было рано. Я стала брать уроки в небольшом салоне в Кенсингтоне. Несмотря на то, что мы никогда не открывались раньше десяти, мне было трудно включиться в работу, хотя она мне и нравилась. Это было время, когда дамам приходилось сушить волосы в огромных сушильных колпаках. Фены и модные салоны были ещё далёким будущим. Миром правил Раймонд (Мистер Тизи–Визи), Видал Сасун только ещё начинал. Я не представляла ещё себе, как сделать причёску хоть сколько–нибудь модной, а мои ночные друзья уводили меня прочь от того, чтобы заняться чем–либо одним.

Мы сидели с друзьями в пабе на Водер–Стрит, напротив клуба Марки, когда кто–то представил меня Брайану Джонсу. Мы как раз собирались в клуб Сцена и мы взяли его с собой. К этому

времени Rolling Stones уже были большими звёздами и Брайан выглядел органично, настоящий денди, знающий себе цену. Он был очень вежлив, скорее даже отстранённо–вежлив, с загадочной улыбкой на лице. Он всегда ходил один и говорил, что чувствует, что остальные члены группы, хотят, чтобы он ушёл, особенно Мик Джаггер и Кит Ричард, даже несмотря на то, что они его детище, и он до сих пор считает себя их руководителем.

Через пару месяцев у нас завязался роман, который, как и в случае с Китом, быстро перерос в крепкую дружбу. Мы попробовали, но были настолько равнодушны друг к другу, что скоро поняли, что ни у меня не было иллюзий на его счёт, ни у него — на мой. Постепенно я поняла, что заводился он только от проституток. Но когда девочки уходили, он чувствовал такое одиночество, что звонил мне и просил, чтобы я пришла. На кухне у него был всегда жуткий беспорядок и я не могла устоять перед горой грязных тарелок, прежде чем заняться чем–нибудь ещё.

Он часто звонил мне, чтобы я составила ему компанию пройтись вместе по магазинам на Кингс—Роуд. Он ходил в отлично скроенном костюме и узких без шнуровки сапогах с каблуками, какие обычно носили моды. Хотя я никогда не понимала радости болтаться по магазинам, я давала себя уговорить пойти с ним. Ему нравилось, что его все узнавали, но паранойя, которая в будущем его погубила, уже давала о себе знать, он вдруг начинал паниковать, мы выбегали из магазина на улицу, ловили такси и прятались от воображаемых врагов, скрывающихся за вешалками с одеждой.

Начали проявляться первые симптомы нездоровья в поп–мире и Брайан купил себе Роллс–Ройс с тонированными стёклами, заменив им такси и метро. Если вдруг среди ночи нам приспичило поесть, мы ехали к Челси–Бридж и покупали чай с мясным пирогом, не выходя из роллса так же, как заправлялись там все байкеры. Мы съедали свои пироги, запивая чаем, смотрели на чернеющую впереди гладь воды, а позади нас мерцали огни города. Мы хихикали и сходили с ума, как школьники, вырвавшиеся от родителей.

Спустя несколько лет, когда наркотики начали сжигать его, трудности общения увеличились, но даже уже тогда, хотя временами и было с ним очень весело, начали проявляться тёмные стороны его характера, принося ему нестерпимую боль. Я встречалась с ним вплоть до его последнего дня и не помню ни одного случая, когда другие камни разговаривали или виделись с ним, кроме как на студии во время записи или на больших приёмах, всё это доказывает насколько изолировано и одиноко он жил.

По сегодняшним стандартам мы были наивны и ничего не знали ни о физиологии, ни о сексуальности, так что когда Энджи забеременела, она поняла это только на пятом месяце. Образ Бренды, пойманной капканом цокольного этажа, проплыл перед нашими глазами. У нас не было ни малейшей идеи, что предпринять в таком случае. Либо потерять работу, либо растить ребёнка, но я ей уже говорила и об этом, и о том. Я не помнила, кто её отец, но и не было никого, с кем бы она поддерживала постоянную связь.

Аборты были всё ещё вне закона, но друзья намекнули нам, что у них есть кто–то на примете. Мы позвонили, как они нам сказали, и человек, похожий на доктора, приехал к нам на дом. Я встретила его и провела прямо в нашу комнату. Мы с Ронни ждали внизу. Когда он уходил, он предупредил нас, что всё начнётся через несколько часов. Он не ошибся. Бедная Энджи разродилась в нашем маленьком жилище через 12 часов. Когда окончательно вышел из неё мёртвых плод, мы ничего лучшего не могли придумать, как преподнести её букет цветов. Для нас для всех это стало тяжёлым испытанием, а бедная Энджи надолго сделалась слабой и больной. Помню, когда всё завершилось, Ронни принесла её коробку шоколада, шоколад назывался «Награда».

Энджи было не остановить, она страстно желала забыть весь этот кошмар и это только показывает, насколько глупы и неопытны мы были, в тот же вечер мы все отправились в Скоч к Святому Джеймсу. Но у Энджи вдруг появились сильные боли внизу живота и она стала терять сознание. У неё открылась инфекция и вечер окончился в больнице, где они её безжалостно прижгли. Она твердила, что у неё произошёл выкидыш, но было очевидно, что никто из врачей не поверил ей.

Оглядываясь назад, я вижу насколько опасно всё это было, как легко она могла умереть, но тогда, когда она через несколько дней выписалась и была снова с нами, мы старались не вспоминать этот случай. Нас это так потрясло, что мы даже не могли это обсудить. Наша жизнь продолжалась, как и прежде всё для нас имело значение и, как бы там ни было, за чтобы она не бралась, это было для неё самым главным в данный момент.

Глава 4. Джими

Гюнтер–Роуд ведёт в Лондон из аэропорта Хитроу на западе. Поэтому, когда Час Чандлер сошёл с самолёта со своим новым протеже, он первым делом заехал к Зуту и Ронни Мани по пути в отель. Я всё ещё спала, по мне так умри весь мир, а они начали там внизу играть с Энди Саммерсом. Утро было в разгаре и Ронни поднялась к нам, разбудила и говорит, что думает мне должно понравиться то, что происходит внизу. Мы с Энджи обе были совершенно разбиты событиями прошлой ночи.

— Кати, — старалась она меня разбудить, тряся за плечо, — спускайся и познакомься с парнем, которого привёз Час. Он самый настоящий дикарь с Борнео.

— Какой парень? — моё затуманенное сознание ещё спало и единственное, что я хотела, чтобы она ушла и оставила меня одну.

К ним всегда кто–нибудь приходил и что такого особенного было в этом посетителе?

— Его зовут Джими Хендрикс, он гитарист и Час его нашёл в одном из клубов Нью–Йорка, он собирается стать его менеджером. Говорит, он лучше всех. Спускайся, познакомься с ним.

— Ладно. — Она поняла, что до мнея не добудиться и ушла.

Была суббота и у меня был выходной в парикмахерской, поэтому я рухнула дальше спать и никакие силы не смогли бы меня заставить спуститься вниз, тем временем Час и Джими исчезли, направившись в гостиницу.

— Не беспокойся, — успокоила меня Ронни, — мы все собираемся встретиться попозже в Скоче.

Клуб Скоч в Мейсонс–Ярд, недалеко от Джермин–Стрит в Вест–Энде, стал для нас постоянным местом обитания. Там было много уютнее, чем в Сцене, бар, столы со стульями, ковры. Он привлекал людей шоу–бизнеса, таких как Тони Бут, отца Чери Блэр, который был очень известен в те годы. Разное бывало там, однажды заявились южные лондонцы и устроили драку. Разбросанные стулья, осколки бутылок, разбитые лица, я всё это время просидела в углу под столом, так как входные двери были заблокировали.

В этот вечер, когда Энджи, Зут, Ронни и я пришли туда, меня поразило необыкновенное спокойствие и в то же время напряжение, висевшее в атмосфере. Все замерли, слушая кого–то, кто играл на гитаре. Обычное дело, многие приходили в Скоч поиграть джем, поболтать, выпить. Но здесь было другое. В зале,

казалось, присутствовал сам Месмер. Совершенно ясно, происходило что–то особенное. Несколько минут прошло, прежде чем глаза привыкли к полумраку, я не разглядела гитариста, но увидела как Час поднялся на сцену и попросил парня прерваться.

Наша компания пополнилась, Час со своей подружкой Лоттой, Джорджи Фейм с Кармен и ещё одна яркая тёмноволосая девица, но я её не знала, может модель. Мы все столпились пытаясь рассесться вокруг стола, и я поняла, что это и есть тот протеже Часа, тот «дикарь» Ронни, которого она мне пыталась показать утром.

Я хочу начать с него, — сразу начал Час, как только мы расселись. — У него виза только на семь дней и нет права на работу ни на платную, ни на бесплатную. Он представил нам Джими, тем с кем он ещё не был знаком. У меня было желание спросить Часа, как зовут ту девицу, но он как будто не слышал и я подумала, что может это Джими её привёл сюда.

Я не могла оторвать от него глаз. Прежде я никогда не видела таких экзотических мужчин. На нём были бежевые брюки слегка расширяющиеся книзу и из белого сатина рубашка с большим воротником и широкими рукавами. Его волосы стояли торчком на голове этакий собственный африканский стиль, совершенно незнакомый Лондону. Его голос очаровывал с первой же секунды, такой тихий, вкрадчивый, с американским акцентом, когда говорил, взгляд становился таким внимательным. Мы говорили не умолкая, но вот эта раскрашенная дива вышла в дамскую комнату.

— Иди, сядь сюда, — он улыбнулся, показывая на освободившийся стул рядом с собой. Теперь мы могли говорить свободнее.

— Мне нужно, что–то тебе сказать.

Я подвинулась ещё ближе.

— Что? — я всем своим телом ловила каждое его слово, шум вокруг перестал для меня существовать.

Он поцеловал меня в ушко.

— Думаю, ты прекрасна.

Совершенно пошлая фраза, но что–то такое приятное и искреннее было в том, что он сказал её. Я тут же влюбилась. Он льстил мне, а у меня билось сердце, я старалась скрыть моё волнение бессвязной болтовнёй, ещё более выдавая свои чувства.

— Чем вы занимались в Нью–Йорке? — спрашивала я.

— Играл в кафе Wha, там и познакомился с Часом.

Тёмноволосая девица вернулась из дамской комнаты и села на мой освободившийся стул рядом с Ронни. Я не придала этому особого значения, я не предполагала, что это может быть его

подружка или что он слишком явно заигрывает со мной. Через пару минут наша маленькая Ронни взорвалась потоком шотландской брани на какую только способен истинный житель Глазго в ответ на реплику этой девицы обо мне. Девица вцепилась Ронни в волосы и рывком оттянула ей голову назад, если бы хоть кто–нибудь бы ей сказал, что она только что совершила самою большую ошибку в своей жизни. Ронни схватила бутылку виски и, разбив её о край мраморного стола, послала фейерверк осколков во всех направлениях, обратив на себя взгляды всех, находящихся в клубе. Все затихли.

— Отпусти мои чёртовы волосы, — зарычала Ронни, каждым дюймом своего маленького тела превратившись в свирепого уличного бойца. Она пырнула горлышком разбитой бутылки прямо в её прекрасную обнажённую шею.

— Господи Иисусе, — Час запаниковал и посмотрел на меня, — быстро уводи Джими отсюда ради всех святых, Кати, у него ведь всего лишь гостевая виза. Отвези его обратно в Гайд–Парк–Тауэрс! Быстро! Пока кто–нибудь не вызвал полицию.

— Хорошо, — я сгребла Джими и мы выбежали в Мейсон–Ярд.

— Надо поймать такси, — сказала я и, повернув голову, увидела как он шагнул на мостовую, увидев такси, но смотрел он совершенно в другую сторону. Я прыгнула за ним, вернув его на тротуар, как раз подъехала машина и, впихнув его внутрь, успокоилась только когда за ним закрылась дверца.

— Что это было? — спросила я, когда стихли первые потоки слов.

— Не знаю, — недоумевал он, но скорее его ошеломил оказанный Лондоном ему приём.

— Кто она?

Он пожал плечами и усмешка скользнула по его губам.

— Ко мне она никого отношения не имеет. Это девочка Кит Ричардса. Я познакомился с ней в Нью–Йорке.

— Ах, так вот какая она, эта Линда Кит.

Я много слышала о модели Кит Ричардса, с которой его часто видели в обществе, но видеть мне её не приходилось. Я посоветовала Джими лучше подумать о том, что ему предпринять, чем соглашаться на то, что ему предложат, но впрочем добавила, что не настаиваю. По дороге в гостиницу мы поняли, что начали понимать друг друга с полуслова. В номере мы заказали выпивку и стали дожидаться остальных участников сегодняшней вечеринки. Я не могла поверить, как быстро мы сошлись.

Весь следующий час или около того все с нашего стола из клуба Скоч приходили поодиночке или в компании с остальными

Animals. Каждый вновь входящий дразнил Джими Линдой Кит, но он продолжал всё отрицать со своей очаровательной усмешкой на губах. Не было среди нас ни одного, кого бы он ни обаял, казалась у него в голове не могло родиться ни одной грязной мысли. Он был так скромен, что никому не мешал веселиться, а после нескольких рюмок сам стал всех смешить.

Несколько часов пролетели как миг, а он мне нравился всё больше и больше. Он ни на кого не был похож, кого я встречала раньше. В итоге он спросил:

— А не подняться ли нам в мою комнату?

— Да, это было бы здорово, — согласилась я.

Мы встали и каждый произнёс, обращаясь к нам:

— Доброй ночи, Кати, доброй ночи, Джими, — как если бы мы были женаты уже много лет, а они были бы нашими старыми друзьями.

— А что скажет твоя подружка? — поддразнила я его, когда мы шли по лестнице.

— Ты моя подружка, — улыбнулся он.

Меня поразило, насколько мало вещей у него было. Помимо гитары — небольшой саквояж со сменой белья, банка Вальдерма от прыщиков и связка бигуди для его необыкновенной причёски.

— Ты путешествуешь налегке, — сказала я, кивая в сторону сумки.

— Это всё, что у меня есть, — оправдывался он, — вот, взгляни на это.

Он с гордостью протянул паспорт и раскрыл его передо мной.

— Час его сделал для меня, разве не здорово? — засмеялся он, как смеются дети.

— Нам пришлось заплатить, чтобы люди сказали, что они знают меня свыше двух лет, потому что я столько переезжал, что скорее в аду найдётся моё свидетельство о рождении.

Эта ночь стала для меня откровением. Джими оказался много опытней и в постели, чем все предыдущие мои друзья. Он творчески подходил к этому. До того как я встретила Джими, секс был для меня не более, чем времяпрепровождением, продолжением подростковой тусни. Он был первым мужчиной, с которым я не стремилась расстаться. Я не испытывала ни малейшего сожаления, когда связь рвалась, ни с Китом, ни с Брайаном, потому что я предпочитала видеть в них только хороших друзей. Но с Джими я чувствовала нечто совершенно другое. Я хотела видеть в нём моего любовника так же сильно, как моего друга.

На следующее утро меня разбудил звук поворачивающегося ключа в замке входной двери и Линда Кит ворвалась в номер ещё

до того, что я могла предпринять, что–либо сделать. Вырвав гитару из футляра она замахнулась ею, как если бы хотела ударить нас по голове.

— Стой, подожди! — запротестовал Джими, в то время как я тонула под тяжестью его тела, которым он пытался защитить меня. — Только не гитарой!

Она замерла, очевидно, раздумывая над чем–то, и развернулась на каблуках. Ураганом она вылетела из номера с гитарой в руках. Мы вскочили с постели и, завернувшись в простыни, выглянули в окно. У тротуара стоял тёмно–синий ягуар, и ни одной машины, на которой мы могли бы догнать её. Мы видели как она, бросив гитару на заднее сиденье, вскочила внутрь и уехала.

О, мой бог, — раздался стон Джими, как если бы кто–то ударил его в живот, — только не мою гитару.

Вначале я не поняла насколько вся ситуация была для него серьёзна, но он рассказал мне о своём детстве, когда у отца не было денег купить ему гитару и он сам натягивал верёвки–струны на швабру. Он рассказал мне о своих чувствах, когда у него появилась, наконец, своя гитара и как она стала частью его самого. Я видела, что ещё чуть–чуть и сердце его разорвётся.

— У меня нет денег купить другую, — признался он, — и Час уже растратил все свои деньги. Без моей гитары мне остаётся только сдаться и уехать домой.

Пока мы говорили, зазвенел телефон. Джими поднял трубку и дал мне понять, что звонит Линда. Он слушал внимательно, потом стал просить, потом видно пришлось согласиться с её требованиями.

— Она сказала, что получу назад свою гитару только в том случае, если избавлюсь от тебя, — сказал он мне, повесив трубку. — Она перезвонит через двадцать минут. Тебе надо уйти. Я позвоню тебе, когда всё уладится.

Я видела панику в его глазах, было не время возражать, я встала, оделась и в полном смятении отправилась обратно к себе на Гюнтерстоун–Роуд. Он уверял меня, что это не его девочка, но ведёт–то она, как если бы была ею. А если она будет ему угрожать и настоит на том, чтобы мы не виделись больше? Значит ли это, что я видела его в последний раз? Я не могла поверить, что он выберет меня, а не такую красавицу как Линда Кит.

Он позвонил днём, я удивилась сама себе, насколько приятно было мне слышать его голос.

— Она ушла, ты можешь вернуться.

— Она принесла гитару?

— Да, — вздохнул он с облегчением.

Позже Час подшучивал над нами, что Джими пришлось переспать с ней за гитару. Джими же продолжал настаивать и отрицал это. Много лет спустя Джими признался мне, что оставался с Линдой в нью–йоркском Хилтоне, пока Кит Ричардс был на гастролях. Люди говорят, это была одна из гитар Кита, которую позаимствовала Линда, но по словам Джими, она купила её специально для него, поэтому она ею так легко распорядилась в то утро. Позже я встретила ещё одну девушку, её звали Кэрол, и она мне рассказала, что перед самым его отъездом в Англию, она купила в Нью–Йорке ему гитару. Думаю, теперь нам этого уже никогда не выяснить. Так много разных выдумок и рассказов вокруг короткой жизни Джими, что иногда невозможно добраться до сути. Полагаю, такое происходит со всеми, кто умер молодым и знаменитым и кто не оставил о себе никаких дневников, тогда как в воспоминания других со временем вплетаются их собственные фантазии.

Но мы все ей благодарны, потому что это именно она уговорила Часа сходить и послушать игру Джими в нью–йоркском кафе. Не будь её, он никогда бы не добрался до Лондона, он никогда бы не прорвал рамки, ограждавшие его от написания такой великой музыки. Без вмешательства Линды, он никогда бы не стал звездой. Первым, кому она его показала был Эндрю Луг Олдман, менеджер Камней, но он не проявил к нему никакого интереса.

Не знаю, как Джими удалось её уговорить в тот день, но она никогда больше нас не беспокоила. Она продолжала путаться с Роллингами, но уже теперь с Брайаном Джонсом, когда от того к Кит Ричардсу ушла Анита Полленберг.

В тот день я съехала с Гюнтерстоун–Роуд и мы с Джими стали жить в Гайд–Парк–Тауэрс как супружеская пара. В наши первые дни мы много говорили. Он рассказывал о своих детских днях, проведённых в Сиэтле, о своей матери, от его воспоминаний веяло сердечной теплотой, он так красиво всё вспоминал. Рассказал, какой семейной трагедией стала страсть его матери к огненной воде. Мы беспрерывно удивлялись, насколько схожи были наши судьбы.

— Меня передавали из одних рук в другие, — рассказывал он мне, — и в итоге я попал в одну хорошую семью в Калифорнии, в Чэмпсах. У них была дочь, Целестина, и я искренне полюбил. Она была мне как сестра.

Я даже не представляла как много значила для него семья. Я вдруг вспомнила Энджи и её мать, Мэвис, то как я благодарна им за их любовь ко мне, за чувство близости, которое во мне вспыхивало, когда я думала о них. Мэвис, такая большая,

настоящая индийская мама, всегда в хорошем настроении, всегда улыбающаяся. Бетти, сестра Энджи, была сама непосредственность. Был ещё брат, Обри, ещё более непосредственный, чем его сестра. Все они приехали из Мадраса после смерти отца, когда Энджи было восемь. Жизненные испытания очень сблизили их.

Эл, — продолжил Джими, — мой отец, однажды явился в Чэмпс, как какой–то бродяга, и объявил нам, что хочет забрать меня с собой.

Я тут же вспомнила Лил, вдруг появившуюся в монастыре после четырёх лет отсутствия.

— Я его очень боялся, он часто бывал со мною очень груб. Даже по пути в Сиэтл, когда я не мог усидеть на месте и начал бегать, он одним ударом сбил меня с ног. Я ужасно рассердился и закричал, что пожалуюсь на него Целестине. Он рассмеялся мне в лицо. Он всегда был такой. Я ушёл в армию, чтобы только быть подальше от всех проблем и Сиэтла, и никогда больше там не появлялся после демобилизации.

— Ему никогда не нравилось моё увлечение гитарой, всегда прерывал меня и посылал меня на поиски работы. Если он ловил меня на том, что я щиплю верёвочные струны на моей швабре, он отнимал её и выгонял из дома.

— Он до сих пор не верит, что я в Англии.

Джими задумался на минуту и видно ему пришла какая–то идея.

— Я ему позвоню, — сказал он. — Я позвоню и скажу, что я здесь, и он не поверит.

— Привет, пап, — сказал он. — Я в Англии.

Я услышала недоверчивый голос на том конце провода, они ещё перекинулись парой фраз и Джими протянул трубку мне.

— Скажи ему, мне он не верит.

— Здравствуйте, — я старалась говорить как можно осторожнее. — Мистер Хендрикс, это правда, Джими здесь, в Англии.

— Скажите моему мальчику, — сердито проскрипел голос, — чтобы он писал мне. Я не собираюсь переплачивать за телефонные разговоры!

В трубке установилась тишина. По лицу Джими было видно, что он чувствует то же, что и я в монастыре, когда другие девочки получали письма из дома, или когда за ними приезжали родители в конце семестра, а я оставалась одна. В такие моменты он был похож на маленького мальчика, которому очень больно, но он терпит.

Я поняла по этим нескольким словам, что Джими ничего не

преувеличивал, когда рассказывал о своей семье. Было очевидно, что у него, также как и у меня, никогда не было нормального уюта в семье, где он рос, что оставило нам чувство неуверенности и уязвимости. Час подобрав его в Нью–Йорке, спящего где придётся, и привезя его в Англию, впервые в жизни дал ему ощущение владения своей судьбой. Однажды в Нью–Йорке он делил квартиру с проституткой, они всячески поддерживали друг друга, но ему приходилось много гулять, пока она принимала клиентов. Ему нужна была помощь, чтобы играть свою музыку. Гитара стала спасением от прошлого и я поняла, насколько это важно для него.

— Помню один свой сон, — сказал он однажды газетчикам, — что–то особенное в нём было связано с цифрой 1966, но вот я и дожил до этого времени.

Теперь 1966 год и передо мной стоял неугомонный оптимист.

Испытания, пережитые нами, вызвали в нас похожие желания построить собственное небольшое гнёздышко вдали от этого мира. Иметь где–то что–то, что я могла бы назвать домом, всегда было моим горячим желанием. Я не искала любви. Любовь это приз. Не помню, что я когда–нибудь думала, что есть кто–то, кто действительно любит кого–то, тема для сентиментальных песенок и прочего такого. Оба мы знали по опыту, что всё кончается тем, что один уходит и приносит боль и страдания другому. Каждый пытается получить от связи в первую очередь всё сам, не задумываясь над интересами другого и даже не предполагая, что они поступают одинаково.

У нас почти не было денег в первые месяцы, только то, что Час мог нам дать. Но куда бы мы ни пошли у Джими всегда был доллар в сапоге, так, на всякий случай.

— Доллар здесь тебе ни к чему, — произнесла я, он только рассмеялся мне в ответ.

— С ним я чувствую себя лучше. Если у тебя когда–нибудь не было ни пенни, ты этого не забудешь никогда. Однажды меня занесло на Юг, я был так голоден, что ел гремучих змей. На вкус цыплёнок. Если нечего положить в сапог, если нет гитары рядом — одолжи, отдашь потом.

Он также положил себе в сапог локон моих волос, залепив их скочем. Это часть его религии вуду. Он считал, что если на нём есть частичка меня, это значит, что мы вместе. Когда он стал носить шляпу, он переместил доллар и локон моих волос за подкладку шляпы.

— Всё это можно объяснить, — начал было он, собираясь вполне серьёзно рассказать мне о вуду, о втыкании иголок в куклы врагов, о чём–то таком, что я никогда бы не подумала что

человек мог бы сделать по отношению к другому человеку. Позже, когда он стал использовать кислоту, его суеверия разрослись психоделичской радугой и многие его стихи пронизаны глубинными верованиями. В детстве, слушая разговоры Лил и Чёрной Наны о голосах и знаках во всём на чтобы они ни посмотрели, затем несколько лет шелеста чёток и чтения «Отче наш», рассказы Джими о вуду не казались мне таким уж чем–то необычным. Ничего из того, что он говорил не удивило бы мою мать и бабушку. Он был больше цыганом, чем мы все вместе.

Он открыл мне двери восприятия. Джими дал мне секретный ключ к моей собственной семье. Парадокс был в том, что он был самым сомневающимся человеком, какого я встретила за свою жизнь. Но мы открыли в друг друге своё отражение, хотя и стремились быть независимыми, избегали всяческих обязательств и были слишком молоды, чтобы понять всё это.

Я рассказывала о себе, он слушал очень внимательно, всё это было ему близко и понятно, он сам ребёнком пережил подобное.

— Я буду заботиться о тебе, — произнёс он. — Я буду всегда заботиться о тебе.

Мне было очень приятно это услышать. Но я знала, что денег у него нет. А в себе я не была уверена.

Те небольшие деньги, которые у нас были мы потратили. Мы сходили в Хэмлейз, крупнейший лондонский магазин игрушек и накупили детских игр, Риск, Монополию, Скраббл и Твистер. Как если бы мы хотели доставить себе удовольствие поиграть в детство, которое мы пропустили. Твистер, это такая игра, где нужно руки и ноги всё больше переплетать пока не упадёшь и мы со смехом падали на ковёр, совершенно беспомощные. Когда появились деньги Джими купил игрушечную дорогу. Мы раскладывали её на полу и устраивали гонки. Его была голубая машина, моя — красная. Когда он чувствовал, что я начинаю выигрывать, он нечаянно делал «аварию» полотна дороги (разъединял её).

В те дни обычно мы не были заняты первую половину дня и нам нравилось гулять по городу, восторгались вместе с туристами старыми домами с их гаргульями, статуями и лепными украшениями. Он считал Лондон самым красивым местом из тех, где ему приходилось бывать. Я показывала ему самые знаменитые площади и дворцы, провела по Портобелло–Роуд и Кингс–Роуд. Там мы купили себе по шёлковому шарфу и ещё разных украшений. Ему нравились яркие цвета и дорогие ткани такие, как шёлк, шифон, бархат. Во многом он разбирался по–женски, даже больше по–женски, чем я. Ему нравились плащи с поясом, всем американским туристам нравились плащи с поясом, но у

них не было таких диких причёсок как у него. Несмотря на то, что Час стал представлять его журналистам, его ещё очень мало кто знал. Мы могли свободно гулять, нас никто не беспокоил. И если мы и привлекали внимание, то только нашим одеянием, а не потому что Джими был известным музыкантом.

Ни Джими, ни я никогда не катались на коньках, каток Квинсвей был рядом за углом.

— Может попробуем, а? — спросила я Джими, когда однажды вечером мы с ним бездельничали.

— Конечно, — Джими всегда нравилось испытать что–то новое.

На катке было не найти коньки на его огромную лапу 11–ого размера. Наконец, ему подобрали пару, он втиснул туда свои лыжи и мы вышли на лёд. Несколько секунд борьбы со льдом, и вот, мы лежим в истерическом припадке, теряя силы от смеха. Катающиеся объезжают нас кругом, а мы стараемся, держась друг за друга, развернуться так, чтобы встать на ноги, и тут же, теряя опору, падаем снова. Джими всё же удалось удерживаться прямо и прокатиться, опираясь за борт, но я, как только он меня отпускал, падала снова и снова. Моё чувство равновесия нисколько не улучшилось со времён занятия балетом в монастыре. В итоге, мои рёбра болели от смеха даже больше, чем мои колени и моя задница от бесконечных падений.

С каждым разом, как мы приходили на каток, Джими радовался всё больше и больше своим успехам, и к концу он уже нарезал лёд как заправский конькобежец, привлекая к себе изумлённые взгляды своими развивающимися на ветру волосами.

— Эй, — однажды воскликнул он, обращаясь ко мне, — Малыш Ричард в городе. Этот человек должен мне 50 долларов, когда я с ним гастролировал. Он так мне и не заплатил. Пошли, навестим его.

Мы выяснили, что Малыш Ричард остановился в Рембранте в Найтсбридже, и отправились к нему после выступления. Мы позвонили снизу в номер и к моему изумлению звезда пригласила нас к себе. К этому случаю я специально надела дымчато–голубое платье с перламутровыми пуговицами и длинными узкими рукавами, я очень гордилась им. Он приветствовал нас в дверях своей спальни продолжительным воплем восхищения и тут же начал исследовать моё платье, его интересовало, расстёгивается ли оно целиком или нет. За его спиной мы увидели целую вереницу париков на специальных подставках. Его свои волосы выглядели сверхъестественно.

— Входите, входите, — пригласил нас к себе, подбрасывая манжеты и крича в соседнюю дверь, ведущую в гостиную, —

мама, закажи нам бутылку виски.

Его мать, должно быть, выполнила без задержки его просьбу, потому что буквально через несколько минут коридорный принёс бутылку. Мы расселись вокруг неё и начали болтать.

Неожиданно Джими набрался храбрости и спросил про деньги. Малыш Ричард разразился хохотом и покачивая пальцем перед его носом произнёс:

— Ваш поезд ушёл, дружище, ваш поезд ушёл, — вот и всё, что он выдавил из себя по поводу денег.

— Что он имел ввиду, когда сказал что твой поезд ушёл, — спросила я, когда мы покинули его с пустыми руками.

— Я проспал наш гастрольный автобус, который должен был отвести нас на следующее выступление, объяснил Джими, — так что он уволил меня. С того раза я стал класть доллар себе в сапог, потому что в тот день, когда я пропустил автобус на мне не было даже цента.

Выйдя из гостиницы, где нас так радушно принял Малыш Ричард, мы решили отправиться в Кромвеллиан, где я всё ещё работала диск–жокеем, он был неподалёку, нужно было только пройти вперёд. Был прохладный вечер и на Джими была старая военная куртка, которая очень скоро стала его визитной карточкой.

Полицейская машина взвизгнула позади нас тормозами и семеро направились прямо к нам и забросали Джими вопросами, как игрушками новогоднюю ёлку. Он старался отвечать спокойно, хотя мы оба дрожали от страха.

— Вы понимаете, что наши солдаты умирали в этой форме?

— Что?

Джими взглянул на куртку и его осенило:

— В куртке Королевского Ветеринарного корпуса?

— Сейчас же снимите её, — приказал первый полицейский.

Я смутилась и покраснела, а Джими безмолвно начал стягивать её с себя. Полицейские успокоились, когда увидели, что Джими выполняет всё, что они бы ни приказали, что–то между собой переговорили и, возможно, сообразив, что мы совершенно безвредны и что они переусердствовали. Мне показалось, что один из них, самый молодой, узнал Джими, возможно, он видел телепередачу, в которой Час представлял Джими, и подошёл к нам.

— Вам не провести нас, можете её одеть! — сказал он, было видно, что он смущён, и они исчезли.

Как только они отъехали на приличное расстояние, Джими натянул её на себя, тихо присвистнув с облегчением.

Много лет спустя я наткнулась на интервью с Малышом

Ричардом, в котором он рассказывал о том, как Джими Хендрикс приходил к нему в одну из лондонских гостиниц со своей «малышкой», прося взаймы 50 долларов, и, что он им сказал, чтоб они убирались и попробовали сами заработать 50 долларов. Вот так, разные люди по–разному оценивают и запоминают одни и те же ситуации.

Глава 5.

В течение его первых дней в Англии мы с Джими почти всё время проводили в лобби Гайд–Парк–Тауэрса вместе с Часом и Лоттой или в местных индийских ресторанах. Мы обсуждали, как нам лучше и с чего нам лучше начать карьеру Джими.

Когда впервые ему принесли блюда с карри, я беспокоилась, не будет ли для него это всё очень острым, но он не показал виду. Для меня было новостью, что Джими ел всё, абсолютно всё, не ел он только тунца, мармелад и мою стряпню.

Мы пришли к выводу и Час его озвучил, что во–первых, надо найти подходящую звукозаписывающую компанию, заключить с ними контракт и, конечно же, нужны репортёры. В те дни для музыкантов не было столько возможностей, как теперь. Не было видео–каналов, не было дневных телевизионных программ с их бесконечным потоком новостей. Были немногочисленные музыкальные издания, такие как Мелоди Мейкер и Нью Мюзикл Экспресс.

Мы долго обсуждали, какова его будет группа и что предпочтительно они будут играть. Всё это казалось непосильным трудом для одного человека, но не помню, чтобы Час хоть раз поддался унынию, хотя весь груз и лёг на его плечи. Среди всего прочего, необходимо было соблюсти формальности, как например, получить разрешение на работу. Без этого разрешения не имело смысла оставаться в стране, пытаться его продвинуть и найти людей, которые его бы послушали и заинтересовались бы им.

Проблемы не ограничивались только подбором музыкантов, не было ни инструментов, ни соответствующего оборудования, его нужно было либо попросить у друзей, либо взять в аренду. Нужно было найти место, где бы мы его представили, как нового, никому неизвестного талантливого музыканта, который пока ещё ничего из себя не представлял, раз его никто не видел. Час упрашивал владельцев клубов, чтобы они разрешили им выступить, потому, что они не очень громкие и их всего трое, и, в конце концов, они играют совершенно бесплатно!

Всё это походило больше на гонки со временем. Что произойдёт быстрее, кончатся деньги Часа, иммиграционная службы вышлет Джими из страны или нам удастся всех уговорить. Казалось невозможным скоординировать всё это без серьёзной финансовой поддержки.

Никто из нас не сомневался, что Джими станет звездой. Мы все понимали и он в том числе, что его игра была несравнима ни

с чьей–либо игрой из тех, кого мы знали. Вопрос заключался лишь в том, как ускорить процесс восхождения на звёздный небосклон. В воздухе витало восторженное состояние, мы все сбились в плотное кольцо вокруг него, планируя, вычерчивая схемы, подбрасывая

друг другу идеи, и, как говорится, в-четвёртых, желая побыстрее претворить всё это в жизнь.

Час отправил нас послушать Эрика Клаптона в лондонском политехе. Это было одно из первых выступлений Cream. Выступление проходило в актовом зале института, точно таком же как в нашей школе, набитом студентами, так что протиснуться было невозможно. Слушали затаив дыхание и не шевелясь, как обычно в каком–нибудь джаз–клубе. Мы стояли среди публики слева от сцены и в одном из перерывов между номерами Час поднялся на сцену. Час со своим ростом возвышался над всеми и не мог не привлечь к себе внимание Эрика. Он спросил, не может ли Джими сыграть с ними. Джинджер Бейкер тут же возразил, он не хотел делить славу с каким–то неизвестным никому парнем. Эрик же согласился и к тому же, ему удалось убедить и Джинджера.

Эрик предложил Джими одну из своих гитар, но Джими поблагодарил, сказав, что у него есть своя — принесла её я, так, на всякий случай. Он взял её у меня и поднялся на сцену. Несколько минут ушло на то, чтобы разобраться с проводами и затем он углубился в Killing Floor, блюзовый стандарт. Час зашёл за кулисы и встал рядом с Эриком.

Джими играл очень чисто — он был полон сил, с ясной головой, и играл, чтобы доказать самому себе. Все были потрясены тем, что услышали. Я читала воспоминания Джефф Бэка, он помнит, как почувствовал себя младенцем и стал искать своё голубенькое одеяльце, когда услышал игру Джими. Он был всего лишь самым лучшим рок–гитаристом мира.

— Эрик был близок к обмороку, — рассказал Час позже, — и попросил у меня сигарету: «Дружище, сигареты не найдётся? Он действительно так хорош или просто разучил один номер?»

— Я сказал ему, что действительно, на это он только произнёс: «О, мой Бог!»

Домой мы возвращались очень довольные собой.

В этот же вечер мы встретили Эрика в одном из клубов и он пригласил нас к себе на Парк—Роуд, рядом с Регентс–Парк и поблизости к Айвор–Курт. Жил он там со своей чёрной подружкой Брэнди. Мы все четверо расселись вокруг столика. Эрик с Джими едва познакомились и очень старались. Выходило у них это как–то неестественно. Оба стремились быть вежливыми,

но Эрик не обладал красноречием, а Джими вызвать на разговор было и вовсе трудно.

— О, мой Бог, — пробормотал Джими, когда мы вышли из гостей, — ну и попотел же я.

Час был полон идей по поводу сценического костюма, он хотел одеть Джими в джемпер из голубого мохера с таким маленьким воротничком, многие группы так тогда одевались. Джими соглашался со всем, чтобы ни сказал Час, но когда мы остались одни, он вдруг обратил свой взор к небу и произнёс:

— Терпеть не могу мохеровые кофты, — простонал он. — Никто меня не заставит больше надеть эти глупые кофты, в какие меня рядили во времена Читлин–Циркута, когда мне приходилось выступать с такими людьми как Малыш Ричард и Айком и Тиной Тёрнер, совершая эти бессловесные танцевальные па!

Помню, мы стояли в лобби какого–то отеля, на мне был брючный костюм от Биба и берет с помпоном. Приталенный пиджак с воротничком а-ля Неру. Мои вкусы всегда были более консервативны, чем у многих других, окружающих меня людей.

— Тебе стоит носить костюм, — в миллионный раз повторил Час, обращаясь к Джими, — вот, посмотри на Кати, как она одета.

Мне показалось, что Джими поперхнулся, но он справился с собой и прохрюкал что–то вроде: «выглядит неплохо для девушки», надеясь, что до Часа дойдёт. Но Час продолжал настаивать на своём. Его сердце лежало к строгому чистенькому имиджу в стиле многих групп того времени.

Надо заметить, что несмотря на то, что Джими всегда настаивал на своём, он никогда открыто не противоречил Часу. Он понимал, что Час, зная много лучше него ситуацию с британской рок–музыкой, делал всё, чтобы только состоялась его карьера. Он уважал его мнение. Совсем немного времени пройдёт и он перестанет молча соглашаться со всем, что требует Час. Слушая все эти идеи Часа, он понимал, что рано или поздно, но сможет делать то, что сам считал самым важным, и носить то, что ему самому нравилось, ту одежду, в которой ходил ежедневно. Джими совершенно точно представлял себе свой имидж, но он только ждал нужного момента, чтобы составить себе этот имидж. Он позволял Часу верить, что полностью согласен со всеми его идеями, но если Джими что–то не нравилось, он давал ему понять, что это не нравится либо его менеджеру, либо публике, либо мне, и если даже после этого Час продолжал настаивать на своём, он тихо делал всё по–своему. Со временем, когда Джими стал звездой, эта черта его характера выросла в одну огромную проблему.

Час хотел вплотную заняться менеджментом, потому что к

этому времени Animals распались, но у него не было достаточно денег, чтобы сделать всё быстро, и не было достаточно времени, чтобы успеть это сделать. В те времена поп–группы не зарабатывали такие огромные суммы, если, конечно, не писали свой собственный материал. Поэтому Animals впали в значительные финансовые долги. Даже в те дни, задолго до видео–эпохи, было очень дорого создать что–то новое. Найти студию, подпевку, приглашённых музыкантов, оплатить студийное время, и всё деньги, деньги, деньги. Даже наши скромные расходы оказывались больше той суммы, какую мог выделить Час.

Люди говорят, что он продал свою гитару, чтобы поддержать Джими в эти первые дни, но я такого не помню. Зато хорошо помню, как Час пришёл к нам в номер с гостиничным счётом в руках и пытался нам объяснить, что раз я уже три дня здесь живу, то оплата повысилась в два раза и он не в силах оплатить моё проживание. Мы все вместе спустились к менеджеру и стали объяснять ему, что не можем переплачивать. Он очень вежливо вернул всё на прежние места, не сказав ни слова в своё оправдание.

Какова бы ни была точная сумма, мы определённо нуждались в финансовой помощи, поэтому Час обратился к Майку Джеффери, бывшему менеджеру Animals, помочь нам деньгами и его связями. (Майк Джеффери это его настоящее имя, но все звали его Майк Джеффрис.)

Майк тут же приехал к нам, и Джими, и я, мы оба ему понравились. Он не был похож на всех кого мы знали: и старше, и лучше образован. Модно одевающийся, настоящий деловой человек. Начинал он с того, что у него был джазовый клуб студенческого общества университета Ньюкасла, там он и встретился с Animals. Нам с Джими он показался тем руководителем, какого мы искали, тем человеком, которому мы смогли бы доверять.

Наш день начинался, когда все уже обедают, с чая и тостера в постель, которые приносили нам на красной салфетке. Утром мы спали, потому что всю ночь проводили в клубах, слушая музыку и завязывая знакомства. В деловых кругах все уже знали про Джими и хотели сами послушать его игру.

В нашей тесной компании был ещё один человек, это подружка Часа, Лотта. Час был типичным представителем заводского населения, поэтому он считал, что задача женщины во всём слушаться мужа. В этом Лотта подходила ему идеально. Она была скандинавка и полностью ему подчинялась. Она делала буквально всё, что Час ей скажет, ни разу не возразив и не

проявляя инициативу со своей стороны, но зато она чувствовала себя с ним совершенно защищённой. Нас всех несколько задевало то, что она работала простой гардеробщицей в Bag O'Neils. Клуб принадлежал двум парням по фамилии Ганелли, двум головорезам из южного Лондона. Ганелли враждовали с какой–то другой семьёй и ходили упорные слухи, что те грозились взорвать клуб. Когда Час узнал об этом, он запаниковал и тут же забрал Лотту оттуда.

У Часа был тяжёлый характер и все хоть по разу но с ним повздорили, но, несмотря на это, все его любили за то, что он очень ясно излагал свои мысли. Даже на его похоронах кто–то встал и сказал: «Нет ни одного из здесь присутствующих, кто хоть бы раз не повздорил с Часом.» В те дни единственным исключением была Лотта, и только много лет спустя она настояла на разрыве с ним.

Постепенно, за две недели, я перетащила всё своё барахло с Гюнтерстоун–Роуд в гостиницу. Я сказала Ронни, что больше не нуждаюсь в квартире и её можно сдать кому–нибудь ещё. К этому времени Энджи переехала к Эрику Бёрдону на Дюк–Стрит в Сент–Джеймсе, где он снимал квартиру у менеджера клуба Скоч.

Майк Джеффери успокоил всех, что у него есть нужные связи, чтобы получить разрешение на работу для Джими. Но всё равно было много нервотрёпки, когда Джими оформляли в первую его поездку в качестве поддерживающей группы Джонни Холлидея, который в те году во Франции был очень популярен. Больше всего Часа и Майка беспокоило то, что британские власти могут не разрешить вернуться Джими в Англию после Франции. Джонни Холлидей услышал игру Джими в клубе Le Kilt на Фрит–Стрит. Ле–Килт ещё один клуб Луи Брауна, владельца клуба Скоч. Главным отличием был ковёр на полу, не такой «шотландский» как в Скоче и полностью забит французской молодёжью. (В тот вечер я сидела рядом с Холлидеем, даже не представляя, кто это мог быть.) Он спросил, может ли Джими со своей группой съездить с ним вместе во Францию. Майк успел вовремя справить все официальные документы и подтвердил возможность поездки. Джими очень волновался, несмотря даже на то, что никто из нас ничего не слышал о Джонни Холлидее. На сцене его волновало всё, если вдруг скажешь ему, что усилитель тебе не нравится, он мог даже бросить играть. Сцена — это всё ради чего он жил.

Его волнение немного спало, когда Час притащил ему в гостиницу синий костюм, как раз именно такой он меньше всего хотел надеть. Джими ничего не оставалось делать, как кивнуть и согласиться с Часом во всём, так как очевидно, стоил он больших денег, в то время он не мог позволить себе одеваться по своему

вкусу. Но мне очень понравилось, как сидел на нём этот костюм.

Но проблема не заключалась только в одежде, ему нужна была группа, нужны были музыканты. Пока Джими играл по клубам, он джемовал с кем придётся. У него не было ни одного, с кем бы он играл постоянно. Однако это были серьёзные гастроли и нам необходимо было составить группу.

— Необязательно они должны быть виртуозами, — сказал Час, — Джими сам за них всё сделает. Им только нужно уметь вовремя поддержать его.

Ему нужны были барабанщик и бас–гитарист. Прослушивание проходило в одном небольшом убогом клубе в Сохо, расположенном в цокольном этаже. Чёрные стены, покрытые разными рисунками и надписями. Час с Джими обсуждали их музыкальные способности и спрашивали нас с Лоттой, что мы думаем про того или другого. Нужно было, чтобы они не только выглядели сексуально и подходили к имиджу Джими, но играли бы неплохо. Имя первого барабанщика было Aynsley Dunbar, а гитариста Ноэл Реддинг. Ноэл Реддинг уже прослушивался для Animals. Он был хорошим ритм–гитаристом, но неплохо смог сыграть и на басу, и это именно то, что мы искали. Час немедленно обеспечил их работой. Ноэл был обыкновенным парнем из Фолкестоуна, скромным и не стремящимся к славе. Его желание было просто играть на гитаре и за это получать деньги. Эйнсли уже играл с Mojos — мы с ним познакомились на Севере, перед тем как я приехала в Лондон. Он играл здорово и они уже были готовы предложить и ему работу. Но позже на следующей неделе мы послушали Мич Мичелла, только что покинувшего группу Джорджи Фейма Blue Flames. Они никак не могли выбрать, кого оставить, Мича или Эйнсли. Час сказал Мичу, что свяжется с ним и мы все, втиснувшись в такси, вернулись в гостиницу. Час и Джими долго спорили, взвешивая все «за» и «против», но так и не пришли к согласию.

— Давай бросим монетку, — сдался Час, когда стало очевидно, что выбирать больше не было никаких сил. Он подбросил монетку. Так Мич Мичелл стал новым барабанщиком Джими Хендрикса.

Мич был полной противоположностью Ноэлу. Он уже с детства снимался и был одним из Ovalteens (группы детей, снимавшихся в рекламе горячих напитков модных в то время), снимался он также и в школьные годы, в большинстве фильмов Терри Томаса. В результате он развил в себе способность говорить чисто, так что на то время мы все посчитали это гениальностью, никто из нас не мог взять бы уроков речи высшего общества из первых рук.

Много позже многие поклонники верили, что лучшего барабанщика, чем Мич, для Джими было не найти, потому что у него было полно новых идей. Эти его новые идеи иногда очень нервировали Джими и бывали случаи, когда, чтобы до Мича дошло, что нужно прекратить играть, Джими крушил своей гитарой подвесные тарелки. Только так иногда можно было заставить Мича остановиться. Даже в ранние дни Мич приводил в ярость Джими своим покровительственным отношением, которое довело до того, что однажды пришлось прекратить репетицию. А в другой раз пришлось послать за Эйнсли, чтобы заменить зарвавшегося Мича, но позже его вернули и решили дать ему время исправиться. Так, постепенно они нашли общий язык.

Итак, Ноэл и Мич присоединились к нам в нашей гостинице, чтобы обсудить планы и материал, который можно показать на приближающихся французских гастролях с Джонни Холлидеем. Час взял на себя поиск помещения, где можно было бы репетировать с возможностью записываться. Мы все тоже не сидели сложа руки и не ждали, когда же всё можно будет начать. Кит Ламберт дальновидно заключил контракт с Джими с массой Track, своей независимой звукозаписывающей компанией. Но он был вынужден убедить Полидор принять его обратно, они же решили, что Джими недостаточно коммерчески успешен. Час решил предложить Джими Декке, но их агент сказал ему, что он не думает, что Джими что–то из себя представляет. Час нам со смехом рассказал, что Декка промахнулась не впервые, и напомнил нам, что именно её люди завернули Beatles в своё время.

Основным доводом крупных звукозаписывающих компаний было то, что они не хотели рисковать ради гитариста, выглядящего так экстравагантно, как Джими. У большинства из известнейших групп, таких как Отшельники Германа или Dave Clark Five, был имидж прилизанных и аккуратных красавчиков, которым всем бы хотелось подражать. Джими не подходил ни под один имидж из тех, которые возносили в те дни музыкантов на вершину. Дух Часа прошёл испытания, никогда ещё ему не приходилось слышать столько отказов. Только Кит Ламберт принял участие в судьбе Джими, его единственного можно было встретить в клубах, он единственный, кто общался с музыкантами и знал их мнение о Джими.

Джими, Час, Ноэл и Мич отправились во Францию без нас, оставив меня и Лотту дома. Хотя у нас и появилось немного денег от Майка Джеффери, но их было недостаточно, чтобы растратить их на нас. Дни, когда Джими станет возить за собой целую армию желающих быть «у блюда», ещё не настали, и парни

путешествовали в стареньком автобусе с выцветшими занавесками на окнах, наблюдая, как урчащая мощным двигателем огромная американская машина возила Джонни Холлидея.

Всякий раз когда, это происходило в Англии, как и в случае с звукозаписывающей компанией, мы всюду ходили все вместе, нашей маленькой стаей. Час только говорил нам, что надо увидеть того–то тогда–то и все рысью неслись вперёд.

После Франции, где Джими приобрёл благосклонность поклонников Джонни Холлидея, Час договорился на серию концертов в мюнхенском Big Apple. На одном из них, какой–то парень из публики попытался спихнуть его со сцены и при этом повредил его любимую гитару, он пришёл в такую ярость, что начал крушить всё на сцене, включая и свою несчастную гитару. Я ничего не знала про этот случай, поскольку я точно знала, что у него был только один его любимый белый Страт, который он привёз с собой из Штатов, и он был в отличном состоянии, как я потом убедилась. Впечатление от Германии можно сравнить с восторгом Джими перед пуховым одеялом, которое он считал величайшим человеческим изобретением.

Затем начались существенные перемены. Час повёз Опыты на студию, чтобы записать Hey Joe, нашу первую сорокопятку, спустя всего два месяца после того, как Джими ступил на английский берег. На студию Кингсвей, недалеко от Стренда, мы все отправились на такси. Студия была крошечной и нам там было очень тесно. Джими очень нервничал, что ему придётся петь. Во всём мире не найти такого уверенного себе гитариста, но веры в свой голос у него не было. Час как мог его подбадривал, говорил, что это не сложно и многие так поступают. Мне пришлось находиться прямо в студии, потому что внешнее помещение было так мало, что там даже не было места для стула.

— Обрати внимание на Breakaways, — сказал мне Час, — они будут на подпевке.

— А что они как–нибудь особенно выглядят? — спросила я, представляя смазливых шоугёлз, не упускающих случая подработать.

Час рассмеялся.

— Не думай увидеть разряженных девиц, для такой работы никто специально не одевается.

Когда пришло их время, я поняла, что Час хотел мне сказать, их волосы были замотаны платками. Вот такие чудачества попадаются в музыкальной индустрии. У них не было времени на репетицию, потому что каждый час студийного времени стоил денег Часа, поэтому он написал слова на листах и держали их

перед ними, пока те пели. Я была поражена их профессионализму.

Пока они что–то обсуждали я проскользнула в дамскую комнату. Когда же вернулась, над дверью горела красная лампочка, но для меня она ровным счётом ничего не значила. Открыв дверь и проходя на своё место, я наделала столько шума, что испортила всю запись.

Час превратился в огромного визжащего орангутанга, он кричал на меня, загнал в угол и я тряслась от страха, было одно желание — исчезнуть. В некоторых книгах по истории музыки можно прочитать, что Джими сорвал эту запись, потому что Час на него накричал, но на самом деле кричал он на меня и это я, а не Джими, сорвала запись.

Я безотчётно верила в Джими, в его успех, иначе, если бы этого не случилось, он бы вернулся в Америку и, возможно, это было бы концом наших отношений. Я была уверена в его звёздном потенциале. Ему только нужно было собрать всё воедино. Час всех нас заразил своим воодушевлением и оптимизмом, но всегда была доля сомнения, а вдруг эти разрозненные элементы не появятся вовремя и не сложатся в общую картину.

Пластинка вышла к Рождеству, на обороте Stone Free, сочинённая самим Джими (Час всё время говорил, что финансово более успешны всегда свои собственные композиции). Статья о Джими появилась в Record Mirror, а сорокопятка за пару недель разошлась 100–тысячным тиражом и заняла шестое место. Её стали передавать по радио и в какой бы клуб мы ни зашли, всюду её проигрывали. Все предсказания Часа начали сбываться. Полидор неожиданно пересмотрели своё отношение и помогли Киту Ламберту и его партнёру Крису Стэмпу основать Track Records.

С этого момента Час всеми силами поддерживал в Джими стремление сочинять свой собственный материал, и вовсе не потому, что это могло принести большие денег, а потому, что он верил в талант Джими и хотел, чтобы он ему следовал. Думаю, умение Джими писать песни стало приятной неожиданностью для Часа. Он понимал что руки его — это руки величайшего гитариста, но стихи, которые писались этими же руками, стали Часу наградой.

Джими имел привычку делать наброски на клочке бумаги, бренча себе под нос что–то, так это и сочинялось. Думаю, он провёл бы тысячу лет сидя на диване со своей гитарой, иногда подключив её к усилителю, иногда просто перебирая струны, так что было слышно только ему одному.

— Было бы здорово, если бы ты подыграла мне на басу, — как–то однажды в задумчивости произнёс он. — Это бы помогло мне.

— Шутишь? Я не умею играть на гитаре, — запротестовала я.

— Я научу тебя, — попытался настоять на своём. — Это не сложно, тебе нужно только зажать пальцами струны, вот так, а пальцами другой руки перебирать их, вот так.

Целых двадцать минут он показывал мне, что и как нужно делать, но в конце сдался и признал, что я потерянный человек для общества, неспособный ничему научиться. Я даже не могла запомнить самые простые аккорды. Но он много раз ещё пытался показать мне основную басовую линию.

— Это очень легко, — повторял он ещё и ещё, — просто зажми пальцами здесь.

Но я никак не могла извлечь правильную ноту.

Он был очень терпелив, но со временем всё же понял, что я из тех людей, которые не поддаются обучению. Это стало среди нас предметом шуток, например, когда мы аплодировали, то я хлопала в ладоши на полтона ниже, чем следовало. Возможно, после знакомства со мной он стал более осмотрителен в выборе подружек, имея ввиду их музыкальные способности! Поэтому рядом с ним всегда был кто–нибудь, кто мог ему заменить струну.

Джими и Час могли сутками говорить на музыкальные темы. Джими уже не нужно было подгонять в написании песен. Только несколько чужих песен он оставил в своём репертуаре. Ему очень нравились Боб Дилан и пара известных блюзовых стандартов. В самом начале, когда группа ещё не накопила собственный репертуар, они часто исполняли всем известные темы, такие как Land of the Thousand Dances, так что им пришлось много поработать, чтобы собрать достаточно материала, чтобы составить программу для целостного концерта. Они никогда всей группой много не репетировали, но всегда играли превосходно, когда выходили на сцену.

В декабре мы вынуждены были покинуть Гайд–Парк–Тауэрс. В гостинице многие деревянные части заболели грибком. Впервые мы узнали от этом, когда одна из ножек нашей кровати провалилась в подпол и я слетела с постели. Менеджер гостиницы нас эвакуировал в другую часть здания. Грибок обнаружили в большинстве номеров, поэтому нас переселили в служебные помещения и приходилось пользоваться общественным туалетом. Так бывает, если снимать жильё в частных домах. Потом обвалился лестничный пролёт и закрыли ещё одну часть здания. В конечном счёте пришлось закрыть гостиницу полностью и на несколько лет здание обросло лесами,

но к тому времени мы уже там не жили.

Денег у нас по–прежнему достаточно не было. Должно быть, Час как–то пожаловался Ринго Старру, что мы продолжаем скитаться по отелям и он уже не в состоянии оплачивать их, поэтому он предложил нам свою квартиру на Монтегю–Сквер. Сам он уже давно жил за городом и ему она была не нужна.

Отремонтированный городского вида дом на Марбл–Арк с высоким бельэтажем. Спальня Часа с Лоттой с белым ковром на полу, рядом гостиная, мы же с Джими разместились под ними в полуподвальном этаже рядом с кухней. Наверху — ванная комната с розовой утопленной в полу ванной, нам она показалась диковинкой, вход в наш с Джими туалет был из кухни, ещё там было помещение, где можно было переодеться. В нашей спальне стоял ужасный старый камин, стены были обшиты деревянными панелями, но это место было лучшим из тех, где мне приходилось жить и, думаю, очень подходящим для растущей поп–звезды. Кухней мы пользовались вместе с Часом и Лоттой, но надо сказать, что там мы редко с ними пересекались.

Наше первое Рождество. Такие праздники как Рождество и день рождения для нас с Джими мало значили, возможно потому, что в детстве мы о них ничего не знали. Мы приготовили подарки друг другу, но едва ли они подходили этому событию и я не думаю, что мы когда–либо собрались бы купить ёлку и украсить её. Однако Час отмечал свой день рождения дома, устроив большой праздник, который выбился из под контроля и ёлка в конечном итоге повалилась на Билла Ваймана и его подружку, сидевших на полу как раз под ней.

Я не видела никогда более нелепого музыкального центра, как этот проигрыватель, вмонтированный в занимающий почти всю стену гостиной деревянный кабинет, заваленный стопками пластинок. Джими включал его только для того, чтобы послушать какую–нибудь только что купленную на сэкономленные деньги блюзовую пластинку Элмора Джеймса, Muddy Waters или Молнии Хопкинса. Те небольшие деньги, которые он зарабатывал, он тратил в основном на одежду и на такси. Мы часто прочёсывали с ним модные лавки, расположенные по Карнаби–Стрит и Кингс–Роуд, точно так же как я это делала с Брайаном, хотя к этому времени выбор был уже значительно лучше.

Как только появлялись деньги, мы покупали пластинки. Одна из его любимых, это пластинка Билла Кросби I Started Out as a Child. У него было ещё несколько пластинок Кросби, которые он ставил друзьям, если они хотели, что–нибудь послушать. Он хорошо владел мимикой и своим голосом, когда, конечно, было настроение. Больше всего ему нравилось пародировать Дэвида

Фроста.

За то время, когда мы были вдвоём, мы составили отличную коллекцию пластинок, которая ныне продана поклоннику Джими Полу Аллену, одному из основателей Майкрософта и создателю проекта Experience Music в Сиэтле. Коллекция в основном состояла из старых блюзов, которые он обычно слушал с благоговением или подыгрывал им на гитаре. Также у нас было много другой музыки, очень много пластинок дарили сами музыканты. Классику Джими покупал тоже, Мессию Генделя, сюиту Планет Густава Холста, но чаще по наитию, или увидев на стенде, или просто хотел узнать об этом по подробнее. Думаю, сюиту Планет он купил из–за обложки, на ней была изображена солнечная система, а он только что прочитал научно–фантастический роман на эту тему. Сюита ему понравилась и он проиграл её несколько раз. Некоторые пластинки он покупал и, прослушав раз, больше их никогда не ставил. Когда Джон и Йоко подарили всем нам свой спорный альбом Virgins, мы купили его завёрнутым в крафт, потому что на обложке они сфотографированы голыми. В те годы это считалось недопустимым и владельцы магазинов настаивали на том, чтобы покупатели не разворачивали покупку внутри магазина.

Жить двумя семьями под одной крышей оказалось очень проблематично. Наши споры с Джими часто оканчивались криками, в то время как Лотта никогда не повышала голос на Часа и во всём с ним соглашалась. Они жаловались, что наши препирательства со всеми подробностями слышны им в их комнате над нами. Час вдруг обнаружил для себя, что с Джими совершенно невозможно договориться. Он всегда делал то, что хотел, не беря в расчёт мнения других людей, и когда ему что–то нужно было, он делал это тотчас, и неважно, можно это или нет.

— Чёрт побери! Почему ты до сих пор не научилась готовить!? — приходил Джими в ярость, когда перед ним появлялась тарелка с чем–то отдалённо похожим на еду.

— Почему бы тебе не приготовить самому? — вторила я, подражая его голосу, хотя моё красноречие было много скуднее. Если у меня не было желания, я никогда ничего не могла придумать, даже если Джими мне подробно об этом просил.

Все эти споры никогда нас особенно не беспокоили, думаю потому, что мы оба росли под криками наших родителей и научились всерьёз их не воспринимать. Вот мы мирно беседуем, а минуту назад стоял крик и визг. Но и Часу, и Лотте всё это стоило больших усилий. Много лет спустя личный ассистент Майка Джеффери в интервью для одной книги сказала, что я была единственным человеком, который смог ужиться с Джими.

Сама я никогда об этом не додумалась бы.

Часа так беспокоили наши буйные взаимоотношения, что однажды они с Майком Джеффери вызвали Джими в кабинет Майка на Джеррард–Стрит и предложили, если мы не прекратим наши бесконечные споры, то мне придётся съехать с квартиры. Они указали ему, что мы должны расстаться, потому что по их мнению, я перекрываю его творчество. Джими, поджав губы, надевал мохеровый джемпер, молча выслушивал все советы по выбору репертуара, но он никогда не допускал обсуждения своей личной жизни и сказал им, что лучше бы они занялись делами.

Час попробовал другой способ, вызвав меня в гостиную, он спросил, не думаю ли я, что лучше для нас обоих идти разными дорогами. Я была этим смущена, ведь я думала, что наши отношения были отличными. Оказывается, Час был обеспокоен, не станем ли мы ссориться на людях, что могло бы повредить имиджу Джими. Он был уверен, что чёрный исполнитель в те годы не имел права рисковать. Его всё время преследовала мысль, что Джими мог быть выслан из страны, если он станет недооценивать общественное мнение.

— Нет, — успокоила я его, — думаю, всё идёт хорошо.

— Но, вот мы с Лоттой, мы никогда так не спорим, — произнёс он, явно поставленный в тупик моим ответом.

Я никогда не слышала, чтобы Лотта повысила голос, это меня не удивляло, хотя однажды, уже после того как они поженились, она ушла от Часа к кому–то другому, так что может быть, было бы лучше для них обоих что–то выяснить тогда, на заре их отношений.

Некоторые наши ссоры были очень драматичны. В основном, из–за того, что у нас у обоих была очень низкая точка плавления и никто из нас не хотел уступать другому, так что мы шли до конца или даже дальше — особенно я. Один раз он снова стал ныть на счёт моего умения готовить, а я в тот раз вложила в блюдо всё своё старание — по–моему, то было картофельное пюре. Я не смогла вынести того, что оно отвратительное и, схватив тарелку, разбила её об пол.

— Чёрт, что ты делаешь? — закричал он на меня.

Тогда я, схватив ещё пару тарелок, кинула в него, но он увернулся. Я развернулась на каблуках и вышла вон, пересекая улицу в поисках такси. Он бросился за мной, стараясь уговорить меня вернуться, но я отказалась его слушать. Я прыгнула в такси и сделала так, чтобы Джими не узнал, что шофёр меня повезёт к Энджи и Эрику на Джермин–Стрит. На следующий день я остыла, вернулась и спросила, как он провёл без меня время.

— Я написал песню, — сказал он и протянул мне листок со

стихами The Wind Cries Mary.

Мэри — это моё второе имя и он всегда меня им называл, когда хотел разозлить меня. Я взяла протянутый мне листок, прочла стихи. Там говорилось о недавней нашей ссоре, но я не почувствовала облегчения.

В другой раз я скрылась в ванной, прежде чем уйти, а он запер меня там.

— Выпусти меня! — визжала я, колотя ногой в дверь.

— Прими ванну, — посоветовал он мне и ушёл подышать свежим воздухом.

Через несколько часов Лотта услышала мой плачь и пришла мне на помощь.

Иногда в порывая ярости я выбрасывала его одежду на улицу и даже несколько раз била его гитару, что всегда сводило его с ума. А одну из его акустических гитар я просто проткнула ногой. Думаю, это было как раз именно то, что так беспокоило Часа. Его пугало то, что мы можем разнести в щепки квартиру Ринго. В итоге нам удалось всё–таки сломать одну из дверей гостиной и починить её уже было невозможно. Думаю, Час был близок к тому, чтобы убить нас, когда увидел её.

Однажды, когда я особенно разбушевалась, он догнал меня на улице и ухватился за подол юбки, чтобы остановить меня. Эта розовая с большим запахом юбка тут же осталась в его руках. На мне были только чулки и пояс с подвязками (трусы я только собиралась надеть).

— Ну, а теперь? — произнёс он с триумфом, у меня не было выбора, отчасти потому, что я умирала от смеха, представляя какой вид у меня, стоящей посреди улицы.

В большинстве своём наше метание икры оканчивалось моей попыткой к бегству и его попыткой мне помешать в этом. Однажды вмешался фотограф и мне удалось ускользнуть, пока Джими стоял, позировал, бросая мне в след сердитые взгляды, на ступенях нашего дома. Позже я видела эти фотографии в разных изданиях, Джими выглядел невероятно сердитым из–за меня, неспособный погасить своё нетерпение. Броситься за мной он не мог из–за этого проклятого фотографа. Он бы погнался за нами и тогда бы получились точно уж непрофессиональные фотографии.

Я не мола винить Джими, что ему не нравится моя стряпня, это было неотвратимо. Помню одно Рождество, мы ели яйца с чипсами, потому что традиционная индейка подгорела, но была ещё сырая внутри. В ресторан пойти мы не смогли, столики заказаны были все за месяц. Полагаю, он был очень доволен, потому что съел всё до единой крошки.

К тому времени как мы переехали на Монтегю–Сквер,

журналисты стали часто к нам приходить и брать у Джими интервью, а мне приходилось прятаться в такие моменты, так как если бы узнали, что у него уже есть девушка, это бы повредило его сексуальному имиджу. Джими ни словом никогда обо мне не обмолвился, я же оставалась внизу, часто в ванной, в то время как он принимал журналистов наверху. Это меня нисколько не беспокоило, я знала, что так надо.

Час и Майк старались раскрутить его как новый сексуальный символ. Эта идея сбивала его с толку, когда они начинали обсуждать её при нём. Он был совсем не тем парнем, который бы себя превосходно чувствовал, если бы с ним возились как с павлином. Он видел свой сценический образ много прохладнее, несмотря на одежду, делающую его пламенеющим цветком, а его сексуальность подмечали все с кем он был знаком. С самого начала он придерживался стиля, какой сам выбрал, носил сатиновые рубашки с широкими рукавами, армейские куртки и расширяющиеся книзу брюки, перевязанные выше колена лентой, задолго до того, как это стали носить все. Даже Брайан Джонс ходил в строгом костюме, когда Джими приехал в Лондон, и он оказался единственным, кто позже других музыкантов стал носить цветастые одежды, боа из перьев и всевозможные украшения.

Джими был неповторим в своём стиле. Один из первых моих подарков ему была чёрная рубашка с розами, которую он стал постоянно носить. Для того времени это было необычно, чтобы мужчина одевался так ярко. Помню, нашла её в одной лавке на Портобелло–Роуд. Джими она очень нравилась.

Глава 6. Первые гастроли

Ещё только готовилась к выпуску Hey Joe. Час вписал Джими в гастроли по рабочим клубам севера Англии. Он хотел избежать маленьких клубов, ему было очевидно, что Джими мог бы выступать перед большей аудиторией и на других площадках, но контракты были подписаны и ничего мы уже не могли сделать, так что он был благодарен и этому. Джими тоже это не беспокоило, он с радостью играл везде, где были слушатели.

У нас был роуди, его звали Джерри Стикеллз, которого привёл Ноэл Реддинг, потому что тот был хорошим механиком и у него был старый фургон, куда поместилось всё наше оборудование. Джерри был большим обаятельным медведем и в будущем, именно благодаря ему, с успехом осуществились многие мировые грандиозные рок–гастрольные проекты. Сейчас у него своя фирма, которая осуществляет грузоперевозки, а в тот день он запихнул весь наш скарб в помятый синий фургон. Он объединил наши жизни в одно целое, стал надолго нам другом и помощником в несчётных переездах в следующих друг за другом годах. Лучше узнаёшь людей, когда проводишь с ними недели в тесном фургоне. У Мича была машина и он возил Ноэла, Джими путешествовал в фургоне с Джерри, я же сандвичем сидела между ними.

Джими не водил машину, в некотором смысле он был за бортом — у него и прав не было. Уже позже обнаружилось, что он ужасный водитель, возможно из–за своего зрения, настолько насколько всё остальное уже было неважно. Надо сказать, когда он купил себе машину в Америке, он даже не побеспокоился узнать, зачем ручка переключения передач, он брал взаймы очки Ноэла и вёл машину, прижавшись носом к ветровому стеклу, пытаясь увидеть впереди дорогу. Это был ни с чем несравнимый опыт. Он был слишком ленив, чтобы заказать себе очки.

Когда мы путешествовали, у нас всегда было включено радио. Нам всем нужна была музыка, куда бы мы ни направлялись, обычно настраиваясь на ту или другую пиратскую радиостанцию, предшественницу Радио-1, нелегальные радиопередатчики которых были установлены на небольших рыболовецких судах вдоль побережья.

Однажды одним на редкость пасмурным днём мы гнали на Север, как всегда со мной, зажатой между Джерри и Джими, и с моими ногами, задранными на приборную доску. Как вдруг передали Wild Thing в исполнении Troggs. Джими тут же вскочил, как если бы наш старый грузовик, перепрыгнув перила моста,

полетел со всем нашим барахлом.

— Вау! — засмеялся он, — кто это?

— Трогги, — ответил Джерри.

— Трогги? — удивился Джими. — Что это за имя такое?

— О, это такие маленькие человечки, — постаралась я объяснить самым невинным образом, — они живут в саду.

— Вот что, — сказал он. — Вы, англичане, смешной народ. Вы что, на самом деле верите, что есть маленькие люди, которые живут в саду?

— Ну, — произнесла я, стараясь защитить их, — ты же веришь, что если будешь втыкать иголки в чучело врага, то сможешь принести ему вред.

Как только мы вернулись в Лондон, он купил пластинку, проиграл несколько раз и решил взять её себе в репертуар.

Час с нами не ездил и я подозреваю, что он добирался до следующего места нашего выступления поездом. Это было более умно, чем наш грузовик, такой ужасно ненадёжный и не раз мы в конце пути выскакивали из него прямо на сцену в наших сценических одеждах, а я в своих модных босоножках, как ни старался Джерри упростить нашу жизнь. Было холодно и у меня всё время мёрзли ноги, но я так и не собралась себе купить подходящую обувь.

Один раз Час поехал с нами, это было в Ньюкасле, мы выступали недалеко от его дома.

— Так мы сэкономим на гостинице, — сказал он, — мы остановимся у моих родителей.

Он привёз нас к узкому, зажатому между другими домами фасаду, в доме даже не оказалось водопровода.

— Парни будут спать здесь, Кати, — предупредил меня он. — Ты с Лоттой наверху, а я с Джими.

Думаю, Лотта вообразила, что я буду к ней ночью приставать, потому что она прыгнула в постель одетой, но впрочем, может быть это просто из–за холода. Час взял с нас слово, что мы никому не расскажем, что он будет спать с Джими Хендриксом.

— О, конечно, никому не расскажем, — пообещали мы хором.

Посетители мужского клуба, где мы играли, были больше увлечены своей жизнью и не стали отвлекаться от своего пива ради того, чтобы послушать каких–то нескольких молодых хиппи. Ничего общего с той внимательной публикой, перед которой обычно Джими играл в Нью–Йорке или в Лондоне, где обычно собирались и друзья–музыканты, и приходили дельцы музыкального бизнеса. Ни один из них не понял, что перед ними вышел на сцену величайший рок–гитарист нового поколения, они даже не побеспокоились повернуть головы в его сторону. Пара

клубов вообще оказались пивными заведениями с ярко освещёнными столиками из огнеупорной пластмассы и стульями, составленными друг на друга вдоль стены. Дым плавал слоями и мужчины, сидящие за столиками с закатанными рукавами, говорили громко, стараясь перекричать друг друга. Многие даже так и не сняли своих фуражек. Джими попросил их не курить во время выступления, некоторое даже услышали его просьбу и притушили свои папиросы. Он вывел усилители на полную, чтобы привлечь к себе их внимание, но привлёк только внимание владельца заведения, который подошёл и вернул ручки громкости в прежнее положение.

Он всегда играл громче, чем это позволяло оборудование и усилители к концу вспыхивали или взрывались. От этого Час с Майком сходили с ума, так как они были вынуждены срочно искать им замену. Думаю, Час или Джерри собирали 20 фунтов за вечер, их едва хватало, чтобы покрыть наши расходы. Для нас было странно, что у Джими уже была успешная сорокопятка, а деньги до нас не доходили. Хватало только на ежедневные расходы, да и жили мы в уютном месте, когда бывали в Лондоне, и ничего более. Но мы были счастливы, перемены ещё только наступят — кто интересуется музыкой, все теперь знают Джими. Уже впереди замаячили слава и известность, но гастрольная жизнь это ежедневная тяжёлая работа и немного лишних денег делало этот ад заметно легче переносимым.

Один раз мы приехали в какой–то город, а в гостинице нас не ждали, забыли заказать номера заранее. В другой раз, это было в Ноттингеме, мы добрались, наконец–то, до одной убогой старой гостиницы, название её было «Чёрный парень», Джими не мог в это поверить.

— Я не останусь в этом месте, которое называется «Чёрный парень», — запротестовал он, но выбора не было.

Ему действительно было не всё равно. Он действительно думал, что это чья–то ошибка.

— Откуда англичане взяли такое название? Попробовали бы они так назвать гостиницу в Штатах!

Если в Лондоне он привлекал к себе только любопытные взгляды, то на Севере его вид вызывал гнев и возмущение. Может быть они и были наслышаны о Карнаби–Стрит и Кингс–Роуд, благодаря передачам мод по телевидению, но сама одежда определённо ещё не достигла их главных улиц. Мужские стрижки были предельно короткие, с выбритыми затылками и висками, а одежда серо–коричневых тонов, какие носили их отцы. Где бы мы ни появлялись, мы слышали приглушённые голоса: «Это что, девка что ли?», но Джими не обращал на это никакого внимания.

До тех пор пока они не стали представлять реальную опасность, ему нравилось их гневить. Были такие, которые считали его голубым из–за его поведения (хотя понятие «голубизна» не было так широко распространено, и заменялось словом «извращение», особенно на окраинах страны), и слова «педик» и «гомик» слышались и тут, и там. Скорее всего, Джими даже не знал, что они значат, а если и знал, то это его совершенно не трогало, ведь в нём сексуальности было больше, чем во всех мужчинах, которых я знала.

Час, со всей своей чувствительностью парня из рабочих районов Севера и выросшего в 50–е, не всегда мог сдержаться. Одним лондонским вечером он взорвался. Досталось двум парням из Глазго доставших нас с Джими в одном пабе в глубине какой–то боковой улицы от Тоттнем–Курт-Роуд,–куда мы зашли выпить по пути в клуб Hundred на Оксфорд–Стрит. Помнится, мы шли встретиться с Брайаном Огером и Джоном Майаллом.

— Эй ты, ты парень и ли девка? — хотели посмеяться они, при этом один из них пнул его пальцем и дёрнул за волосы.

Мы попытались игнорировать их выпады в надежде, что им надоест и они заткнутся, но они продолжали распалять себя. Последнее, что нужно было Джими в его положении, так это драка в пабе, которая неминуемо попала бы в газеты.

— Идём отсюда, — сказал Час, осушив свой стакан, — допивай и уходим.

Мы последовали его примеру и вышли на улицу, но те двое тоже вышли. Мы пошли быстрым шагом, один из них стал нас нагонять, выкрикивая язвительные насмешки, в то время как его приятель немного замешкался. Полагаю, они подумали не упустить такого развлечения, как избить педика.

— Ты, чёртова цыпочка, — кричал он, — почему бы тебе не помочиться сидя? Или ты гомик и не хочешь в этом признаться себе?

— Просто иди вперёд, — сквозь зубы сказал мне Час.

Он резко повернулся и быстрыми шагами направился навстречу крикуну и, подойдя вплотную к нему, произнёс:

— Кончай сам, мужик, или мне придётся тебя усмирить.

Мы не могли устоять, чтобы не обернуться и не посмотреть, что там происходит. Мужик ткнул Часа пальцем — самый глупый поступок пьяного по отношению к бывшему докеру из Ньюкасла шести футов и трёх дюймов роста. Час отошёл на шаг, резко развернулся и ударил его ногой так, что тот кубарем покатился по тротуару. В ярости он продолжал избивать его ногами, в то время как второй поспешил скрыться в пабе. Час бил его, пока тот не затих окончательно.

— Чёрт побери, — бросился бежать Джими по направлению к Оксфорд–Стрит, увлекая меня за собой, — почаще напоминай мне, чтобы я не раздражал Часа.

Весь остаток вечера Джими не мог успокоиться, оглушённый увиденным. Впервые он увидел своего защитника в деле. Такая наглядная демонстрация поддержки и самопожертвования заставила Джими начать прислушиваться к советам Часа, как к никому другому. Он чувствовал, что Час искренне преследует его интересы и их отношения продлились дольше всех.

Если даже лондонскую еду Джими ненавидел, то что говорить о придорожных кафе и дешёвых северных гостиницах. К счастью, ему нравилась рыба с жареной картошкой, и мы везде её заказывали, но он постоянно жаловался на то, что худеет.

— Почему обязательно надо есть жареную картошку с чем–то? — иногда ворчал он.

Еда никогда не была самоцелью для меня, но для Джими она представляла источник сил и пресная английская кухня сводила его с ума. В клубах всегда можно было утолить голод пивом с сандвичем, но поесть после концерта нам удавалось не всегда, к этому времени всё уже было закрыто.

От голода мы понемногу начали курить траву, нас часто угощали, хотя стоила она недорого и мы могли позволить купить её для себя. В гостиницах нас беспокоило, как бы запах не проник под дверь в коридор, хотя я сомневаюсь, что кто–нибудь из служащих понял бы, чем это пахнет. Трава помогала нам расслабиться, «развинтиться», но определённо она не могла приглушить наш голод, напротив, она вызывала в нас страшный аппетит. Я всегда сама делала самокрутки для Джими, потому что его пальцы почему–то в такие моменты переставали его слушаться.

С первого дня наших отношения я поняла, что Джими ужасная кокетка и мне нужен глаз да глаз за ним. Однажды после нашего выступления в Манчестере я вошла в дамскую комнату, даже не заметив, что Джими куда–то исчез. Это был обычный дешёвый клуб с сырыми стенами и дамской комнатой с рядом кабинок, разделённых друг от друга тонкими перегородками и встроенным рукомойником с грязной полкой для мыла и никаких признаков полотенца. Когда я поправляла шпильки перед зеркалом, я услышала шёпот в одной из кабинок. Невольно прислушавшись, я узнала голос Джими. Под дверью были видны их ноги. Я рванула дверь кабинки. Он стоял там с какой–то девицей, полураздетые, очень испуганные и виновато смотрели на меня.

— Какого чёрта ты думаешь, что ты здесь делаешь? —

завизжала я на Джими, вселяя ужас в бедную девушку.

Джими булькал и заикался, лихорадочно ища подходящее объяснение.

— Мы всего лишь болтали, — наконец выдавил он из себя. — Она хотела взять у меня автограф…

Я была в ярости, я кричала и визжала на него, он ненавидел такие минуты. Его раздражало, что его обнаружили в таком неудобном положении и он не знал как выпутаться из него. Я не разговаривала с ним, по крайней мере, следующие 24 часа. Он, должно быть, решил быть впредь более осмотрительным, потому что он больше ни разу не попадался, хотя я знала, что он с радостью раздавал наш номер телефона всем девушкам, с которыми знакомился.

Ближе к концу гастролей я сдалась и осталась дожидаться их в Лондоне, неспособная дольше развеивать его скуку. Тем самым я на время предоставила ему свободу поболтаться с кем ему захочется, но вдали от дома. Любой музыкант расскажет вам похожую историю, насколько утомительно выступать в каком–нибудь убогом месте, возвращаться в гостиницу среди ночи, а с первыми лучами солнца бросаться в другой город, и так изо дня в день, одно и тоже. Поэтому многие музыканты спасаются, обращаясь к выпивке, наркотикам и случайным перепихам, в попытках убить свободное между выступлениями время. Очень скоро я поняла, что не буду больше ездить с ними и предпочитаю тепло дома и общество Энджи.

Джими, однако, казалось был в своей тарелке, не обращая внимания ни на дискомфорт, ни на всё остальное, вызывающее только раздражение. Думаю, это было самое счастливое его время, когда всё только начиналось и он на всё бурно реагировал. Не было ни давления, которое пришло вслед за славой, его ещё не узнавали на улице, не было сопровождающих его повсюду толп льстецов и лизоблюдов, подогревающих его аппетиты в сексе, наркотиках и, в конечном счёте, сведших его с ума.

После нескольких месяцев мы снова переехали. Час всё время твердил нам, что нам следует съехать с Монтегю–Сквер, потому что требованием съёмщиков было — никаких чёрных, и на Ринго сыпались бесконечные жалобы соседей. Думаю, это касалось больше того шума, который мы производили, когда вваливались домой под утро. К тому же я часто забывала ключи дома и однажды, когда Джими был на гастролях, я попросила Джона Энтвистла взобраться на карниз. По нему он добрался до окна, влез в него и открыл мне дверь изнутри — так что я уверена мы будили соседей не один раз. (Хорошо помню, как Джон наделал много шума пока балансировал на карнизе, притворяясь, что

падает и цепляется за страховочный канат.)

Час нашёл всем нам четырёхэтажную квартиру в современном доме на Аппер–Беркли–Стрит, совсем рядом с нами, и помог перенести наш скудный скарб через улицу — в основном одежда, гитары и пластинки. Это была очень уютная квартира. Видимо Часу к этому времени удалось скопить денег. И снова, и это уже похоже вошло в правило, что они с Лоттой заняли лучшие комнаты, а мы с Джими что осталось — в те дни менеджеры считали себя главными в поп–партнёрстве. Мы прожили там год или около того.

Ронни научила меня готовить пару несложных блюд, которые любил Джими, такие как рагу по–шотландски и картошку, которые сделали домашнюю жизнь заметно более мирной. Джими часто оставлял меня одну, уходя на концерт или уезжая на гастроли. И я решила не сидеть в одиночестве, а отправлялась время от времени посмотреть их выступление, не замечая, как сотни часов я проводила слушая их обсуждения планов, споры и джемы. Я приходила со своими друзьями. Иногда приходила к Часу с Лоттой, посидеть перед телевизором, в те дни они готовились к свадьбе.

Джими часто мне говорил, что хотел бы завести собаку. В детстве у него была собака и он вспоминал её с большой нежностью. Приближалось его 25–летие и я решила, не задумываясь о последствиях, купить ему щенка. Мне сказали, что бассет много спит и с ним не так много возни. Мы с Барбарой поехали к одному собаководу, он жил в северной части Лондона, и выбрали одного миленького щеночка с намерением сделать Джими сюрприз.

Джими был в восторге и Этель Флюн стала членом нашей семьи. Он прозвал её «королевой ушей». Все полюбили Этель, несмотря на то, что она оказалась совершенно неподдающейся воспитанию — мы застелили из–за неё пол и теперь нам приходилось всё время следить, чтобы не было открытых мест. Никто не предупредил меня, насколько глупы бассеты и что они не поддаются тренировке, но она весело носилась по квартире с развивающимися следом за ней ушами. Иногда она спотыкалась о свои уши и тогда катилась кубарем. Я выгуливала её в Гайт—Парке, а многочисленные наши друзья забирали её с собой загород. Дома у неё был любимый крутящийся стул, точно такой же, как в телешоу Mastermind, на котором ей нравилось лежать пузом к верху и расслабляться, пока мы вращали стул. Один раз Джими так его раскрутил, что она не удержалась и пролетела через весь ковёр.

Со временем она выросла в огромную собаку, такую

громадную, что я не могла её обхватить. Один наш друг, Тревор Бёртон из группы Move, предложил взять её к себе в загородный дом. Мы обрадовались, понимая, что там ей будет лучше. Покупка щенка была с нашей стороны очень глупым поступком и это оказалось для нас тогда непосильной ответственностью.

Когда Джими уезжал на гастроли, начало проявляться чувство независимости и мне это стало сильно нравиться, я гуляла с другими, но Джими об этом ничего не знал. Мне было всего лишь 20, а мир был наполнен такими интересными и замечательными людьми, о которых мне хотелось знать всё. Я ещё не была готова к семейной жизни, какую хотел он.

Джими был ужасно ревнив и не доверял мне ни в чём — полагаю, наследие тех дней, когда его мать убегала с другими мужчинами — так что я держала рот на замке о том, чем я занималась, когда его не было, это означало и то, что я должна была держать это в секрете и от Часа с Лоттой, поскольку они сразу бы рассказали Джими, если бы догадались о моём плохом поведении. Джими бы очень не понравились мои приключения, тем не менее невинность нашей дружбы продолжалась.

Однажды ужасная ссора разыгралась на ступенях клуба Bag O'Nails, он застал меня, разговаривающей по телефону, и решил, что я треплюсь с каким–то парнем, но спасли меня Джон Леннон и Пол МакКартни и попытались усмирить его. Джими всё ещё пылал от ярости, так что я ушла и села за столик под защиту Леннона и МакКартни.

Я просто болтала с Энджи, но Джими всегда был готов поверить в худшее. Всегда, когда я говорила по телефону с друзьями, независимо от их пола, он становился сумасшедшим. Когда мы сидели с ним в каком–нибудь клубе и я встречала знакомых, я могла пересесть к ним за столик, но Джими это не нравилось, думал наверное, что я останусь с ними навсегда.

В тот вечер Пол много говорил о Джейн Ашер. Она только что уехала в Америку продолжить свою карьеру актрисы и он никак не мог понять, зачем ей нужна была эта работа, ведь он мог совершенно спокойно обеспечить и себя, и её. Я тоже не поняла зачем ей это, ведь можно же не работать, если есть такая возможность, но я была слишком молода и не понимала, как много это значило для Джейн. Ничего значительного не произошло больше в тот вечер, но всё равно я вернулась домой позже обычного. Но когда вернулся Джими, то все черти ада пришли посмотреть на нас: он никак не мог понять, как это я просидела с кем–то весь вечер и отказывался выслушивать мои объяснения.

Хотя от меня он ждал поведения святой, для себя же хотел

полной свободы. Мне нравилось, когда он дома, мне никто не нужен был, с ним я была счастлива. Он же заигрывал со всеми, даже если я была рядом, без разницы, какие планы у них были, я находила это возмутительным. Если же я ему на это указывала, он просто всё отрицал, делал невинные глаза и изображал замешательство, что я могла так про него подумать.

Меня не беспокоило, что он увлекался другими женщинами, поскольку я этого не видела — несмотря на то, что даже до его смерти я обнаружила насколько неразборчив он был. Мне нравилась моя жизнь и как только я видела, как Час заправляет своё грузное тело в машину на заднем дворе и направляется в аэропорт, я бежала к телефону, звонила Энджи или другой моей подруге:

— Они уехали, — ликующе кричала я, — давай прошвырнёмся!

Летом 1968 года имя Джими уже возглавляло афишу фестиваля Woburn Music, состоявшегося в Woburn Abbey. Сумасшествие проводить такое большое событие на открытом воздухе и организаторам ещё многому нужно было научиться. После того как Джими сошёл со сцены, все мы отправились в его вагончик немного выпить. Охранялось всё очень плохо и поклонники прорвали временные заграждения, которые конечно не могли сдержать толпу. Мы узнали об этом, когда они обрушились на стену вагончика, как приливная волна. Налегая на него всё больше и больше, они стали раскачивать его из стороны в сторону, вопя: «Джими, мы любим тебя!»

Внутри мы все курили и, когда вагончик стал раскачиваться особенно сильно, пепельница соскользнула со стола на сиденье из пено–пластмассы. Мы все так перепугались за судьбу Джими, что не заметили, как загорелось сиденье и вагончик начал наполняться дымом. Перед нами встал выбор — задохнуться и сгореть заживо внутри или быть разорванными на кусочки снаружи. Мы предпочли бегство. Наши роуди подогнали машину к двери и, сдерживая поклонников, пропихнули нас внутрь, а сами бросились сражаться с огнём.

В те дни почти не осуществлялась охрана поп–звёзд и нам часто приходилось после выступления самим пробиваться в машине сквозь плотное кольцо поклонников, в то время как они продолжали стучать в окна и крышу машины. Водители медленно оттесняли их вперёд, в душе надеясь, что им не удастся никого задавить. У меня до сих пор стоят перед глазами разбитые о стёкла машины налегающей сзади толпой лица и до сих пор удивляюсь, как никого тогда не убило.

В те дни мы все много курили. Никто не думал, что это

опасно для здоровья. Когда не было денег, мы курили самые дешёвые, но зато, когда они у нас появлялись, мы покупали самые дорогие «кинг–сайз». Джими нравилось курить элегантные ментоловые Сент–Мориц с белым фильтром и золотым ободком — далеко от его имиджа дикаря. С ним всегда была пачка лёгких золотых Данхилл, которую он всюду терял, впрочем как и всё остальное, так что у нас у кого–нибудь для него всегда была одна в запасе. Я тоже курила, но никогда не попадала в зависимость, так что могла бросить, а потом начать снова, когда захочу.

В одни из американских гастролей я поехала тоже и договорилась встретиться с ним в Нью–Йорке. Терпеть не могу сидеть круглые сутки в гостинице, как иждивенец. Всё вокруг казалось таким назойливым, таким противным. Мне было так неуютно вдали от дома, среди незнакомых лиц.

К счастью я позвонила одному из Traffic, кого хорошо знала, и Дейв сказал мне что завтра они возвращаются в Лондон. Я сказала, что хочу лететь с ними. Джими от этого известия пришёл в полное расстройство. Мы приехали в аэропорт и тут Дейв обнаружил, что забыл паспорт в гостинице, пришлось вернуться на Манхэттен со всем нашим багажом и инструментами, оставшимися в машине. Чтобы как–то убить время до следующего самолёта, мы все отправились в клуб Scene, но когда мы были внутри, кто–то разбил стекло и украл наши вещи из машины, включая военную куртку Джими. Было холодно, мне было нечего одеть и все, кто был в клубе, сбросились, чтобы купить мне пальто. После этого эпизода я с трудом дождалась возвращения домой и встречи с Энджи.

То, что у нас была большая квартира в лондонском Вест–Энде, было удачей для меня, особенно когда я оставалась одна. В те дни, когда Час с Лоттой надолго уезжали вместе с Джими, я могла после клуба пригласить к себе кого–нибудь, кто мне особенно понравился, послушать пластинки, поговорить, покурить травки. Иногда всё завершалось постелью. Но всё это никак не отражалось на Джими. Он ничего не знал, для него было главное то, что я дома и терпеливо жду его возвращения. Однажды, когда у меня в гостях был Пол МакКартни, позвонил Джими и спросил, чем я занимаюсь, я сказала, что читаю книгу и собираюсь лечь спать. Я боялась, что Пол чем–нибудь себя обнаружит и раскроет наши карты.

После того как я познакомила Брайана Джонса с Джими, они стали большими друзьями и Брайан стал часто к нам заходить. Когда Джими уезжал он первым мне звонил. Иногда его эксцентричные просьбы приводили меня в замешательство.

— Кати, ты должна мне помочь, — еле слышно прошептал он

в телефонную трубку однажды ночью.

— Что случилось, Брайан?

— Я познакомился с девушкой, она здесь, но она не собирается уходить, — сказал он. — Приди и помоги мне.

— Что?

— Прямо сейчас. Я оплачу такси.

В то время он жил в квартире с видом на Кингс–Роуд. Когда я вошла, там была девушка и по её виду можно было сказать, что она собирается остаться здесь жить. Брайан тут же обнял меня и стал тискать, как если бы покинувшая его любимая вернулась через много лет.

— Что ты делаешь, Брайан? — хотела я знать, отталкивая его и смеясь.

— Просто иди со мной и всё, — прошипел он.

Я позволила ему усадить меня к себе на колени и шептать всякую милую чепуху, пока в конце концов, бедная сконфуженная девушка не чиркнула что–то на листке бумаги и не ушла. Мы смотрели в окно, как она остановила полицейского на Кингс—Роуд и что–то ему говорила. Паранойя Брайана взяла своё.

— Она сообщает ему о наркотиках, — истерически захохотал он, — она рассказывает ему обо всём.

— В таком случае нам нужно прибраться.

Мы провели следующие несколько минут, обшаривая всю квартиру и смывая всё в туалет. Но полицейский так никогда и не пришёл. Я ушла когда рассвело, Брайан должно быть решил, что всё в порядке и принялся за прежнее. Полиция всё же нагрянула, но позднее, и Брайан попал на первые страницы всех газет.

От таких ситуаций мы все бывали в ужасе. В те дни хранение наркотиков было серьёзным преступлением — за крошечные количества сажали в тюрьму и кончалась карьера человека. Брайан во всём винил бедную девушку, которую подцепил в магазине, но я часто её встречала с тех пор и я уверена, что это чистейшее совпадение. Более правдоподобно, что за ним уже давно следили и взяли с новой партией.

В это время у нас ещё был один близкий друг, это Джорджи Фейм. Он делил внутренний флигель с Мич Мичеллом. Однажды поздно вечером я была у него, мы уже залезли в постель, когда раздался стук во входную дверь внизу. Джорджи запаниковал, когда выглянул из–за занавески и заметил Нико Лондондерри, с которой у него была секретная связь. Он бросился вниз по лестнице задержать её, пока я, затаив дыхание, оставалась наверху, мне казалось, что прошла вечность. Но вот, наконец, я услышала, как закрылась входная дверь и Джорджи вернулся весь бледный. В конце концов они поженились, о чём я прочла среди

кричащих заголовков газет, и много позже трагически окончилась жизнь Нико прыжком с висячего моста Бристоль.

Я всегда боялась разоблачения, так как чувствовала, что Час только ждал повода, чтобы убедить Джими выгнать меня прочь и найти для него не такую независимую особу.

Как только Джими приезжал домой, моя тайная жизнь прекращалась на несколько недель, потому что этого срока было достаточно перед следующими гастролями, и начиналась для нас обоих тихая домашняя жизнь. Я была счастлива в эти короткие перерывы, за которые он успевал перезарядить свои батареи и быть готовым снова бросаться в свою общественную жизнь.

В музыкальной среде каждый начинал когда–то курить траву, теперь они стали более удачливыми, мы же страшно боялись облав. Это была какая–то сплошная паранойя. Все ею страдали, все кроме Лотты, которая никогда не притрагивалась ни к чему подобному. Джими всегда нервничал, где бы он ни был, боялся забыть в каком–нибудь из карманов, где бы с лёгкостью обнаружили это полицейские. Бывало я находила за диваном большой пакет травы, о котором он, конечно, напрочь забыл, и таких было много.

В 1967 году кислота только проникала в Лондон, больше было разговоров о ней, слышимых от таких людей, как Джими и Брайан. О том, как раздвигается пространство, о новых взглядах на смысл жизни. О том, что появляется смысл в бессодержательной психоделической музыке и как прочитать закодированные в ней послания. Я слушала их фантазии и удивлялась тому, о чём они говорят, стоя на земле или сидя в кресле. От этих разговоров у меня разболевалась голова, но однажды мне дали попробовать, что сделало меня больной и потерявшей над собой контроль.

Чем дальше он углублялся в наркотики (а мне приходилось сидеть и слушать интервью, которые брали у Джими), тем нелепее становился поток навеянной кислотой чуши, которую журналисты впитывали, как если бы это было божественным откровением. Как и у большинства путешествующих у него были видения и, естественно, он хотел воплотить их в музыку. Он старался объяснять их, но его не понимали, потому что нет слов в человеческой речи, описывающих их. Это разочаровывало его и он ещё глубже погружался в кислотный мир в попытке приблизиться к оживлению этих видений, но только опускался дальше на дно. В 1983 слышится странный напряжённый гул, что–то из тех звуков, которые вас окружают в путешествии. Он также много говорил о другой стороне, о смерти, которую люди называют самоубийством, но на самом деле являющейся только

другим состоянием разума.

Мы сидели на кровати, он читал мне стихи, которые написал для 1983.

— Так моя любовь Катерина и я решили отправиться в последнюю прогулку сквозь шумы моря, нет, не умереть, но переродиться вдали от этих земель, таких сплющенных, в клочья порванных, навсегда… Что ты думаешь об этом? — спросил он когда кончил читать.

— Я не хочу туда, — ответила я, заставив его рассмеяться, — можешь отправляться на дно морское сам, если хочешь.

Когда я впервые нашла его LSD, это была маленькая коричневая склянка, стоящая в холодильнике у нас на Аппер–Беркли–Стрит. Он был опять где–то и я не знала, что это. Запаха не было и я решила вылить содержимое в раковину, но Барбара, подруга, с которой я познакомилась в одном из клубов, заметив, что я делаю, остановила меня и сказала, что прежде мы должны попробовать её содержимое. Мы полили им кусочек сахара и съели. Только я проглотила примерно четверть, как кто–то завладел всем, ненавижу, когда реальность ускользает от меня. Мне нравится, когда я чувствую и знаю, что со мной происходит.

Но это не сравнить с тем, что произошло однажды в Speakeasy. Джими пошёл на сцену, оставив свой Скоч и Коку на столике. Ничего не подозревая, я пропустила стаканчик Джими. Вдруг мне показалось, что я увидела, как музыка носится по залу и становится всё громче и громче, ещё чуть–чуть и лопнут барабанные перепонки. Лица людей вокруг меня пришли в движение и ужасно исказились, на меня напал страх, я стала с усилием дышать. (Сколько себя помню, всегда страдала от астмы — помню, как однажды, мы с Брайаном вырывали друг у друга из рук ингалятор.) К тому времени, когда вернулся к столику Эрик Бёрдон, я уже сползла под стол. Он признался, что подсыпал LSD в стакан Джими, так, ради смеха. Я поднялась и пошатываясь шаг за шагом двинулась к выходу, следом шла всё понимающая Энджи и следила, чтобы на меня не упал потолок.

Кто–то вызвал скорую и меня отвезли в больницу Св.Георга, недалеко от Гайд–Парк–Корнера, где я увидела саблезубых львов и тигров соскакивающих со стен. Всюду куда бы я не повернулась, видела их, направляющихся прямо ко мне. Сёстры повесили на кровать боковинки и, прячась за ними всю ночь от оживших с потолка и стен вампиров, пытающихся сдержать моё дыхание, я тихо страдала от завладевшей моим сознанием паранойи. На следующий день полиция была у моей постели и они стали допытываться, кто так «меня зарядил», но не смогли от меня ничего добиться и продвинуться в своём расследовании. После

этого случая Джими взял меня под свою защиту и стал следить, чтобы никто не дал мне чего–нибудь лишнего.

В основном это коснулось только безвредных весёлых поездок, таких, какие совершили мы однажды с Джоном Ленноном, удрав из Bag O'Nails. Мы решили покататься по улицам на его Роллсе, курили травку, хихикали. Всё шло хорошо, но меня шокировало то, что он вдруг остановил шофёра и, добежав до телефонной будки, пописал в ней. Под каким наркотиком он был, не знаю, но это было отвратительно и он упал в моих глазах как человек.

На другой вечеринке, на квартире какой–то девицы в Южном Кенсингтоне, Терри по прозвищу «Пилюля», роуди Animals и большой друг Эрика, заснул с открытым ртом. Мы с Ленноном, как пара грязных школьников, капнули LSD ему прямо в горло из пипетки. И стали с нетерпеньем ждать, когда же Терри проснётся и отправится в путешествие по потолку, но похоже, что он накачался чем–то более сильным. И когда, наконец, он зашевелился и встал, он не проявил никаких признаков действия LSD. Его организм, видимо, был настолько напичкан наркотиками, что наш вклад прошёл незамеченным, как укус блохи дикому слону.

Леннон часто заходил к нам, особенно когда Джими не было, обкуренный и заваливался спать. Однажды он несколько часов подряд ползал перед диваном, ни с кем не разговаривал и что–то там искал полностью во власти паранойи и напуганный странным местом, в котором оказался. С Джоном можно было и посмеяться, и выпить, но он всегда был слишком эгоистичен, чтобы действительно понравиться.

Героем Джими был Боб Дилан. Думаю, в Нью–Йорке они раз встретились, но были оба так обкурены, что только могли улыбаться друг другу. Когда он привёз из Америки его новый альбом John Wesley Harding, мы его не снимали с проигрывателя. Особенно Джими нравился номер, начинающийся словами: «Я спал и во сне увидел Святого Августина, такого же живого, как ты и я», сначала он хотел сам спеть её, но почувствовал, что это слишком личное для Дилана, для того, чтобы кто–нибудь её спел. Поэтому он решил сделать для себя All Along the Watchtower, но ужасно боялся, что Дилан засмеёт его и будет критиковать.

— Просто делай, — успокаивала я его, — у тебя получится, и ни о чём не думай.

Собрав музыкантов, пришли и Дейв Мейсон, и Брайан Джонс, ставшие одними из самых знаменитых звёзд, мы все толпой отправились на студию в Барниз. Как только туда добрались и стали играть, Джими понял, что захватил с собой не ту гитару и

послал меня на такси за другой. Когда он окончательно углубился в музыку, цветок стал распускаться в его руках, и даже Дилан, прослушав окончательный вариант, сказал, что именно Джими её автор.

Когда Джими бывал в Лондоне, он часто записывал студию на себя и мы ехали туда с музыкантами, которых могли добудиться. Скрутив самокрутку, я ложилась на длинный кожаный диван за микшерским пультом и проваливалась в сон. Они джемовали вместе пока у них получалось. Временами Мич и Ноэл были там, если конечно, Джими удавалось их вызвать, но чаще он с не меньшим успехом играл с кем–нибудь другим. Я же, слившись с диваном, просто сидела там, пока они часами играли какую–то мешанину.

Мы почти всё время пропадали в Барниз в студии Olympic. Я договаривалась о времени, звонила звукоинженерам, одного из которых звали Эдди Кремер, просила предоставить нам столько времени, сколько возможно. Со многими можно было договориться, но только не с Эдди, он нас недолюбливал, он вечно нас торопил, ссылаясь на то, что ему уже пора домой, и он очень возмущался, когда мы курили траву в студии. Он всегда считал, что нас слишком много и говорил, что студия не место для вечеринок. Часто бывало так, что Джими оставался в студии один и занимался наложениями. Студийное время было дорогое — 30 фунтов в час. Мы обычно оставались там часа на три или около того, потом я выписывала чек, Джими оставалось только подписать его.

У меня не было собственного счёта в банке, но мне он и не нужен был, везде расплачивались тогда наличными или записывали в долг. У нас был кредит в Speakeasy, так что мы ели и пили там когда и сколько угодно, а счёт отсылался в контору. Тоже происходило и с телефоном, и с оплатой за квартиру. У Джими были деньги, только тогда, когда ему приходилось расплачиваться наличными. Однажды он послал меня в банк Св.Мартина на Эдгвер—Роуд снять 3 тысячи фунтов (по сегодняшним (на 1997 год) деньгам это что–то около 60 тысяч). Менеджер банка разволновался, что такую сумму придётся нести по улице несколько кварталов такой хрупкой девушке и послал со мной охрану, которая проводила меня домой.

Какое счастье забыть о деньгах, и заниматься только тем, чем хотелось. Изредка, когда мне требовались наличные, мне достаточно было только позвонить в контору. Они связывались с Джими и, получив его подтверждение, выдавали мне необходимую сумму. Если же его никак было не найти, я шла к Гарольду Дэвидсону, импресарио Джими, и его люди снабжали

меня деньгами.

Для Часа было удобно, что мы жили на Аппер–Беркли–Роуд, частью из–за того, что мы почти перестали ссориться, частью из–за того, что не нужно теперь так экономить и всё стало много доступнее. К тому же, Часа с Джими часто не было дома. Мы купили стерео, более лучшую модель, и Час стал постоянно колотить в дверь нашей спальни, чтобы мы сделали музыку потише, но во всём остальном мы жили очень дружно.

Час начал подозревать, что я совершенно не приспособлена к тихой домашней жизни какую он хотел бы видеть, приезжая с гастролей. До него доходили кое–какие слухи и его стало очень беспокоить, что, оставаясь предоставленной самой себе, я устраивала в квартире бедлам.

— Я уступил нашу комнату Тони Гарланду и Мэдлин Белл, пока мы будем в Штатах, — предупредил он меня, отправляясь с Джими на трёх–месячные гастроли по Америке.

— О, как это здорово, — произнесла я, стараясь, чтобы это прозвучало наиболее беззаботно, и скрыло весь мой ужас перед такой перспективой. Тони Гарланд являлся одним из менеджеров Джими, ответственным за пиар, а Мэдлин уже была известной певицей. Я не была с ними знакома, но была уверена, что Час их попросил приглядывать за мной с тем, чтобы быть спокойным, что я веду себя примерно. Всё выглядело так, как если бы птичке подрезали крылья.

Когда Тони и Мэдлин приехали, моя подруга Барабара уже была там и знакомство прошло довольно прохладно. Я не хотела начинать с ссоры и постепенно, день за днём Мэдлин, оказавшаяся такой приветливой, сблизилась со мной. А в конце мы уже вместе сходили с ума.

Не прошло и нескольких недель, в течение которых мы приглядывались друг к другу, как Мэдлин стала моей лучшей подругой. Она отлично готовила и мы ели лучше, как никогда. Наша квартира превратилась в постоянное место обитания большинства музыкантов, таких ребят, как из Procol Harum и Move, приходил народ и из нашей прежней команды, Брайан Джонс, Кит Мун. Однажды двое музыкантов остались у нас на ночь и отправились наверх немного поспать, перед тем как вылететь в Брест на концерт. Он уехали в три утра, чтобы успеть на самолёт. После того как мы их проводили, мы с Барбарой решили их разыграть и встретить их во Франции. Мы сорвались в аэропорт, сели на самолёт, прилетели в Брест и стали мирно дожидаться их у выхода. Не только мои крылья не были подрезаны, я летала дальше, выше и быстрее как никогда.

Когда пришло время Тони и Мэдлин уезжать, было пролито

море слёз и грустных минут расставания. Мы не знали точно, когда Час с Джими намеревались вернуться, поэтому они возвратились в своё прежнее жильё и Тони попросил меня сообщить ему, как только они появятся.

В шесть утра раздался звонок. Мы с Барбарой только что легли. После короткой борьбы с постелью — мы легли всего час или два назад — я подняла трубку. Звонила Мэдлин.

— Я только что узнала, — сказала она, — они летят домой, будут через 4 часа.

Мэд спросила надо ли помочь прибраться. Я сказала, что справимся сами — пустые бутылки, полные пепельницы, пакет заплесневевшей жареной картошки — чтобы не готовить самим, мы обычно всё покупали в Уимпи.

За полчаса она, Барбара и я накрутили по квартире около сотни миль, пылесося, чистя, подметая, собирая в мешок пустые бутылки, и даже помыли стены и окна. За несколько минут до их прихода Мэдлин улетела домой, Барбара исчезла, а я прыгнула обратно в постель, сладко потягиваясь и делая вид, что только что проснулась. Я услышала, как открывается входная дверь и голоса послышались совсем рядом с дверью в спальню.

Голос Часа звучал удивлённо.

— Здесь даже чище и уютнее, чем когда мы уезжали. Видно Тони и Мэдлин хорошо за ней присмотрели.

Я не знала, что произошло за эти несколько месяцев, я не знала, что он стал одной из самых величайших звёзд, я не знала, что с Джими стало ещё труднее договариваться, что он отметал все точки зрения и не принимал советы ни от кого.

Я не знала, что после окончания американских гастролей Час прилетел домой один. Я была в постели, когда он вернулся.

— Кати, — спокойным голосам произнёс он, в глазах же сверкали молнии, — собирай вещи. Вы с Джими здесь больше не останетесь.

Глава 7.

— Мои отношения с Джими подошли к концу, — сказал мне Час с раздражением. — Я больше не его менеджер. Вам бы найти своё жильё.

— Нам некуда идти, — запротестовала я.

— Это не моё дело, — грубо отрезал он, было видно, что делать для нас он ничего больше не собирается.

Не зная с чего начать, я отправилась в ближайшее агентство, и сказала, что хотела бы снять квартиру в Центре.

— Вы хотите её снять для себя? — уточнил агент.

— Да, для меня и моего друга, Джими Хендрикса.

— О, мой Бог, — он схватился за голову. — Если вы ищите что–нибудь в районе Mayfair, вам будет трудно что–либо подыскать. И совершенно не значит, сколь большой суммой вы располагаете, как только жители узнают, они будут против того, чтобы поп–звезда поселился в их квартале. Им не нужны проблемы, которые возникнут с вашим появлением. Они сразу же вообразят себе громкую музыку, наркотики и бесконечные толпы девушек с альбомами для автографов. Я, конечно, постараюсь найти что–нибудь для вас, но не обещаю, что это будет шикарным.

Мы отправились посмотреть несколько адресов, все они были слишком дороги, к тому же, он оказался совершенно прав: никто не хотел стать нашими соседями. Джими уже был звездой и все его хорошо знали. Его пламенный имидж был слишком громок — никто и слышать не хотел, что дома он тихий и милый человек. Ещё одна проблема заключалась в том, что я совершенно не представляла себе, какой суммой могла располагать. Я только понимала, что до его возвращения я должна была что–нибудь найти. Я вернулась к Часу и рассказала ему о своих неудачных попытках.

— Хорошо, но вам пора съехать, — сказал он. У него возник план, и он оказался последней соломинкой. — И забрать все вещи Джими. Я уже снял вам номер в отеле на время, пока не найдёте себе подходящую квартиру. Это Парк–отель в Эрлс–Курт.

Графское Подворье, которое показалось мне центром мира, когда я впервые приехала из Дерби, ассоциировалось теперь в моём сознании с дальним захолустьем. Я же практически выросла в центре, но я видела, насколько серьёзен был Час, и, в конечном счёте, это же он предоставил мне крышу над головой на время моих поисков. Я не представляла, что мне делать со всеми нашими вещами, которые накопились за время нашей совместной

жизни на Аппер–Беркли–Стрит, вся наша одежда, пластинки. Он по–прежнему путешествовал с одной простой сумкой и гитарой, и это не обсуждалось. Для жизни, нам много не требовалось, но я не представляла, как это всё могло уместиться в гостиничном номере. Тогда я позвонила своей подруге, Кэрол, которая жила с Грэмом Эджем и рассказала ей о моей участи.

Кэрол рассказала Грэму и его приятелю Джастину Хейворду о нашем плачевном положении, они тут же предложили свою квартиру для наших вещей, которая не многим больше, чем пара знаменитых лежаков в римских банях. Они прислали своих роуди, помочь запаковать наш хлам и перевезти к ним.

Я отправилась посмотреть наш номер в Парк–отеле, там всё приводило в ужас. Похоже, Час решил поиздеваться над нами. По сравнению с тем, что я там увидела, Гайд–Парк Тауэрс был замком в Савойе. Туалет был на другом этаже. Комната казалась просторной из–за того, что две железные кровати были очень узки, картину дополняли старые в пятнах занавески и линолеум на полу. Телефона, конечно не было. Внизу, в холле я заметила будку. Я пулей выскочила оттуда на свежий воздух и позвонила Кэрол и в красках описала увиденное.

— Тебе нельзя там оставаться, — услышала я в ответ. — Приезжай сейчас же, поживёшь пока у нас. Будешь спать на диване.

Я была тронута до глубины души.

Каждый день мы в четыре глаза штудировали газеты с объявлениями о сдаче квартир. Прошло несколько дней, пока, наконец, Кэрол не попалось на глаза объявление, что сдаётся квартира на Брук–Стрит, недалеко от угла Бонд–Стрит и Клериджа. Кэрол тут же позвонила и договорились о времени, когда можно будет посмотреть квартиру.

Мы встретились, парня звали Тони Кэй, внизу у него был модный ресторан с броским названием «Мистер Любовь». Это был старый отремонтированный дом эпохи короля Георга, над рестораном было два этажа, где располагались какие–то конторы, квартира была на самом верху, куда вела узкая лестница. Требовалось только кое–что подкрасить и докупить мебели, очень уютная, не то что предыдущие наши две квартиры, а ещё современная кухня и ванная комната вся в розовых тонах.

— Должна предупредить вас, — сказала я Тони, — здесь будет жить Джими Хендрикс, он гитарист.

— Мне всё равно кто, — успокоил меня он, — платите — живите.

— Хорошо, — сказала я, — это нам подходит.

Плата была высокой. 30 фунтов в неделю, в 1968 году это

были большие деньги, но это было именно то, что я искала, к тому же, я уже могла не беспокоиться о цене. Час и Джими давно уже сделали так, чтобы я не нуждалась в деньгах. И, так как мне нужно было всё равно где–то жить, я решила, что лучшего места мне не найти.

Мы долго веселились, когда нечаянно выяснили, что сам Георг Фридрих Гендель жил в этом доме — на фасаде висела мемориальная доска, но мы её не замечали, так как пользовались соседней дверью. Впрочем, ничего удивительного в том, что у Хендрикса, одного из величайших музыкантов своего времени, могли быть схожие с ним вкусы. Но было ещё одно общее в их судьбах помимо того, что они оба музыканты. Оба вынуждены были покинуть свою родину и приехать в Англию, где нашли признание и завоевали мировую славу своим трудом.

Теперь, когда, наконец, у меня была крыша над головой, оставалось только достать мебель. Там не было даже кровати. Одинокий ковёр и занавески на окнах и что–то из посуды — вот и вся моя обстановка в первое время. Я никогда прежде ничего не покупала из мебели и совершенно не представляла с чего начать. И так как мы с Джими вроде как считали себя семейной парой, то к возвращению его из Америки, в июле, я сняла номер на пару дней в отеле Лондондерри на Парк–Лейн, и мы с ним отправились за покупками. После того как выбрали кровать, помимо всего остального купили шторы из бирюзового бархата и огненно красный ковёр — такой цвет редко тогда можно было встретить. Джими нравилось подбирать цвета и материю и он долго обсуждал что–то с продавцами. Многие покупатели останавливались и с изумлением его разглядывали, видно было, что они никак не ожидали встретить здесь Джими Хендрикса, с жаром обсуждающего расцветку и качество материи в отделе занавесей и штор у Джона Льюиса. Джими оставил меня с тысячью фунтами, чтобы я прикупила всё в том же духе, и вернулся в Штаты продолжить гастроли.

— Что случилось с Часом? — хотела я знать. — Вы что, поругались? Почему он выкинул нас?

На эту тему со мной не разговаривали. Я перебирала все возможные объяснения и не нашла ничего лучшего, как подумать, что во всём виновата кислота, аргументы в пользу желания самому продюсировать или осуществлять какие–то свои собственные музыкальные проекты отпали сами собой.

Сколько помню, он всё время был чем–то не доволен. Если бы Час не давил бы на него всё время, он бы никогда не записал ни одной пластинки, то же самое с его поклонниками, он никогда не играл то, что они хотели от него услышать. Для него было бы

идеальным стоять на сцене перед огромной толпой и играть с кем–нибудь джем, как он это всегда делал, играя в клубах среди друзей. Даже простую просьбу он воспринимал как ущемление своей свободы. Сколько раз было, как он клялся, стоя на сцене перед толпой поклонников, что если он услышит, как они выкрикивают Purple Haze, или Hey Joe, или Wild Thing, он или повернётся к ним спиной или уйдёт играть за кулисы.

Позже Час рассказал мне, сколько сил нужно было, чтобы заставить Джими что–нибудь сделать, когда они находились в Америке. Например, Час ему говорит, что нужно отправиться на студию и, что там нас сейчас ждут. Джими пожимает плечами и говорит: «Да, да, хорошо, я тоже так думаю». И исчезает на несколько дней, не сказав никому ни слова, и не доведя до конца запись. Или приводит каких–то людей и говорит, что это его новый менеджер или продюсер, или что они примут участие в записи его нового альбома, не обращая внимания на протесты его действительного менеджера. И тут же клянётся, что никогда больше не приведёт с улицы кого попало. У него была манера говорить людям то, что они хотят от него услышать. Если кто–нибудь при нём скажет, что тому нравится джаз, он тут же начинает строить джазовые проекты. Если упомянуть о блюзе, говорит, что нужно двигаться в этом направлении.

Он не мог никому отказать, когда к нему обращались с простыми просьбами. Он всё время приводил кого–то домой, возможно потому, что ему было лестно их внимание, но они тут же с воплями и руганью вылетали, если ему вдруг, что–то в них не нравилось.

Со стороны Джими это было большой ошибкой, так как Час был полностью на его стороне. Он стал первым, кто так много сделал, чтобы раскрылся талант Джими. Он сдержал своё обещание сделать из Джими звезду, не бросил его, когда Джими вызвали в суд, как делали это многие менеджеры со своими протеже. Но может быть, проблема была в самом Часе, в его заторможенности и болтливости. Его самый большой просчёт, с моей точки зрения, в том, что он потакал Джими, когда видел, что кругом ему льстили, лицемерили и вызывали в нём чувство вины толпы нахлебников. Это и привело к тому, что Джими утвердился в мысли, что нельзя полагаться ни на чьё мнение, когда касалось его музыки.

Из–за проблем, возникающих на каждом шагу при деловых взаимоотношениях с Джими, у Часа стало быстро ухудшаться здоровье, что привело к скорому его облысению — волосы выпадали целыми прядями. Джими мог полностью разругаться с кем–нибудь, но потом, месяцы спустя, тот снова попадал под его

обаяние и прощал Джими всё. Но, к тому времени, когда Джими собрался поговорить с Часом — было уже поздно: невидимые нити, связывающие их, были порваны, и Час, с присущей ему осторожностью, отклонил все просьбы Джими.

Энджи, в своё время, сделала то, на что я не смогла сама решиться, она вышла замуж за Эрика Бёрдона. Я прочла в автобиографии, которую написал Эрик, что его сильно зацепило то, что она была индианкой: в юности он сам себе поклялся, что «влюбится по очереди в каждую из представительниц разных этнических групп». Он влюбился в неё с первого взгляда, когда увидел её сидящую на ступенях какой–то вечеринки в футболке с огромным вырезом, через который была видна её грудь. Единственным чем недовольна была Энджи, это то, что сразу после свадьбы пришлось ехать вместе со всей группой в их фургоне, среди не только своих вещей, увязанных в тюки, но и среди всех этих усилителей, колонок и прочего сценического оборудования. Их дружба длилась около двух лет, брак не продержался и шести месяцев.

То, что они разошлись, мне это тогда оказалось очень кстати, она была моей единственной подругой и мне её очень не хватало. Мне очень нравилось её общество, мы понимали друг друга с полуслова. Мы снова стали ходить всюду вместе и взялись за старое, ведь она — непревзойдённый мастер устраивать всякие розыгрыши. Однажды она где–то услышала, что в турецких банях, расположенных в подвалах отеля Dorchester, делают полный турецкий массаж, она настояла на том, чтобы мы срочно отправились туда узнать, возбуждаются ли сами массажистки, когда делают массаж, особенно верхней части ног. Они оказались настоящими профессионалками, особенно я поняла это, когда они столкнули нас в бассейн с холодной водой, в тот самый момент, когда я чуть не кончила, и нам пришлось учиться нырять среди плавающих льдин. За всю жизнь никто не делал мне такого массажа, как те женщины. Сначала испытываешь нестерпимую боль, но потом — сказочное ощущение во всём теле. На некоторое время мы стали постоянными посетительницами.

Завтракали мы в «Индийском чае», а обедали в «Карри–клубе» на Набережной, районе, где жило в основном англо–индийское население, и поглощали блюда, приправленные карри. Я никак не могла понять, что говорят эти люди, пока Энджи не научила меня пропускать звук «п» перед каждым словом.

В те дни встретить в Лондоне настоящие карри–блюда было почти невозможно, и Энджи вместе с Мэвис научили меня как самой их готовить. Если у вас мало времени, то приготовьте завтрак в стиле Энджи — сварите яйца, мелко их порежьте и

перемешайте с молотым карри, она называла это блюдо ‘curry in a hurry’ (карри впопыхах). Она подсадила меня на эту приправу задолго до того, как индийская пища вошла в моду. Ещё она делала бутерброды из баклажан или креветок, поливая их рассолом прямо из банки.

Энджи помогла мне обустроить нашу квартиру, пока Джими был в Америке. В комиссионке мы купили софу и стол. Мы были похожи на детей, играющих в семью. Было очень весело. Пол был с большим уклоном, из–за которого подоконник с одной стороны оказался выше на два с половиной дюйма, но, поставив туда мягкие кресла, это стало совершенно незаметно, тем более, что за них было удобно заправлять шторы. Стена дома покривилась и была стянута огромной железной скобой. Это придавало всему своеобразный характер, но мы намучились, измеряя стены. У Джими был огромный викторианский платок. Мы соорудили из него над кроватью что–то вроде балдахина, а цветастый тонкий персидский ковёр, который обычно вешают на стену, использовали, как покрывало. Мы с Джими купили чёрные, красные и оранжевые простыни их хлопчатобумажной ткани (я слышала как его поклонники, называли их сатиновыми, но это не так), которые садились после каждой стирки. Джими, когда бывал дома, всегда сам стелил постель и следил, чтобы бельё было чистым.

К возвращению Джими в январе 1969 года всё было уже готово. Я наняла лимузин — в этом я была непревзойдённым мастером — и отправилась встречать его в аэропорту Хитроу. Всё как всегда, Джими появился в толпе с другими пассажирами, гитара в одной руке, сумка — в другой, основным его багажом занимались другие. Автомобиль ждал нас снаружи, чтобы подобрать нас, когда мы выйдем на свет божий.

Восхищениям его не было конца.

— Это первый в моей жизни собственный дом, — воскликнул он.

Я знала, что он почувствовал. Целых два с половиной месяца мы отмечали наше новоселье, настоящее убежище, где Джими мог спрятаться от колеса Судьбы с её навязчивой славой. Дом стоял в самом центре Лондона, но никто не догадывался, Что в нём жил Джими. Мы были предоставлены самим себе и, как другие молодые пары, смотрели по телевизору популярный сериал «Улица Коронаций» (Coronation Street) (Джими был горячим поклонником Ena Sharpies) и попивали чай с молоком, вместо виски с колой. В таких квартирах обычно был звонок с улицы, но он не работал, поэтому без предупреждения к нам никто не мог прийти. Я понимала, насколько хрупким было наше спокойствие.

И если, вдруг, с десяток человек решат постучаться к нам в дверь, Джими впустит их всех, неважно друзья это будут или же первые встречные. Я всё время проверяла, закрыта ли дверь в парадную, когда он играл на своей гитаре или сидел в наушниках, что гарантировало нас от внезапных посетителей. А шум, доносящийся с улицы, нас не беспокоил.

Соседей у нас не было. Джими мог спокойно ставить какую угодно громкость и наслаждаться музыкой. Я постоянно находила записки под входной дверью, что они звонили нам, но так и не дозвонились. Я старалась поскорее спрятать их в своём кармане, пока Джими их не заметил. Я старалась оградить наше счастье настолько долго, насколько мне хватало сил.

Во время гастролей Джими приходила Энджи и часто оставалась ночевать. Однажды нас разбудил стук в дверь.

— Мисс Этчингем! — голос звучал совсем близко. — Мисс Этчингем, вы дома, с вами всё в порядке?

Я с трудом выбралась из постели, это были кто–то из служащих ресторана.

— Что случилось? — спросила я.

— Мы нашли ваш паспорт, он валялся, здесь, на ступеньках, — сказали они с тревогой в голосе. — Мы подумали, что у вас были грабители и вас убили.

— Мой паспорт? — передо мной пронёсся вихрь ситуаций.

— Энджи, — крикнула я, — вставай! Здесь, что–то, чего я никак не могу понять.

Туман сомнений рассеялся, когда мы поняли, что нас ограбили. Пока мы спали, двое грабителей, вскрыв дверь, ходили по нашему дому, открывали и закрывали ящики комода, обшарили буфет, рылись в моём бюро, нашли мои очки и паспорт. Забрали стерео и персидские коврики, забрали даже карандаши, которые валялись обычно повсюду. Они ходили буквально в дюйме от нас, а мы ничего не услышали. Когда я представила, как они, нагруженные нашим добром, спускаются по лестнице, и подумала, что неужели они не заметили, как выронили мой паспорт на ступеньках, я пришла в ужас. Мне на самом деле стало страшно.

Мы тут же позвонили в полицию, и нам сказали, что нам крупно повезло, что мы не проснулись. Что нам никогда не вернут наши вещи и чтобы мы вставили новые замки на обе двери.

В это время я часто перезванивалась со своей сводной сестрой, Джин. Она неожиданно овдовела и попросила у нас помощи, так как похороны стоили очень дорого. Она нашла наш номер через моего брата Джона, который к тому времени жил уже

в Новой Зеландии. Джими сказал, чтобы я незамедлительно выслала ей денег. Он всегда был очень щедр. Деньги мало для него значили. И это был именно тот случай, когда они особенно кому–то нужны.

По голосу Джин было ясно, в каком она сейчас состоянии, ведь смерть мужа была для неё совершенно неожиданна, тем более что дети были ещё совсем маленькими. Поэтому я решила написать Лил впервые за шесть–то лет. Нельзя сказать, что я сознательно игнорировала их все эти года, и я решила исправить положение.

Когда я первый раз убежала из дома в Лондон, я решила порвать навсегда со своим прошлым, даже не звонила, к тому же, звонить было очень дорого, а зарабатывала я гроши. Я определённо не хотела никого из них видеть. Со временем моё отношение к ним смягчилось, ненадолго, когда в моей жизни появился Джими и я ощутила какое–то подобие семьи, чего у меня никогда не было, но я была настолько занята своей собственной жизнью, что не только позвонить им, подумать о них было некогда. Мне всегда лениво было писать письма, а телефонные звонки не были так популярны, как в настоящее время. Где–то в глубине души таилось опасение, что если я снова попаду под их влияние, они снова станут пить из меня соки и я не видела причин давать о себе знать.

Лил обрадовалась, но мне стало немного не по себе, когда она сообщила, что навестит меня в Лондоне и хочет познакомиться с Джими. Спустя несколько дней поезд привёз её на Euston вокзал, и она появилась в дверях нашей квартиры. Она была по–прежнему самовлюблённой дурой, какой я её помнила, но это больше не доставало так меня как прежде. Она упорно скрывала свой возраст, она даже не позволила выбить дату рождения своей матери на её могиле. Она и мой возраст всегда уменьшала лет на 15. Однажды, она уверяла каких–то своих знакомых, что это мой 21–ый день рождения, тогда как мне уже исполнилось 35.

— Зачем ты сказала, что мне 21! — запротестовала я, когда мы остались наедине.

— А что в этом плохого? — хотела она узнать. — Ты выглядела сегодня на 18!

— Люди подумают, что ты дура, — настаивала я, а самой было приятно, что они посчитали меня моложе на 20 лет.

Это было у неё в крови, ведь Чёрная Нана умерла только из–за того, что соврала доктору, что её всего 82, в то время как ей было уже 96, и он подписал разрешение на операцию, которая убила её. Если бы знали её истинный возраст ей никогда бы не

стали делать анестезию.

Лил спелась с Джими. Две цыганские души нашли друг друга. Пока она была дома, Джими был как приклеенный. И он бросался открывать дверь, только услышав её шаги, стал покупать ячменное пиво, когда узнал, что это её любимый напиток. Для Лил никогда не стояло проблем заговорить с незнакомыми людьми, а Джими всегда находил общий язык с матерями (мать Ноэла Реддинга в нём души не чаяла), рассказывая как бы он был счастлив, если они бы усыновили его. И меня и Джими съедала тоска по простому родственному общению, мы оба пережили потерю матерей. И я была рада, что он нашёл общий язык с Лил.

Мы решили пригласить Лил в ресторан на Мэдокс–Стрит, ресторан так и назывался — Mad Ox. Мне было немного неловко, так как я чувствовала, что я должна что–то для неё сделать, это ощущение рождалось во мне всегда, когда она была рядом. Я всегда воспринимала её, как моё Вечное Несчастье. Однажды мы всё же наладили отношения, но они свелись к тому, что раз в году мы стали созваниваться.

— О, Катлин, — обычно она говорила, — я так рада, что ты позвонила, я совершенно вся расклеилась… — и затем начинался нескончаемый монолог, о том какая она несчастная и что и как у неё болит. Всё, что требовалось от меня, это временами подхрюкивать ей: «Да? О, нет, что ты, дорогая! Это просто ужасно! Бедняжка!» и прочие ничего незначащие фразы, вставленные в нужный момент. Монолог никогда не прерывался, чтобы узнать, как моё здоровье, или чем я сейчас занята.

Она никогда не вспоминала прошлое и не рассказывала ничего из нашего детства. Если я пыталась вызвать её на откровение, она только махала рукой и вопила, как если бы я в этот момент накидывала на её шею верёвку: «О, Катлин, перестань! Не будем об этом говорить! Я никогда не смогла бы ужиться с твоим отцом, — вырывалось у неё откуда–то изнутри, — он ужасный человек!» Но мой отец никогда не смог бы быть таким, каким она его описывала, он не был способен на это, у него просто не хватило бы сил.

Постепенно народ узнал, где мы живём, в основном из–за Джими — он всем раздавал наш адрес. Никакой плотине не уберечь бы нас от непрерывного потока посетителей, которые запрудили всю нашу лестницу, воспользовавшись открытой входной дверью, и звонили нам в дверь, каждый раз, как стихала музыка у нас дома. Большинство пытались ему всучить разные побрякушки или дорогие амулеты, якобы сделающие его счастливым. Один такой продавец, звали его Томми Веббер, приходил всё время с длиннющей девицей, Шарлоттой Рэмплинг,

можно сказать, она мне понравилась. Она уже успела стать кинозвездой и снялась в фильме Georgy Girl вместе Линн Рэдгрейв.

Однажды позвонила одна девушка, назвалась Каролиной Кун, и сказала, что хочет взять интервью у Джими для своего журнала. Она пришла не одна, с ней было двое, один из них, явно фотограф. После того, как я их впустила, она сказала, что ей необходимо переодеться.

— Конечно, — сказала я, ничего не подозревая, — ванная комната наверх по лестнице.

Она собралась тащить сумку с одеждой наверх, чтобы переодеться. Те двое, переглядываясь, пытались что–то мне объяснить, но их разъяснения сводились к многозначительным намёкам на её фамилию, после чего она сказала, обращаясь к Джими:

— Я бы хотела с вами сфотографироваться и, если не возражаете, хотела бы для этого переодеться.

— Переодеться во что? — изумлённо спросил Джими.

— Вот эти чёрные кружевные трусики, я думаю, будут мне очень к лицу.

Джими тут же взорвался и сказал ей, чтобы немедленно выметалась прочь. Джими был оскорблён до глубины души и вернулся через крышу, посылая проклятья в её адрес. Они так громко кричали, что я слышала их, находясь внизу. Я ничему не удивилась. Я знала, что если Джими чувствовал, что из него хотят сделать клоуна, он приходил в неописуемую ярость.

— Ты что, думаешь, что ты звезда, — визжала она, — ты что, думаешь, ты выше нас!

Я спустилась вниз, посмотреть на весь этот беспорядок. И увидела Джими, проталкивающего этих троих из нашего дома по направлению к входной двери и вопящего страшным голосом: «Я не хочу видеть себя на фото с тобой, ты, безобразная, уродливая сука!»

— Иди, поднимись и выкинь её шмотьё из нашей ванной, — увидев меня, сказал он.

Я вбежала наверх и сгребла все эти тряпки, которые она разложила по краю ванны. Я бы никогда не вспомнила про этот случай, если бы 30 лет спустя (!) не увидела бы странички из дневника, печатаемые в Evening Standard. Там было сказано, что это — Каролина Кун, та самая журналистка, которой не удалось взять интервью у Джими Хендрикса по причине своей фамилии — Хендрикс вышвырнул её из своего дома, посчитав обидным для себя давать интервью журналистке с такой фамилией. Ужас всей этой истории, как ни тривиальна она была, заключался в том, что

я, позвонив в редакцию, рассказала, как всё было на самом деле. Мне перезвонил Тони Браун и сообщил, что у него хранятся вырезки из какого–то журнала 1969 года, на фотографии изображена Каролина Кун в очень откровенном чёрном нижнем белье вместе с Ноэлом и Мичем. Подпись под фотографией сообщает, что Джими отказался фотографироваться с ней. Я благодарна Тони в его попытках развеять мифы и за предоставленные доказательства того, что я не выдумала всю эту неприятную ситуацию. Я знаю многих, кто также старается очистить память о Джими, особенно так и невыясненные до конца, обстоятельства его смерти. Каролина Кун заявила также, что Джими, когда открыл ей дверь, был совершенно голым и на столе были разбросаны наркотики. На это могу ответить, что, во–первых, дверь ей открыла я, а во–вторых, мы всегда тщательно всё убирали, перед тем как впустить гостей.

Другой проблемой оказался телефон, который звонил непрерывно. Нам пришлось установить два телефона. Один номер мы давали всем, другой мы держали в тайне, и позже на основном аппарате мы просто отключили звонок. Но Джими стал давать секретный номер людям, с тем что, если основная линия была бы занята, они могли дозвониться до нас по другой, и наши усилия были сведены на нет.

Хотя мы и переехали на новый адрес, к нам по–прежнему часто заходили музыканты, один из постоянных, и самых желанных был Роджер Мейер. Роджер работал в научно–исследовательском конструкторском бюро при Морском департаменте, его отдел занимался разработкой анализаторов акустических полей. Я так до конца и не разобралась, над чем именно он работал, я только поняла, что это были какие–то запредельные технологии и что он был славный парень. Они с Джими, по его выражению, «вибрировали на одной волне» и вели нескончаемые разговоры о генераторах звука, об обратной связи, об искажениях, всё это Джими хотел применить в своих экспериментах со звучанием. Обсуждали приемлемость разных электронных приборов для расширения возможностей электрогитары. Мне приходилось часами нажимать на педаль, пока они скрипели вдвоём над какими–то ручками и переключателями. То нажми, то отпусти. Так я никогда до конца и не поняла, как это всё работает.

Позже меня всегда коробило, когда я слышала, что людей, таких как Эдди Кремер, звукоинженера студии Olympic, описывают, как «создателей» звучания Джими. Я же считаю, что именно, Джими с Роджером изобрели такое звучание, приспосабливая новейшие технологии, используемые для ведения

войны под водой. В отличие от Эдди Кремера, Роджер был нашим близким другом. Он часто бывал в Speakeasy и в прочих освежающих душу норах, вместе с Джими обсуждая возможности электронного звучания.

Не хочу снова и снова сожалеть, что его желание пробить новый путь своей музыкой натолкнулось на полное непонимание со стороны менеджмента и граммофонных компаний. Но Джими в эти несколько месяцев, казалось, был доволен своей жизнью.

Однажды, раздался звонок в дверь, открыв её, перед моим лицом возник пушистый микрофон и яркий свет ударил мне в глаза. Я ужасно испугалась, подумав, что нагрянула полиция.

— Что вам нужно? — приняла я оборону.

— Мы съёмочная бригада, — поторопились они объяснить, — из Лос–Анжелеса. Парадная была открыта, вот мы и поднялись к вам наверх.

— Джими знает, что вы приедете? — спросила я.

— Да, да, — успокоили они меня.

— О.К. Я позову его.

Я пошла к лестнице, ведущей к спальне, самонадеянно думая, что они останутся ждать в дверях, но они последовали за мной в комнату.

— Эти парни уже здесь, — начала я, но свет уже залил комнату, а микрофон качался между нами.

Несмотря на то, что Джими ничего про них не знал, его развеселило их вторжение, и они провели следующие несколько недель с нами, следуя за нами тенью, куда бы мы ни направлялись, и снимали, снимали, снимали. Естественно, одеты мы были обыкновенно, мы не ожидали никого в этот день, но они быстро завоевали наше расположение, с ними было легко и просто. Я знаю, они до сих пор не могут издать свой фильм, так как не позаботились тогда взять у Джими разрешение. Я до конца не понимаю эту ситуацию, ведь, несомненно, всем был бы этот фильм интересен. Есть же фильм A Roomful of Mirrors. В нём Джими тоже искренне рассказывает о своём детстве, о личных переживаниях. И тоже не было личного разрешения на его выпуск. Было бы здорово, если бы Джими сейчас со всей уверенностью заявил бы этим журналистом, что я ещё жива, и он очень сомневается, что всё это вторжение в мою жизнь могло бы мне понравиться.

Забавно, но этих двоих звали одинаково — Джерри, только один — Джерри Голд, а другой — Джерри Голдштайн. Ассистировала им жена Джерри Голда, и её белокурая головка появляются почти в каждом кадре.

Они придумали такой сюжет: Джими открывает багажник и

на его лице отражается удивление — внутри он находит человека с камерой, направленной прямо на него. Они попросили меня устроить всё так, чтобы он ничего заранее не знал. Я сделала всё, что было в моих силах, но…

— Джими, — сказала я, разыгрывая равнодушие, на столько, на сколько могла, — помоги мне достать из багажника вещи, машина стоит у дверей дома.

— Что за машина? — интересуется он.

— Просто машина.

Запахло крысой, и Джими это почувствовал.

— Что за вещи, ты хочешь достать из багажника. И чья эта машина? Что ты делала с этими «вещами» в чужой машине?

Его было не провести.

Единственное, что мне удалось, это уговорить его спуститься вниз, и мы освободили беднягу оператора. За эти 20 минут, он мог серьёзно заболеть клаустрофобией.

Также он засняли два концерта, состоявшиеся в Алберт–Холле, которыми Джими остался недоволен, потому что свет в зале, по его мнению, рассеял всю атмосферу, которую он собирался создать своей музыкой.

Целостность картины оказалась под угрозой. Я подвернула ногу на ступеньках нашего дома, пока в темноте Джими пытался ключом попасть в замочную скважину. В итоге, в одних кадрах я появляюсь на костылях и с ногой в гипсе, в других бегаю, задрав хвост. По нынешним стандартам — любительский фильм. Но, очевидна всем документальная его важность, ведь это — редчайшие кадры из его жизни.

После концертов я всегда все цветы, которые дарили Джими, забирала домой и расставляла их в вазах. Я бы не пережила, если бы оставила их, одиноко лежащими на полу сцены. После одного из концертов в Алберт–Холле мы впихнулись в Роллс, который повёз нас домой, у нас было время только освежиться перед тем, как отправиться в клуб, букеты свалены были на пол. Когда мы доехали до Парк–Лейн, оказалось, что въезд на Аппер–Брук–Стрит перекрыт. Наш шофёр свернул на Оксфорд–Стрит в надежде объехать по Южной Молтон–Стрит, но там оказалась пробка. Мы поехали по Нью–Бонд–Стрит и наткнулись на ещё более усиленный кордон. Так как мы были в двух шагах от нашего дома, мы решили вернуться домой пешком.

Было довольно холодно. На мне было открытое вечернее платье, с глубоким разрезом спереди, а на Джими только тонкий сценический костюм. Улица была перегорожена, и полицейский вышел нам на встречу.

— Что здесь происходит? — спросили мы его.

— Не вашего ума дело, — грубо ответил он и сделал движение рукой, как если бы отгонял мух. — Идите отсюда.

— Минуточку, — запротестовали мы, — мы живём здесь.

— В самом деле? — удивился он, с подозрением уставившись на огромный букет роз у меня в руках, и размышляя, похожи ли мы на типичных обитателей Мейфэа. — Ну, и как скажете вас называть?

— Меня зовут Джими Хендрикс. — сказал Джими с видимым стеснением.

— Кто–нибудь из вас слышал о Джими Хендриксе, живущем здесь поблизости? — крикнул он своим коллегам.

— Я знаю, кто такой Джими Хендрикс, — подошёл ещё один полицейский и впялился в Джими.

— Он немного похож на этого, — многозначительно заключил он.

— Что у вас в этом футляре? — он указал на гитарный футляр, который Джими держал в руке, возможно вообразив, что в нём может уместиться пулемёт.

Джими показал ему свою гитару и его обступили остальные полицейские. Они засыпали нас вопросами, какой у нас адрес, какой у нас номер телефона, какая у нас квартира. Тем временем от холодного ночного ветра у нас холодела кровь. В конечном счёте, они решили нас пропустить, и мы были сопровождены до дверей дома эскортом в количестве шести полицейских. Когда мы были снова готовы выйти из дома, нам стоило только позвонить, и кто–нибудь из них нас сопровождал сквозь все кордоны. Вся эта охрана, кордоны, были выставлены с одной целью, обеспечить безопасность президента Никсона, который остановился в Кларидже, совсем рядом с нами дальше по улице. Мы шли, болтали не о чём, но когда пришлось возвращаться в ранние утренние часы, произошла смена дежурных.

К этому времени многие, в том числе и полицейские, знали Джими в лицо, благодаря репортажам и интервью, показанным по телевидению. Когда к нам приходили журналисты, я старалась не попадаться им на глаза, но иногда, любопытство брало верх, и я подглядывала за тем, что происходит в комнате, стараясь остаться незамеченной.

Джими нравилось сниматься и давать интервью, хотя он говорил много лишнего, у нас, девчонок, это называлось жевать вафлю, к тому же у него была дурная привычка при разговоре прикрывать рот рукой, а его хихиканье, так это меня просто убивало. Он терялся, когда перед ним был парень в пиджаке и с микрофоном в руке, говорил сбивчиво и с трудом формулировал свою мысль, но всегда старался показать себя с лучшей стороны.

Он не особенно заботился о своей причёске перед фотографированием, но приходил в ужас от прыщика на лице. В последние годы стали приносить ему беспокойство волосы. Он слишком часто их выпрямлял, чтобы достичь желаемого эффекта, и они начал сечься. Тогда он их оставил как есть, даже подкручивал на бигуди, стал повязывать бандану и носить шляпу. Что придавало ему ещё более дикий вид.

Иногда журналистов интересовало его мнение по поводу политики, расовых взаимоотношений, войны во Вьетнаме, гражданских прав, всего того, что показывают в новостях. Часто он даже не представлял о чём идёт речь. Это всё было так далеко от нашей повседневной действительности. Джими не разбирался в политике — лишь одна смутная вера в то, что каждый должен стараться жить в мире с соседом.

Некоторые чёрные активисты по обе стороны Атлантики были недовольны тем, что у Джими белая девушка. Это Джими очень задевало. Однажды вечером, в его ранние лондонские дни, в одном из клубов мы познакомились с Майклом Икс, одним из чёрных активистов, считающим себя чуть ли ни Малькольмом Икс. Он пригласил Джими в одно место в Ноттинг–Хилле. Стены были завешены зулусскими щитами, шкурами животных и африканскими масками. Майкл был светлокожим растаманом, и не унимался по поводу цвета моей кожи, говорил Джими, что ему нельзя отворачиваться от своего народа, что «им нужны такие, как он, показывающие путь!» Мы переглядывались, будто говорили друг другу: «Надо уносить ноги, этот парень точно ударился головой.» Ещё и расист. Пока он говорил, мы медленно продвигались к лестнице и буквально скатились с неё.

Позже я узнала, что этот, как он себя называл, Майкл Икс, связался с одной белой журналисткой: то ли это было с его стороны полным лицемерием, то ли своего рода месть за свой цвет кожи. В конечном счёте, его казнили у себя на родине, на Ямайке, за убийство своей белой подруги и сжигания её тела на заднем дворе своего дома.

У нас постоянно возникали расовые проблемы. Худшее, что с нами случалось, так это то, что таксисты отказывались нас везти или проезжали мимо, будто не замечая нас. И не один раз, Джими скрываясь в дверях магазина, ждал, пока я не поймаю такси и не сяду на переднее сиденье, тогда он выбегал из своего укрытия и плюхался сзади.

Для музыкального бизнеса, не было ничего нового в том, что у нас разный цвет кожи. Взять хотя бы Мэдлин Белл и Тони Гарланд. «Для нас не имеет значение различие в цвете кожи, — часто говорил Джими, — важно то, что скрывается под ней.»

Когда Дон Шорт из Daily Mirror спросил Джими в интервью обо мне, Джими сказал: «Кати — это моя предыдущая любовь, настоящая любовь и, возможно, будущая любовь. Она — моя мать, моя сестра, мой друг. Моя Йоко Оно из Честера.» Очень трогательно сказано.

Я согласилась дать интервью журналу Queen (сейчас он называется Harpers & Queen), они собирали материал для большой статьи о жёнах и девушках рок–звёзд. Сначала я согласилась с большой неохотой, но когда узнала, что Йоко Оно решила дать им интервью, то подумала, почему бы и нет. Пришёл фотограф, если мне не изменяет память, его звали Джон Мармарис, со всеми своими штативами, зонтиками и осветительными приборами. Фотографии получились очень милыми. К этому времени у нас уже водились деньги и я прикупила себе нарядов у Браунов, которые только что открылись рядом через дорогу, на Южной Молтон–Стрит. На Брук–Стрит располагалось много дорогих магазинов, так как она проходила через самый центр фешенебельной торговли.

Также изменились и наши вкусовые пристрастия, мы больше не зависели от моих примитивных кулинарных попыток и ели в Speakeasy. Нам нравилось исследовать дорогие рестораны, которые, в то время, открывались на каждом шагу. Но особенно Джими нравилась кухня Мэдлин Белл, с её фирменными копчёными свиными окорочками, жареными цыплятами, грубым хлебом и картофельным салатом. Типичная еда чёрной Америки. Помню как однажды, пришла Мэдлин, всё приготовила и накрыла на стол, и тут спускается из ванны Джими и с изумлением смотрит на нас, на накрытый стол, «вы видели когда–нибудь, как Джими бледнел?»

— Не иначе как наш старый приятель в ночном колпаке и седыми волосами, заплетёнными в косичку, прошёл сквозь стену, пока я был наверху! — произнёс он.

Я подумала, что он как всегда шутит, но когда посмотрела на него, поняла, что он поражён до глубины души. Не знаю, сколько он выкурил за этот вечер, но он оставался уверен, что видел дух Генделя.

Живя отдельно от Часа и Лотты, мы с Джими были предоставлены самим себе, Джими не вылезал из кресла, обложенный книжками с научной фантастикой и глупыми журналами, вроде Mad, которые он привёз с собой из Америки. Ему нравился английский юмор, и он не пропускал ни одной программы Goons (Идиоты), шоу, которое для большинства американцев было совершенно непонятным. С каждой новой их программой, ему становились всё яснее поведение и поступки

Майка Джеффери.

Всю ответственность за Джими и его дело взвалил на себя Час, а не Джеффери, хотя тот всем говорил обратное. Эти двое преуспели в своём творчестве, потому что им нечего было делить. А Майк Джеффери стал образчиком вечно отсутствующего менеджера, но когда он бывал в городе, мы все собирались у него на квартире на Джермин–Стрит и напивались до весёлых чёртиков в глазах.

Некоторые биографы Джими рисуют Майка монстром, порушившим жизнь Джими, но это не так, по крайней мере, это было не так, в то время, которое я сейчас описываю. Он забирал все деньги и переправлял их на неизвестный берег, но это не волновало Джими поскольку, по первому требованию ему выдавалась ровно столько, сколько нужно было в данный момент ему. Джими волновала только его музыка и возможность свободно играть именно то, что он хотел. В начале, в те моменты, когда Джеффери был рядом, у них с Джими были отличные взаимоотношения. Думаю, он старался отдалиться от Джими, считая, что слишком дружественные отношения станут преградой его творчеству. Его вечное отсутствие способствовало всё большему сближению Часа с Джими. Позже, когда наркотики взяли верх, у Джими развилась паранойя, и он стал смотреть на Майка глазами Часа. Майк же просто стремился дисциплинировать поступки Джими, как это до него делал Час. И у Джими мало по малу выросла ненависть к нему, так как посчитал, что он стал вмешиваться в его творчество — Джими не терпел ни чьё давление.

Определённо, через Майка перетекали огромные суммы и оседали неизвестно где, потому что, когда я пожаловалась его ассистенту, Трикси Салливан, что не хватает денег оплатить квартиру, она приехала к нам домой с портфелем набитым американскими долларами. Она распаковала несколько пачек, протянула мне деньги, щёлкнула замками и исчезла.

Когда наступил март, Джими вынужден был вернуться в Америку. Он попросил меня поехать вместе с ним, я согласилась, в надежде на то, что развеюсь и отвлекусь от всего того, что навалилось на меня за прошедшие месяцы. Но я даже и представить не могла, с какими трудностями мне придётся встретиться.

Глава 8.

Я отправилась в Америку не только потому, что Джими этого хотел, но и потому, что там была Энджи со своим новым парнем, но лучше бы я прислушалась бы к своим инстинктам и осталась дома. Он мне говорил, что каждый раз как ему приходится выезжать из нью–йоркского отеля, это сродни американским горкам. Сколько раз он мне это говорил! Но я не знала, что может быть ещё хуже этого: когда сами американские горки появляются в твоем доме.

Я прилетела вслед за ним с разрывом в несколько дней. Мы забронировали номер с садом в отеле Пирр, прелестное местечко на углу Восточной 61–й улицы и Центрального парка. В аэропорту меня ждал огромный лимузин с затенёнными стёклами. Его наняли в компании Head Limousines. Въехав на Манхэттен, шофёр всосался в поток и, бросив смотреть на дорогу, чуть не свернул себе шею, рассматривая меня. В Большом Яблоке рок–н–ролльная мечта уже стала обыденной реальностью. И если ты врубаешься, можно забыть совершенно об окружающем тебя мире.

Джими ещё не было, и у меня было предостаточно времени, чтобы рассмотреть удивительно безвкусные дорогие интерьеры, особенно поразил меня огромный цветной телевизор, такого монстра я видела впервые. Обои были с выпуклым рисунком, изображающим виноградную лозу, такие обои с растительным орнаментом в будущем, в 70–х, можно будет встретить в любом дешёвом отеле по всему миру. Окно гостиной не открывалось, но за окном был крошечный японский садик с прудиком и парой камней, между которыми беззвучно слюнявил фонтанчик, подсвеченный зелёной лампочкой. Я подняла голову, вглядываясь вверх в надежде увидеть небо, но его там не было: всё как на выставке, или в океанариуме.

Я только–только задремала, как вернулся Джими, сопровождаемый огромной толпой, сильно напоминающей бродячий цирк. С этой секунды вокруг нас постоянно кружилось не меньше двадцати человек. Если мы оставались в комнате, они оставались с нами, если мы отправлялись поесть, они отправлялись тоже поесть и, конечно же, за счёт Джими.

Я никогда в жизни не встречала настолько отвратительных и громких. Большинство женщин были явно шлюхами, а мужчины, либо сутенёрами, либо наркоторговцами, вокруг одни подведённые глаза и ложки на шейных цепочках, как бейджики в офисе. Я не могла представить, как, каким образом он умудрялся

передохнуть среди всего этого, как быть королём над дурацкими колпаками.

— Это всё мои друзья, — неизменно слышала я в ответ.

Совершенно очевидно, я им не понравилась. «Туго–задая белая английская сучка Джими» — вот как я им «понравилась». Многие из них вообще были настроены анти–британски, заявляя, что Джими — американец, и ему место здесь, а меня они рассматривали, думаю, как врага, который старается, соблазнив его, украсть их собственность.

Одним из выступлений, которое должна дать группа, был концерт в Центральном парке. Когда пришло время, нас проводили к двум лимузинам, которым предстояло пробиться через толпу. В первом — мы, Мич, Ноэл, Джими и я, за нами следовал лимузин с охраной.

— Толпа опрокинула барьеры, — предупредил нас один из охранников. — Будет трудно добраться до места без риска быть атакованными.

Они предложили, пересадить Джими к себе и прорываться первыми. Мы остановились, открылись дверцы и на нас обрушились шум и давка. Джими с охранниками утонули в людском море, а мы трое, пригнув головы, бросились прочь. Мич и Ноэл крепко держали меня за руки, искренне опасаясь за наши жизни, сдавливаемые всё более и более набегающими волнами людей. Когда мы добежали до ворот, охраняемых полицейскими, один из них ударил меня в живот своей дубинкой. Я согнулась, и они оторвали меня от Ноэла и Мича, которых впихнули к себе, оставив меня между толпой и воротами, защёлкнутыми их перед самым моим лицом. Сражаясь, чтобы остаться на ногах (меня бы раздавили, споткнись я), я пробила себе дорогу из парка, схватила такси и вернулась в отель.

Здесь в безопасности, наедине с Джими среди этого интерьера, который не приснится и в кошмарном сне, я смогла перевести дыхание и подумать над своим положением. Пришло время что–то серьёзно менять. Сил больше не было вести такой образ жизни. Отель Пирр был так далёк от тех отелей–клоповников и клубов рабочих районов на севере Англии, где мы с Джими начинали, но здесь я не испытала уюта. Да, служащие гостиницы могли исполнить любую мою прихоть, но ничто меня не радовало, моя жизнь перестала принадлежать мне. То же самое, что за кулисами Ньюкасла или Манчестера, только кормят получше.

На следующий день человек, назвавшийся Крантцем, ворвался в комнату, держа в руках спортивную сумку. Он был очень похож на теле–героя, детектива Коломбо. Он даже также

прихрамывал, как он потом с гордостью объяснил: в него стреляли. Он был также отвратителен и непривлекателен, как и все остальные. Он бросил сумку на пол и плюхнулся в кресло среди всех этих группиз и дельцов, которые с радостью его приветствовали и предложили присесть. Сумка открылась, и я увидела ручной пулемёт, лежащий на куче каких–то пакетиков с белым порошком, мой мозг отказывался всё это понять. Только скорее бежать из этой комнаты и от этих людей.

Я позвонила в авиакомпанию, заказать билет, но мне сказали, что смогу улететь только через несколько дней. Трансатлантических рейсов было не так уж много в то, пред-Конкордовое время, не то что сейчас. Первым порывом было съехать из отеля Пирр, даже если мне придётся покинуть Манхэттен. Я быстро покидала вещи в чемодан и отправилась в гостиницу, где жила Энджи. Но там было не лучше. Её парень из тех, кто живёт всю жизнь в отелях, нюхал кокаин и пытался приучить Энджи, мою Энджи, нюхать кок и smack.

Это, как ночной кошмар. Все, кого я так любила, делали непостижимые глупости, попав под влияние подлых незнакомцев. Мне было не понять, как они не видели их низких душонок. Почему не видели как наркотик, меняя личность и превращая в зависимых от этой химии, делал их бесчувственными, равнодушными, агрессивными параноиками?

Однажды мои друзья серьёзно увлеклись наркотиками и, естественно, стали зависеть от этих дельцов. Вся их жизнь стала вращаться вокруг одной темы, где достать. Я звала их погулять или на вечеринку, но они не могли сдвинуться с места, пока у них не будет «в запас». Проводили дни в ожидании встреч с сомнительными личностями. Нюхающий кокаин не спит ночами, он возбуждён, глотает снотворное пригоршнями, чтобы заснуть.

В Нью–Йорке я попробовала кокаин, чтобы выяснить для себя, в чём суета вокруг него. Всё вокруг вдруг убыстрилось, а нос был готов взорваться, я даже понюхала героин, чтобы придержать эту гонку, вызванную кокаином, но мне стало ещё хуже, и я провалялась в постели несколько дней. Потом мне объяснили, что вначале всегда плохо и нужно перетерпеть это — но зачем? Это же чистейшее безумие. Не вижу никакого смысла в этих белых порошках, только всё тело бьёт тревогу.

К счастью у Энджи и её мужчины была ещё одна комната в номере, и я вполне смогла там разместиться, вдали от этого сумасшедшего дома и спокойно заказать билет и дождаться рейса домой, в Англию. В течение этих дней мужчина Энджи так и не взглянул на меня. Мне он показался не из тех, кто крутится вокруг Джими, и много богаче. Он обрушивался на Энджи дождём

подарков, и видно было, что он обожал её.

— Быстрее, Кати! Мы подпалили матрац, и мы выбросили его, сейчас здесь будет вся полиция Нью–Йорка!

Я огляделась и поняла, что они только что выбросили дымящийся матрац через окно спальни прямо на 5–ю авеню, и была явная причина для беспокойства, так как в комнате стоял удушливый запах. Прошло совсем немного времени и в дверь громко постучали, это была полиция. Естественно, нас тут же выбросили вон из гостиницы. Нужно было срочно найти другой отель. Ночной кошмар вернулся, и я молилась, молилась гораздо усерднее, чем тогда в приюте для девочек, чтобы для меня оказалось одно местечко, одно единственное местечко в самолёте, только чтобы подальше от этого места, в любом самолёте.

Мои молитвы были услышаны. Мне предстояло лететь через Шеннон ирландской авиакомпанией с двумя пересадками, но я была счастлива побыстрее убраться из Нью–Йорка, а всё остальное не имело никакого значения. Рейс был забит проповедниками и монашками, и когда мы попадали в сильные турбулентные потоки, они крестились и молились в унисон. А меня охватывало такое чувство радости, что я готова была присоединиться к ним.

Вернувшись в Лондон, я поняла, что мне очень не хватает Энджи, даже много больше, чем Джими, и совершенно очевидно, ей было неуютно в Нью–Йорке, ведь вокруг неё были одни наркоманы. Мне казалось, что если мне удастся вытащить её оттуда, мою старушку Энджи, то один из нас будет очень рад, но ему придётся очень потрудиться над собой. Её семья беспокоилась о ней не меньше моего и у меня созрел план, как вернуть её в Лондон, пока она совсем не сторчалась, как все эти уроды, которых я встретила в Нью–Йорке.

Бетти, её сестра, позвонила Энджи и сообщила, что с Мэвис, их матерью, случился сердечный приступ. Энджи первым же рейсом вылетела в Лондон и свою мать чудесным образом поправившуюся. Энджи изменилась, она стала агрессивной и очень энергичной, поэтому сказать правду, мы не решались много лет.

Выручив её из Нью–Йорка, нам казалось, что с неё сняли заклятие. Она решила назад не возвращаться и бросить этого ужасного «наследника». Мы с Энджи старинные подруги, и нам вместе было куда лучше, чем с нашими мужчинами. Мы оберегали нашу дружбу, и приходили в ярость, когда кто–нибудь решался вклиниться между нами. Поэтому наши отношения с Джими и были прекрасными, ведь с ним мы долгое время могли

быть предоставлены самим себе. И мы веселились от души.

Энджи всегда привлекала мужчин любящих риск. Год спустя или около того в Лос–Анжелесе она связалась с Артуром Ли, известным чёрным музыкантом (руководителем группы Love). Прошло совсем немного времени, и она появилась в Лондоне, вся в слезах, жалуясь на Артура, что тот всё время носится с пистолетом, пугая несчастных кокаинщиков. Но когда он приставил его к её голове, ей показалось, что пришёл конец. В 1965 году Артур надолго попал в тюрьму за использование огнестрельного оружия, после того как с помощью пистолета пытался доказать свою правоту соседу и стрелял, находясь среди людей.

Даже до истории с Артуром Ли для неё было облегчением вернуться в Англию, подальше от людей с оружием. Ребята из Traffic жили за городом, у них там был большой дом, в котором они репетировали, и Дейв Мейсон часто приглашал нас погостить там. Мы хорошо проводили там время, катаясь по холмам на лендровере, преодолевали 45–ти градусные склоны, как если бы катались на ярмарочных горках. Или загорали рядом с домом, стоявшим одиноко в поле, так что группа могла репетировать на полной громкости, не боясь возмутить соседей. Мы были счастливы и свободны. Это были ещё те 60–е, в которые все верили, до того, как сильнодействующие наркотики, деньги и всеобщая паранойя не убили всё.

Мы уже не бегали по клубам, как раньше, потому что большинство из наших знакомых уже зарабатывали кучи денег и понакупали большие дома в пригородах или в деревне и устраивали, буквально, льющиеся через край вечеринки. Даже Кит Мун осел со своими друзьями у себя дома, устраивая вечеринки прямо в бассейне, оставаясь всё ещё таким же диким и непредсказуемым, как в прежние времена. Однажды вечером в том самом доме, где он жил со своей подругой Ким, мы сидели в такой импровизированной гостиной по пояс в воде, когда услышали какие–то вопли снаружи. Выбежав наружу, мы увидели, как Кит Мун в своём Роллс–Ройсе выруливает по направлению к бассейну. Машина нырнула носом в бассейн, а Кит Мун мокрый и радостный сидит на краю. Но мне это совсем не показалось смешным. Может, я уже стара стала для таких шуток?

К этому времени Кит Мун, казалось, уже совсем потерял над собой контроль, так что даже мы, кто его любил, старались держаться от него подальше. «О, мой бог, вот идёт наш Муни," — говорили мы, всякий раз завидев его тень. Это всё очень грустно, ведь мы были друзьями целую вечность, но совершенно не хотелось опять попадать в его медвежьи объятья, быть оторванной

от земли и закрученной в безумном вихре. Однажды, в Speakeasy, он неожиданно подкрался ко мне сзади, обвил меня своими ручищами и так сжал, что меня вырвало. Позже мне сказали, что это только чудо, что у меня не лопнула тогда селезёнка. Даже тогда, когда казалось всё шло хорошо, я ругала его, как бранят заигравшегося щенка, каким он и был на самом деле.

В детстве Джими не был одним из тех, кто гонял футбол вместе со сверстниками. Он всегда предпочитал женское общество. Ему нравилось, когда мы, Энджи и я висели на нём, и ещё Мэдлин, после того как мы с ней сблизились. Его восхищала «мисс Мэдлин», как он её называл за волшебное умение готовить.

Не думаю, что он когда–нибудь догадывался, насколько близкими подругами мы были, Энджи и я. Он никак не мог понять, почему мы между собой спорим, ругаемся, но никогда не разбегаемся далеко друг от друга. Он всегда бросался меня защищать, когда видел, что меня начинали обижать, либо она, либо кто другой. Однажды Энджи и Кэрол налетели на него, защищая меня, но он, очевидно, внимательно выслушал всё, что у них накипело, и я видела, как они встали и пожали друг другу руки, пообещав никогда впредь не говорить обо мне в таких тонах.

Это случилось в июле 1969 года, такси довезло меня до Брук–Стрит, выйдя из него, я увидела, что за столиком перед нашим рестораном Mr Love сидит Крис Фарлоу.

— Привет, Крис, — бросила, проходя мимо, и пытаясь выудить ключи из сумочки.

— Слышала новость? — спросил он.

— Какую новость? — спросила я машинально.

— Брайан вчера вечером утонул в своём бассейне.

Меня потрясло это известие, я не знала, что делать. В этом состоянии я дошла до квартиры. Телефон звонил непрерывно, каждый делился своими соображениями и слухами. Никто из нас не мог в это поверить. Первый раз в моей жизни умер близкий мне человек, и я никак не могла в это поверить. Наркотики? Убийство? Самоубийство? Сотни предположений передавались друг другу, и в каждом, возможно, была частичка правды. Брайан Джонс был одним из тех, кто стоял в основе того, что в будущем назвали рок–культурой, но ему так и не нашлось места в обыкновенной жизни.

После нашего с Энджи бегства из Нью–Йорка Джими затих, звонил очень редко. Я думала, это потому, что его закрутили гастроли. Но произошло так, что я постепенно выпала из его жизни. Выглядело так, как если бы мы оба пошли в разные стороны. Я знала, конечно, что он встречается с другими

женщинами — у меня перед глазами вставала ясная картина тех ужасных женщин, развалившихся в креслах в «номере с садом» отеля Пирр — но я представила, что у него есть кто–то другой и решила, что мы, он и я, не сможем дольше считать себя парой. Это не стало для меня ударом, а казалось мне естественным развитием отношений. Что–то вроде того, через что прошли Кит и Брайан. Моя история любви с Джими определённо имела для меня огромное значение, но не было неожиданностью, что она подошла к концу. Ко всему прочему, мне же было тогда всего 22.

Однажды вечером, направляясь в Speakeasy, Энджи познакомилась с парнем, которого звали Рэй, и рассказала мне, как он ей понравился, такой спокойный, привлекательный с красивой фигурой. Я испытала приступ привычной боли ревности к моей лучшей подруге, увлёкшейся каким–то мужчиной и покинувшей меня, ничего нового. Я стала наводить справки о Рэе, но они скоро разошлись. А мы с ним сблизились, Энджи почувствовала это и уступила его мне. Мне он понравился и через пару месяцев я поняла, что влюбилась в него.

Отец Рэя был преуспевающим дизайнером интерьеров, его фирма имела много заказов, таких как, например, Букингемский дворец, где требовалось провести описание сохранности позолоченной лепки, и Рэй работал у него. Семья казалась очень дружной. Единственный недостаток, которым он обладал — пил слишком много. В начале наших отношений это не имело значения, даже было немного забавно. Совсем не то, что среди кокаинщиков.

Я встретила Рождество вместе с ними, в тепле и уюте их семьи. Почувствовала стабильность, которой никогда прежде не знала. Меня немного ещё тянуло покататься на «американских горках» Джими, но я уже чувствовала, что мне стало тесно в них, и я никак не могла набраться смелости рассказать Джими о своих чувствах. Я подумала, что если я ничего не буду ему говорить всё мало по малу само рассосётся. А может он сам скажет первый, что нашёл кого–то, так и развяжется этот узел.

Я чуть–чуть испытывала вину, болтая с ним по телефону: его новости, да то, как он устал, но он пропускал мимо ушей всё, что касается меня. В самом начале главным достоинством наших отношений было то, что мы могли рассказывать друг другу всё о себе, что бы ни произошло. Грустно, что это осталось в прошлом. Но зато, я могла теперь принадлежать самой себе, тем более что чувствовала, что на Джими полагаться дольше уже могла. Слишком многое указывало на печальный исход его существования. Если бы я сидела и ждала его дома, я могла так просидеть ещё лет двадцать. Но как бы там ни было, он всегда

давал мне новый толчок к жизни.

В самом начале 1970 года Мэдлин нас благословила, и мы с Рэем решили пожениться, купить дом и поселиться в нём. Рэй жил со мной на Брук–Стрит, пока мы подыскивали себе дом. Квартира была записана на моё имя, я даже была единственная, кто по этому адресу выписывал газеты, поэтому я могла съехать в любой момент.

Я не хотела пышной свадьбы. Я даже не могла представить себя в свадебном платье, и мы решили отметить её в узком кругу друзей. Мэдлин вместе с Тони, Энжди, по–возможности Лил и семья Рэя. Лил, когда увидела Рэя, воскликнула: «Какой же он хорошенький!» Именно такой тип мужчин ей нравился. На мне был брючный костюм из ангоры, такая же шляпка и шарф.

От Джими долгое время не было никаких известий, я не сомневалась, что он увяз в проблемах. Мэдисон—Сквер-Гарден достался ему кровью, помните, это когда он ушёл со сцены? Около этого времени кто–то ему сообщил о том, что я вышла замуж за Рэя. Он позвонил, спросил, правда ли это.

— Да, я вышла замуж, — совершенно невинным голосом ответила я. — На квартире осталось много твоих вещей, я скоро оттуда съезжаю, мы покупаем дом.

— Я знаю, что сделаю, — сказал он, в его голосе были странные нотки, — я уже думал об этом, ты занята в этот уикенд?

— Да, — ответила я.

Я была уверена, он перезвонит через несколько минут.

Ровно через 10 минут раздался звонок, и Джими сообщил, что в субботу вылетает в Лондон, и просит встретить его в аэропорту. Я уверила его, что встречу, хотя и была несколько удивлена. Я заказала лимузин до Хитроу, как обычно. Джими прилетел рано утром и выглядел убитым. Я была удивлена, что его никто не сопровождал, я впервые видела его, путешествующим без шумной компании. Всю дорогу от аэропорта до города он держал меня за руку.

— Это же не серьёзно? — голос его был тих, но звучал откуда–то из глубины. — Тебе же нужны были просто брызги шампанского, ведь так, да?

— Нет, это всё серьёзно, Джими, я люблю его.

Я взглянула на Джими, и ужаснулась, настолько опустошёнными были его глаза. Я вдруг осознала, что он представлял наши отношения совсем по–другому. По всей Америке он мог переспать с кем угодно, но он не встретил никого с кем бы мог связать свою жизнь. Он представлял, что где–то его ждёт маленькая женщина, поддерживающая для него огонь в домашнем очаге, пока её мужчина зарабатывает деньги для

жизни, совсем как это представлял себе Час. Он и подумать не мог, что мы разойдёмся. Он до сих пор видел в нас супружескую пару, и просто не верил, что я могла, вот так, взять и уйти. Я была для него и матерью, и отцом. Он во мне видел то единственное постоянное, что было в его жизни. Но я была тогда слишком молода, чтобы выполнять эту роль, и вовсе не собиралась променять свою жизнь на титул рок–н–ролльной вдовы.

Рэй уже ушёл на работу, когда мы добрались домой, и я поставила чай.

— Ну, — сказала я беззаботно, как только могла, — здесь есть что–нибудь, что ты бы хотел забрать?

— Я ничего не собираюсь забирать отсюда, — сказал он, и глаза его были полны слёз, — кроме тебя.

— Кто–нибудь в Нью–Йорке знает, что ты здесь? — произнесла я, стараясь изо всех сил не разрыдаться.

— Я им вообще ничего не говорю, — сказал он, опустив голову, его тело, казалось, обмякло.

— Почему ты не вернулась ко мне в Нью–Йорк?

— Я не могла, Джими.

— Почему? Мы вернёмся, всё будет хорошо, всех этих людей уже давно нет.

— Нет, Джими, — внезапно вырвалось у меня, — прошлого не вернуть. Многое изменилось.

Он продолжал настаивать, но ему не удалось заставить меня передумать. Я стремилась к совершенно другому, прочь от всех этих увечий и сумасшествий. Многие из наших друзей разбились на пары и уже не торчат в клубах, как прежде, где зародились и окрепли наши отношения, и оставаться с Джими у меня больше не было сил.

Я объяснила ему, что теперь ему здесь оставаться нельзя и что я забронировала ему номер в Лондондерри. После ещё двух дней тщетных попыток уговорить меня, он, наконец, понял, что меня не сдвинуть и сдался. В один из дней он поджемовал в какой–то студии со Стивеном Стиллзом и Грэмом Нэшем и повеселел. И на другой день позвал меня пройтись с ним по магазинам и купил мне сапоги из змеиной кожи. В день расставания мы выглядели, как старые друзья, и у меня отлегло от сердца. Казалось, он проникся тем, что произошло, тем, что всё завершилось к лучшему. Но на всю жизнь мы так и остались частичками друг друга. В конце недели он вылетел обратно в Штаты.

Почти всё из своих вещей он оставил на Брук–Стрит. Так что, когда пришло время переезжать, мне пришлось решать, что взять с собой, а что оставить. Буфет был весь исписан Джими

картинами, навеянными кислотой. У меня не было никакой идеи, что с ним делать, поэтому я взяла только то, что мы раскрашивали вместе с ним. Мне и в голову не могло прийти, что через некоторое время это всё приобретёт такую ценность.

В июле 1970 года мы с Рэем переехали в Чисвик и поселились в небольшом уютном доме с террасой. Я научилась водить машину, поступила на работу и наслаждалась жизнью. Я блаженствовала в роли молодой жены и добропорядочной горожанки, когда месяц спустя или чуть больше не раздался звонок. Звонила Энджи.

— Я в Лондондерри, — в голосе чувствовалась паника, — с Джими.

— Джими здесь, в Лондоне? — удивилась я, не имея ни малейшего представления о его намерениях, ведь уже шесть месяцев мы с ним не разговаривали.

— Он здесь, и хочет выступить на фестивале на острове Уайт. Он невменяем. Кати, нам нужна твоя помощь. Он выкинул нас из спальни, заперся и не пускает нас, а там осталась вся наша одежда. Он кричит, чтобы мы убирались прочь, но мы в номере, как в ловушке. Мы все вместе веселились, но затем он, вдруг, вышвырнул нас вон. Ты единственная, кого он послушает.

Я взяла такси, доехала до Парк–Лейн и поднялась в номер. Энджи и ещё одна девушка, завёрнутые в покрывала, ждали в гостиной, похожей на потерпевший крушение самолёт. Сломанные торшеры, перевёрнутые столы, кругом битое стекло, на всём были следы гнева, думаю, Джими был здорово чем–то расстроен.

— Что случилось, Джими? — спросила я.

— Что случилось, Кати? — прогудел он, как если бы я неожиданно вернулась из магазина, где собиралась надолго засесть и произвести опустошение.

— Энджи и этой девушке нужна их одежда, — сказала я. — Они боятся войти.

— Отдай им их одежду, и выпроводи.

Я сгребла одежду и отнесла им в гостиную. Я смотрела, как они одеваются, и думала, как хорошо быть замужней женщиной. Я так далеко была от того, в каком состоянии они сейчас находились. Они ушли, а я вернулась в спальню, посмотреть, смогу ли я чем–нибудь помочь Джими. Я присела на край кровати и приложила холодное влажное полотенце к его раскалённому лбу, в надежде сбить температуру. Похоже, он здорово простудился, сопел и жаловался, что его знобит. Черты лица обострились, и кожа приобрела сероватый оттенок, он действительно заболел. Может грипп? Вспоминая прошлое, я

скажу, что он страдал от, так называемых, имитационных симптомов, хотя я не вполне уверена, в чем заключалась их причина.

Я сделала всё, чтобы он успокоился и заснул. Возвращаясь домой, я чувствовала огромное облегчение, что побыла так недолго участницей произошедшего скандала, я чувствовала радость от того, что смогла чем–то ему помочь и ещё большую радость, что мои ноги уносили меня подальше от этого кошмара. Заболевшая суперзвезда, лежащая на кровати в гостиничном номере, это не тот Джими, в которого я влюбилась и которого я полюбила четыре года назад. Вся его нежность, всё его очарование растворились в наркотиках и ежедневных психических напряжениях. Его было не узнать.

Пару недель спустя я пробиралась в сумерках сквозь модные ряды благоухающих кишок Кенсингтон–Маркета, когда Джими подошёл ко мне сзади и обняв произнёс:

— Я остановился в Камберленд—Отеле, — сказал он мне, — почему бы тебе не заскочить ко мне и не сказать «привет»?

— О.К., — ответила я, — загляну обязательно.

Но я знала, что делать этого не буду. Многие годы, прошедшие со дня его смерти, я винила себя, что может быть я могла бы повернуть всё иначе. Но теперь я понимаю, что его всё равно сейчас бы не было с нами.

Глава 9.

На следующее утро Мэдлин позвонила мне домой, мой друг поднял трубку.

— Спроси, может она перезвонить чуть позже, — сказала я, так как была чем–то занята в этот момент.

Но через мгновение он вернулся:

— Она говорит, что это очень срочно.

Я взяла трубку, что–то проворчав в ответ.

— Ты сидишь? — услышала я вопрос.

— Нет, а что? — ответила я и рассмеялась.

— Возьми стул.

— Что? Ну, говори скорее, — я почувствовала беспокойство от её голоса.

— Возьми стул и скажи мне, что ты села.

— О.К., — и через пару секунд, — я села.

— Я только что услышала по радио, Джими умер прошлой ночью.

Я молча положила трубку. Я кинулась купить Evening Standard, тут же пробежала глазами все новости — ничего. У меня отлегло. Мэдлин могла и перепутать.

— Это свежий номер? — спросила я у продавца.

— Нет, свежую обычно привозят в три.

Пачки упали на панель, статья занимала всю первую страницу. Джими мёртв. Передозировка. Захлебнулся рвотой. Журналисты ликовали: такой конец ждёт каждого, такого же как Джими, кто пренебрежёт существующим социальным строем. Звучит как мораль из детской сказки про плохишей.

Я читала и перечитывала эту статью, стараясь вникнуть, что же произошло на самом деле. Но ничего не могла понять. Я начала думать, как бы развернулись события, если бы я откликнулась на его предложение, и пришла бы к нему в отель прошлым вечером. Накачался ли он наркотиками, если бы я там была, или нет? Только бы я знала, зачем он меня звал! В газете одни догадки. Я не могла поверить, что его уже нет. Мы могли оставаться друзьями на всю жизнь.

Один из старых друзей Рэя, журналист, предложил мне описать нашу жизнь с Джими и напечатать в воскресном выпуске. В порыве искренности и смятения я согласилась дать интервью. Почему нет? В память о нём рассказать правду, скрывающуюся за его имиджем. Он пришёл, и мы долго разговаривали. Мне казалось, что он понимал, о чём я ему рассказывала. Он остался в восторге от моего рассказа.

Её напечатали, чтение её можно было сравнить с ночным кошмаром. Ничего общего с тем, что я хотела сказать. Заголовки кричали о наркотических оргиях и нескончаемых сексуальных упражнениях. Дикий монстр, демон рок–музыки. Следующие — Мик Джаггер и Кит Ричард (имея в виду недавнюю смерть Брайана).

Глупо. Меня предали. Я — истеричка, нимфоманка, наркоманка. Ещё и одна из многочисленных группиз. Ничего общего с тем, что я ему говорила.

Это был мой первый опыт, и тут же я стала жертвой журналистов, ненасытных, голодных до сенсаций. Я была глубоко оскорблена и боялась подумать, что все мои друзья поверят, что я могла такое сказать. Но я надеялась на их благоразумие, особенно с Брайаном, с которым журналисты не скупились на эпитеты. И я больше старалась никогда не касаться этой темы, такой близкой мне, и из–за которой так жестоко меня унизили.

Я отправилась к адвокату в надежде, что невинный человек может найти защиту от любых атак. Адвокат был со мной приветлив, но сказал, что я не в состоянии противоборствовать всей системе новостей. И ещё сказал, что ничего существенного я не могу предоставить в свою защиту и пожелал впредь относиться внимательнее к тому, что я говорю во время интервью, и более того, сказал, чтобы я вообще избегала давать кому–либо интервью.

Я последовала его совету и молчала 22 года, если не считать одного выступления в 1981 по американскому радио. Ясно, что оно удалось, я рассказывала о самом раннем периоде нашей совместной жизни, когда мы считали каждый пенни, чтобы купить пачку сигарет, и приходилось занимать деньги у друзей, чтобы что–нибудь купить. Это интервью осело у коллекционеров, с тех пор оно издано на кассете, удивительно, но никто этого даже не мог представить тогда, во время моего первого интервью.

Журналисты, вооружившись моим адресом, забрасывали меня письмами и открытками с просьбами рассказать о Джими, о лондонской рок–сцене 60–х, я мешками выбрасывала свою почту. С моей стороны это не было принципиальным решением, просто меня уже больше ничего из этого не интересовало. Всё осталось в прошлом. И я вовсе не хотела рыться в моей юности и перетряхивать пыльные сундуки.

Следующие два года наращивал обороты алкоголизм Рэя. Трезвым он оставался обаятельным, но лез во все мои дела, так что мой свободолюбивый дух даже дома не находил успокоения. Стоило ему напиться, он превращался в злобного ревнивца, и возражал мне во всём. Он был ревнив и считал меня своей

собственностью, как и Джими, с той только разницей, что он был всё время рядом, в то время как Джими подолгу отсутствовал. Я чувствовала себя пойманным зверем, без всяких перспектив на будущее, и стала тихо его ненавидеть.

Однажды Судьба столкнула меня с моей старинной подругой Дон, мы не виделись много лет, и когда она спросила меня, как мои дела, я не выдержала и меня прорвало. Я рассказала, как вышла замуж, как всё пошло кувырком, что хочу уйти, но уйти некуда, что совершила ошибку, но даже не представляю, как её исправить.

— Я снимала квартиру в Западном Кенсингтоне, — сказала Дон, — но сейчас купила дом, и если хочешь, мы можем переписать квартиру на тебя.

— Сколько это мне будет стоить?

— Шесть фунтов и три шиллинга в неделю, но это большая квартира, занимает почти половину дома, есть сад и всё такое.

Квартира оказалась именно такой, какой её описывала Дон, и о какой я всегда мечтала. Так, неожиданно, моя жизнь повернулась к лучшему. И заплатив задаток в 700 фунтов, я получила ключи. Так же как и с Джими, у меня не было смелости сказать Рэю, что хочу расстаться. И я притворилась, что это для нас обоих, хотя считала её исключительно своей. Меня мучили угрызения совести, но одно я усвоила в детстве крепко: я должна иметь свою собственную крышу над головой, а не полагаться в этом на чью–либо помощь. Я убедила Рэя продать дом в Чизвике и мы переехали в Лизгар–Террас вместе. Не особенно то, что я рисовала себе, но двигалась я в нужном направлении.

В это время он пил без перерыва, и я страшно боялась его, когда он приходил домой. Однажды его арестовали и продержали в камере до утра. Это нас поставило в разное положение относительно друг друга, и я могла спокойно подумать о разводе, тем более что родители Рэя были против нашего брака изначально. Я сказала им, что терпеть это я больше не в силах, что он должен съехать с квартиры и подумать над своим будущим, если хочет сохранить моё расположение. Я предупредила его родителей, что если он не бросит пить, брак придётся расторгнуть. Проиграв битву, он переехал к своим. Они надеялись, что они найдут способ вылечить его от алкоголизма, и однажды, трезвого, я приму его обратно. Но у меня такого намерения не было.

Мы остались друзьями, как это всегда случалось с моими бывшими. Но я немедленно сменила все замки, сказав Рэю, что потеряла ключи. И я стала, как кошка, тихо пробираться домой в страхе встретить его по дороге. Противостояние окончилось

только с разводом.

Мы продолжали видеться, но уже как друзья. Он недолго ещё проработал на фирме своего отца, я знала, что у него есть какое–то своё дело, по его словам, очень успешное, хотя я не имела ни малейшего представления, чем он занимался. Пара слов, сказанная им, вот и всё, что я знаю. Если честно, меня уже совершенно не интересовала его жизнь. Никаких подробностей, как бы великолепны они ни были.

— Мы занимаемся импортом–экспортом музыкальных инструментов, — повторял он всегда, и у меня не было желания вникать в подробности. Замечу только, что он всегда разъезжал на шикарных машинах, тратил кучу денег и отправлялся в дальние командировки, предоставляя мне передышки между нашими встречами.

Однажды, когда он и его партнёр, Джим Моррис, были по делам в Америке, мне позвонила Гей, подружка Джими:

— У Рэя неприятности, — сообщила она.

— Ты о чём?

— Он хочет, чтобы ты ему перезвонила. Я дам тебе его номер, но не звони из дома, позвони из уличной телефонной будки.

Я записала номер, судя по нему, это где–то за океаном.

— Где это?

— Гавайи, Рэй всё объяснит.

Постепенно прояснилось, что Рэй в бегах, что он работал на Говарда Маркса, пользующегося дурной славой крупнейшего наркодилера Англии. Рэй вместе с Джимом наполняли наркотиками звуковые колонки якобы гастролирующей группы, и огромная партия контрабанды была обнаружена в аэропорту Лас–Вегаса.

Рэй сказал мне, что во время провала, он, Говард и ещё несколько парней находились в гостинице в Калифорнии. В гостевой книге Говард записан как «мистер Найс (мистер Ништяк), репортёр телевидения», и добавил:

— Одному нашему парню удалось сбежать, оставив пять миллионов долларов. А законникам Невады достался невиданный доселе груз контрабандных наркотиков…

Очевидно, одна из колонок задержалась при отправке в аэропорту Джона ф.Кеннеди в Нью–Йорке, и служебная собака учуяла её на складе. Таможенники перехватили остальное оборудование уже в аэропорту Лас–Вегаса, вынули из колонок наркотики, и дали возможность человеку Говарда получить их со склада с тем, чтобы проследить дальнейший их путь. Однако за получением наблюдал ещё один человек Говарда. Он заметил хвост, поехал за водителем, обогнал его и выбросил перед ним из

окна своей машины смятый бумажный пакет. Это был условный сигнал. Водителем грузовика был закалённый в боях вьетнамский ветеран, он стал кружить, запутывая преследователей. Так он водил их очень долго, пока те не догадались и не схватили его. Остальные члены «группы», рассыпались по всему миру с заготовленными Говардом заранее фальшивыми паспортами и достаточным количеством денег, нужным на первое время. Говард вылетел в Лондон через Нью–Йорк, а Рэй — на Гавайи.

— Я в затруднении, — объяснил он мне. — Я не решаюсь использовать паспорт, который мне дал Говард, боюсь, что меня схватят. Ты можешь приехать?

Всё звучало так, как если просят помощи у друга. Я согласилась. Гей посоветовала лететь через Лас—Вегас, а затем уже внутренним рейсом. В этом случай в моём паспорте не будет отметки гавайской таможни. И они не явятся с «извинениями» ко мне домой.

Я видела Говарда Маркса один раз. По каким–то своим соображениям он пришёл на вечеринку, устроенную в честь моего 28–летия. Мы сняли модный в то время ресторан на набережной напротив площади Дельфина. По–моему он назывался «Слон на реке». Я была поражена, насколько приятным он оказался собеседником, вдумчивым и рассудительным. Несмотря на то, что мы были незнакомы, он счёл за счастье заплатить за всё шампанское, которое неиссякаемым потоком вливалось в наши внутренности в тот вечер. У него был сильный валлийский акцент, который сильно мешал при разговоре с ним, особенно, в самом начале. Но к концу вечеринки мы с ним стали танцевать латиноамериканскую конгу, подняв на ноги всех, даже тех, кого я видела впервые.

Недавно, я оказалась рядом с ним снова на званом обеде, он только что вышел из тюрьмы и планировал написать автобиографию. Я сказала, что завидую его университетскому образованию (у него чуть–чуть не хватило баллов до «Красного диплома» по физике в Balliol College Оксфордского университета из–за того, что слишком много времени тратил на опыты с наркотиками, изменяющими высшее я) и очень рада за него, но он перевёл тему разговора:

— Это всё реникса, — сказал он. — Я просто хотел хоть чему–нибудь научиться, вот и всё.

Я поделилась с ним, что задумала тоже описать свою жизнь, но не уверена, хорошая ли это идея.

— Просто сядь, и начни писать, — обнадёжил он меня, — тебе представился шанс обдумать всё по–новому.

Гавайи. Звучит, как лучшее место, чтобы укрыться от всех, и

моё воображение положение, в которое попал Рэй, рисовало раем с белоснежно–белыми пустынными пляжами, согреваемыми солнечными лучами, и населённым гостеприимными аборигенами.

Рэй купил часть побережья на севере острова Оаху. В начале 70–х эта часть острова была ещё практически неразвита. Среди пустынного берега виднелась громада недавно построенного японцами отеля. В него мы изредка заходили посидеть и выпить. Он был заселён, в основном, сёрфингистами, которых привлекали частые здесь огромные волны, которые они называли «трубопроводами».

Из Рэя так и пёрло проектами. Он купил спортивный кабриолет, но радость катания на нём была омрачена полным отсутствием бензоколонок на острове. И мы вынуждены были всё время заезжать в гараж, чтобы наполнить бак. Была ещё одна причина, омрачающая моё пребывание в этом раю — москиты. У меня аллергия на их укусы. От них было не укрыться, они даже умудрялись кусать меня на скорости, когда я вела машину. Через день я была вся покрыта волдырями.

Мы сошлись с гламурной группой людей, ведущих, как и мы, пляжный образ жизни и живущими здесь на средства от переправки наркотиков из страны в страну. Когда они были не заняты на основной своей работе, они либо катались на волнах, либо лежали на пляже, подставляя солнцу то одну, то другую часть своего тела, добиваясь коричневого загара. Один Бог знает, на что похожа их кожа теперь, но тогда они были цвета полированного красного дерева.

Я с самого раннего детства знала, что моя кожа не выносит прямых солнечных лучей, поэтому они всегда укладывали меня под большим зонтиком, а сами поджаривались рядом, волосы же их выгорали так, что белокурые становились почти белыми. А я привлекала всеобщий интерес своей молочно–белой кожей.

Все наши вечера были заполнены бесконечными пляжными вечеринками: мы ели и пили у огромного костра, разводимого поближе к океану. Так продолжалось несколько недель, но вскоре я затосковала. Большинство девушек никогда не покидало остров, и с ними абсолютно не о чем было говорить, тогда

как мужчины сидели вокруг костра, повязав на головы свои банданы и хвастаясь друг перед другом устрашающего вида пистолетами и полуавтоматическими винтовками, и время от времени разряжали их в воздух, наблюдая за траекториями полёта пуль.

Рэй постоянно истериковал, он трясся от одной мысли, что деньги Говарда когда–то кончатся, а работы в Америке без

специального разрешения или ID было не найти. Он не видел для себя будущего, находясь в Штатах.

После многочисленных споров и взвешивания всех за и против, мы пришли к выводу, что мне необходимо возвратиться в Лондон и переговорить с адвокатом о его положении. Адвокат, к которому я обратилась, не сомневался, что Рэю следует вернуться в Англию и предстать перед судом. Связь с Рэем я по–прежнему поддерживала из телефонной будки на Лизгар–Террас.

Несколько дней спустя, когда я уехала на уикенд, мне позвонила моя подруга Дебби — она жила со мной в квартире:

— Приходила полиция с обыском, — сообщила она. — Перерыли всё здесь, забрали кучу фотографий и ещё что–то из личных вещей. Я им сказала, что не знаю, куда ты ездила, и они просили передать, что ждут тебя в Таможенном Департаменте на Феттер–Стрит.

Я отправилась на Феттер–Стрит. Они хотели знать, что я знаю. Я осторожничала, помня слова Рэя, когда я расспрашивала о его работе и о его коллегах, что чем меньше я знаю, тем лучше. Было ясно, что люди из Таможенного Департамента мне не верили и продержали меня в комнате для допросов несколько часов. Допрашивали меня двое, один очень вежливый, другой грубый — совсем как в кино. Они допытывались, видела ли я Рэя, или, по крайней мере, где он сейчас, но я продолжала настаивать, что ничего не знаю. Они показали фотографии людей, по их предположению, занятых в деле, но я никого не узнала. У них был мой паспорт, и они спросили меня, что я делала в Лос–Анжелесе. Я ответила им, что всего лишь навещала друзей. В конечном счёте, они отпустили меня домой, предупредив, если Рэй будет звонить то, что бы я убедила его вернуться в Англию.

При первой же возможности я рассказала Рэю, всё и он решил, что лучше будет, если он вернётся.

На рассвете мы все встречали Рэя, стоя в пустынном вестибюле аэровокзала. Все пассажиры прошли, но Рэя среди них не оказалось. После нескольких торопливых звонков выяснилось, что в самолёте оказались двойные билеты, и ему была выплачена компенсация в 200 долларов. Его адвокату пришло сообщение, что он летит следующим рейсом. Сотрудники Департамента были раздражены до предела, они не верили ни одному слову из этого. Тогда они через свои каналы выяснили, что он действительно летит следующим рейсом. Рэй прилетел, и я ужаснулась, когда на него надели наручники.

— Снимите наручни! — запротестовала я. — Он же перелетел через всю Америку, чтобы сдаться добровольно! Он не собирается убегать!

Слава Богу, они согласились, и наручники исчезли в чьём–то кармане. Они позволили нам пройти через вокзал обнявшись и дали поговорить, прежде, чем его арестовали и подвергли обыску.

В суде он всё признал, и его приговорили к четырём годам. Судью больше интересовало, что он не платил налоги со своего заработка, чем то, как он умудрялся перевозить такие огромные партии товара через всю планету, что даже и вообразить невозможно. Это было так комично, что в зале даже раздавались смешки.

Его отвезли в Норфолк, и я навещала его там пару раз. Я садилась в автобус на автовокзале Виктория и ехала с жёнами и родственниками заключённых. Это долгое, утомительное и кошмарное путешествие: дети кричали, бегали по автобусу, некоторых рвало прямо тут же, а их матери визгливыми голосами бранили их. И поклялась себе, что так еду в последний раз. На следующий раз, прихватив Дон, мы отправились на её машине и… заблудились.

Должно быть это ужасно, сидеть в камере и ждать, а ты опаздываешь на несколько часов. Но когда Рэй устроил нам ужасную сцену, я решила, что больше не приеду.

Он продолжал писать мне письма. Писал, что мне следует делать, а что нет, и я поняла, что это предел. Он стал жаловаться, что слишком редко я ему пишу. Письма становились всё раздражённее и раздражённее пока, наконец, не написал, что собирается подать на развод и пришлёт соответствующие бумаги мне на подпись. Я сделала, всё что требовалось, и отослала их обратно. Развод прошёл без препятствий, но когда через два года его за примерное поведение преждевременно освободили, Рэй вообразил, что ничего не произошло и мы по–прежнему женаты.

Он написал домовладельцу и обратился с просьбой продолжить аренду квартиры, на основании того, что платил ренту в самом начале. Ему оказали, вежливо объяснив, что контракт был заключён с его бывшей женой. После этого случая мы больше никогда не виделись и не разговаривали. Так я избавилась от докучливого груза.

Глава 10. Ник

Ника я увидела впервые, когда он пришёл к нам в Лизгар–Террас с пачкой писем, адресованных моей компаньонке. Её кузина была его компаньонкой, и письма приходили на его адрес по ошибке. Он был стажёром в какой–то больнице и в его обязанности входило делать анестезию. Он уселся и стал оглядывать наше жилище, все эти ковры, развешанные по стенам платки и драгоценности. Он рассказал, что только что вернулся с Ближнего Востока, и что, в 60–х, будучи студентом, он на каникулы ездил туда покупать разноцветные одежды, всякие аксессуары и украшения, которые потом продавал в модные лавки на Портобелло–Роуд и Кингс–Роуд, в те самые, в которые я любила заходить с Брайаном и Джими. Он сказал, что некоторые из моих шарфов и платков привезены им из Алеппо, из Сирии. Волосы поднимались дыбом от его рассказов, что военные творили в 1967 году на дорогах Сирии и как ловили турецких контрабандистов в Хатайе. Он зашёл ещё пару раз на неделе и мы засиживались до поздна, болтая о том, о сём.

Однажды он позвал меня выпить и я сообразила, что он стал заходить через чур уж часто. Мы пришли в бар на Фулхам–Роуд и я была удивлена, что он знаком с барменом. Бармена звали Джош и он был один из немногих на кого напал Джонни Бриндон и остался жив. Бриндон был известен своей дружбой с принцессой Маргарет и в этом районе пользовался дурной славой за свою жестокость и драки с первыми встречными. Если я заходила в паб и видела, что он там, я пулей вылетала оттуда. Для меня он был настоящим психопатом. Анджела была с ним знакома, и он как–то напал на её парня и разбитой бутылкой ударил ему прямо по яйцам, того срочно пришлось отправлять в больницу, где ему наложили швы. Совсем недавно Бриндон умер от спида.

Домой мы ехали на такси, и Ник положил мне руку на колено. Я поняла, что он пойдёт дальше.

С каждым разом во мне росло чувство к Нику. Меня обезоруживала его интеллигентность, я могла с ним говорить буквально обо всём. Если не считать Маркса, я впервые встретила такого образованного человека. После окончания общеобразовательной школы, он изучал медицину в Кембридже, но вместо того, чтобы чувствовать пропасть в нашем образовании, его индивидуальность всё более меня привлекала, более, чем это было с Джими или Рэем. Он был невозмутим и жизнь свою вёл размеренно. Несмотря на это, мои действия он и не думал контролировать. Временами, у нас возникали разногласия, совсем

как с Джими, но никогда они не наращивали обороты, так как мы обнаружили, что можем просто договориться. Я решила с ним сходить в больницу, когда его срочно вызвали на работу. Я осталась ждать его в ординаторской, и ловила на себе грязные взгляды медсестёр.

Не могу сказать, что прошло много времени, но он переехал ко мне в Лизгар–Террас и мы стали жить вместе. Однажды к нам завалились две экзотического вида арабские девушки из Ливана и заговорили на смеси арабского, французского и английского. Видно было, что с Ником они знакомы давно. Одна из них рассказала нам, что её брата убили палестинцы. Ник сидел с ними на полу скрестив ноги и расспрашивал их о Бейруте, о продолжающихся до сих пор уличных боях, и я поняла, что Ника ситуация на Ближнем Востоке волнует гораздо больше, чем я предполагала.

Ник сутками пропадал в операционной и взял творческий отпуск, чтобы подумать, чем ему заниматься в будущем. Он всегда интересовался морской биологией. У его друзей была во владении группа островов недалеко от английского берега, которые назывались Скалпей, недалеко от острова Скайе. Мы решили отправиться туда вместе с небольшой группой морских биологов из Японии и помочь им на ферме устриц.

Остров площадью всего 40 кв.км оказался дикой ветреной землёй со своим собственным источником чистейшей воды и немногочисленными одиноко–стоящими домами. Мы поселились в одном из них, обшитом дубовыми панелями и похожем на охотничий домик. На острове машин не было и мы ходили пешком или скакали на лошадях, а чтобы добраться на материк у нас было грузовое судно больше похожее на старую военную десантную посудину. Нам приходилось самим выращивать овощи, и когда погода особенно портилась мы пару раз перебирались на материк. Японцы были более находчивы, и питались копчёной рыбой, жареными моллюсками и морскими ежами.

Мы пекли свой хлеб и вечера проводили за кухонным столом и принимали гостей, которые то приходили, то исчезали. Я вполне сносно готовила, поддерживаемая в моих начинаниях всеми, кроме Ника, который, к моему удивлению, готовил ещё хуже меня. Однако он ел всё, как и японцы. Я готовила по рецептам миссис Битон, книгу и всё необходимое я нашла на кухне. Было здорово отвлечься от Лондона, к тому же, это оказалось великолепной возможностью узнать друг друга ближе, было предостаточно времени подумать о жизни и о нашем будущем.

У нас не было телевизора и мы были полностью изолированы

от остального мира. Вечерами мы играли в настольные игры, или удили рыбу до рассвета. Летом здесь нет тёмных ночей.

Ни Ник, ни остальные мужчины на острове ничем не напоминали тех с ружьями, которых я встретила на Гавайях. Они могли всю ночь обсуждать, какого из оленей–самцов следует пристрелить, потому что в стаде были и очень старые, и больные. У них были ружья с оптическим прицелом и они часами сидели в засаде или бесшумно ползли в мокрой холодной глине, исследуя с какой стороны дует ветер, чтобы незаметно подкрасться к намеченной цели и сделать один единственный выстрел. Им было тошно от бесполезной амуниции.

Ник каждый день нырял с аквалангом, проверяя длинные линии корзин, в которых выращивались устрицы. Обычно он нырял вместе с японцами или с Тедом, который жил на соседнем острове. Но однажды мы вышли в море только вдвоём на небольшой гребной лодке с мотором. Он показал мне верёвочные сигналы и исчез в пучине, оставив меня одну замерзать в Атлантическом океане и не показав даже, как завести мотор, чтобы в случае беды, я могла бы доплыть до острова за помощью, если он, вдруг, не появится через три четверти часа. Я почувствовала, как верёвка дёрнулась в моих руках, не зная что там произошло (я моментально забыла всё, чему учил меня Ник), мне на ум стали приходить всякие истории про китов–убийц и о неожиданно надвигающихся шквалах, сдувающих тебя за секунду. Когда наконец, он вынырнул, он никак не мог понять, почему я в ярости на него набросилась.

Однажды мы вдвоём взяли лодку, чтобы отобедать с парой, живущей на соседнем острове. Мы засиделись позже обычного и уже стемнело, когда мы были на полпути к дому. Не было даже луны, которая указала бы нам путь и мы добирались по звёздам. Нас выручил наш гость, который с фонарём в руках, вышел на мол выкурить сигарету. Если бы мы отклонились хотя бы на несколько градусов, мы бы доплыли до Северного Полюса или разбились бы о скалы. Наше счастье, что море было спокойно этой ночью, а Ник хорошо ориентировался по звёздам.

В 1977 году мы решили пожениться. Это была ещё более скромная свадьба, по сравнению с моей первой, только мы и ещё одна пара, которые были нашими свидетелями. Через семь месяцев родился Джеймс. Ник был первым в моей жизни мужчиной, от которого я захотела иметь детей. Я чувствовала себя с ним полностью защищённой и знала, что он никогда меня не бросит. Я никого так прежде не любила, как его.

Я знаю, что родители Ника были несколько разочарованы, когда узнали, что он женился не на «леди». Они показались мне

такими важными в тот день, когда Ник меня с ними познакомил. Он не предупредил меня, что именно может им понравиться. У них был большой усадебный дом в пригороде Честера, обставленный прелестными ближневосточными вещами, с роскошным садом и видом на лес. Я была потрясена, когда под колёсами захрустел гравий перед их крыльцом, и когда нам показали наши комнаты, отдельно ему, отдельно мне. Я была вся на нервах, когда пришло время спуститься к завтраку. Мне его мать показалась очень правильной хозяйкой дома, и я не знала, в чём именно заключались эти правила. Ник же никак не мог понять, почему я так волнуюсь. Я, должно быть, показалась им сначала простушкой, но однажды, когда мы с Ником уже были вместе два года, его мать, прогуливаясь со мной по саду, сказала, что они «очень волновались за меня, когда Ник привёл меня впервые в их дом, но они поменяли свое мнение обо мне, когда увидели какое благотворное влияние я оказала на их сына».

Его отец пригласил нас на церемонию посвящения в рыцари, которая должна была состояться в ратуше, и я была очень смущена, когда мы подошли к королеве и он представил меня ей. Я пожала ей руку, у меня отнялся язык и помутилось в голове. Всё, что я помню, это то, что я подумала, какого же она маленького роста.

Энджи

В те времена, когда мы с Ником только познакомились, Энджи жила с парнем по имени Терри де Хэвилланд, общественным сапожником, который был так великодушен, что берёг её очень тщательно. В 1973 году у них родился сын, Цезарь, год спустя Энджи ушла от Терри, сняла квартиру в Фулхаме и связалась с человеком, который торчал на героине. Соседи сообщили в Опекунский Совет, что ребёнок часто остаётся без присмотра, и городские власти настояли, чтобы Энджи отдала его в школу с продлённым днём.

Энджи дала им мой номер на случай, если они не дозвонятся до неё. Они звонили мне довольно часто и сообщали, что все дети уже ушли домой, а Цезарь всё ещё здесь и никто не знает, где Энджи. К этому времени у меня родился ещё один ребёнок, поэтому один из учителей приводил Цезаря ко мне домой сам, а моя задача была найти Энджи. Служащая из Опекунского Совета предупредила меня, что они будут вынуждены в этом случае взять заботу о ребёнке на себя.

Остальные члены семью Энджи эмигрировали в Австралию в город Перт, но поддерживали со мною связь. Они попросили меня прекратить давать Энджи деньги, справедливо предполагая, что она их тратит на героин. Для меня это стало проблемой, я не

могла ей отказывать ни в чём. Пришлось лгать и говорить, что у нас сейчас у самих затруднительное положение с деньгами.

Она никогда со мной не разговаривала об этом, я же, со своей стороны всегда находила интересные темы для разговора.

Всегда получалось так, как если бы я была ей второй матерью, которая вечно ворчит и недовольна увлечениями своей дочери. Она знала, что я этого не одобряю. Но мне оставалось только вздыхать: «О, Энджи». Сожалея вслух, что смак делает мою подругу агрессивной и разрушает её жизнь и жизнь Цезаря.

«О, Кати, — обычно слышала я в ответ. — Это единственное, что может сейчас мне помочь, но я обещаю, что это в последний раз," — обещания, на которые так щедры все торчки.

Как–то, когда Джеймсу было всего четыре месяца, я после прогулки решила зайти к Энджи. Дверь была не заперта и мы прямо с коляской поднялись к ней. Я окликнула её, но ответа не услышала. Я прошла через неприбранную кухню и нашла её и её парня, стоящими на столе, и склонившимися друг над другом. Ясно было, что ничего кругом не существовало для них в этот момент. На предплечьи — резиновый жгут, а игла со шприцем всё ещё качалась, оставаясь воткнутой в её руку. Повсюду брызги крови. Впервые, как я застала свою подругу в таком омерзительном и безысходном положении.

Я развернулась и унесла Джеймса прочь. На душе было горько от того, что такую замечательную и весёлую девушку, с которой я познакомилась на её 17–летнем дне рождения, я нашла в такой грязи. У неё всегда была склонность к приключениям, связанным с риском, для неё не существовало ограничений и делала такие вещи, которые мы обе знали, насколько они глупы и опасны, многие отговаривали её, но это только разжигало её любопытство. И теперь я увидела, как далеко она смогла уйти.

В её поведении было для меня много непонятного, потому что ничего, что бы предсказывало это, не было в её семье. Ничего, что предвещало бы, что она сойдёт с рельс. Её семья это — очень милые отзывчивые люди. Если Судьбой и было предначертано кому–нибудь окончить жизнь в канаве, так это мне и моему брату Джону, но такое даже и не снилось любому из нас. За всю мою жизнь у меня так и не было лучшей подруги, чем Энджи, но теперь у меня были Ник и Джеймс и я не хотела, чтобы кто–нибудь вовлёк нас в свой водоворот. Я понимала, что отношения наши скоро прекратятся. Я по–прежнему любила её, и не думаю, что у меня когда–нибудь будет ещё такая подруга, как она. Я поняла, что нашим жизням теперь идти параллельно, так иногда бывает между старыми друзьями, но от этой мысли мне становилось грустно.

Хотя мы продолжали перезваниваться, её, стоящую тогда на столе, совершенно бессознательную, я видела в последний раз живой. Мы обе вместе одновременно дошли до жизненного перекрёстка, но выбрали разные дороги. Её семья убедила её переехать в Австралию поближе к ним, подальше от людей, с которыми она связалась в Лондоне. Она выдержала битву с австралийским посольством, хотя её и грызли сомнения, правильно ли она поступает, но, в конце концов, она уехала. Я стала регулярно получать от неё письма с рассказами о себе. Она рассказала, что встретила солиста из группы INXS, звали его Майкл Хаченс и у него были необычные сексуальные запросы, но более всего он её удивил, когда спросил, как это быть «цветной». Этим вопросом он её уложил на обе лопатки. Ей никогда в голову не приходило, что она может быть «цветной».

Звучало так, как если бы всё прошло гладко. Цезарь стал жить у своей тётки Бетти, а Энджи соскочила с героина. Она кого–то встретила и они поженились, хотя я очень сомневаюсь, была ли она разведена с Эриком. Но такие мелочи не волновали Энджи. Но не так долго она наслаждалась своим новым мужем, встретила какого–то парня, звали его Стив, который тоже недавно покинул Англию. Она влюбилась и у них родилось двое детей. Недавно я смогла все эти события связать воедино. Как выяснилось, она начала сильно пить, поскольку стала снова торчать. Она продала даже холодильник, так необходимый в жарком климате. Мать купила ей новый, но когда Мэвис навестила её на следующей неделе, его уже не было, Анджела успела и его продать за четверть его стоимости.

— Все мои соседи, добропорядочные граждане, говорят нам, чтобы мы не давали ей денег, — жаловалась мне Мэвис со слезами на глазах, смятение и тревога за свою хорошенькую младшую дочь были написаны на её лице, — но тогда ей не на что будет купить еды.

Как и прежде Энджи арестовали за хранение, в тюрьме она вела себя примерно, писала мне письма, начинающиеся словами: «Моя дорогая подруга, это снова я», а далее следовали обещания избавиться от дурных привычек. «Мы со Стивом решили избавиться от них вместе," — написала она мне в последнем письме.

Стив, как я узнала позднее, встретил кого–то, ушёл от Энджи и забрал детей. В декабре 1992 года между ними разразился кухонный скандал, Энджи напала на него с кухонным ножом, он тоже схватился за нож, чтобы защитить себя, и началась драка. Его нож вошёл в грудь Энджи и, по словам её матери, «отрезал 6 дюймов её аорты». Она умерла мгновенно. В свою защиту Стив

сказал, что это было преступление на почве страсти и его приговорили к четырём годам. Дети остались с родителями Стива, поскольку, хоть мать Энджи и чувствовала себя хорошо в свои 70, сил взять ответственность за них на себя у неё не было.

«Кати, — часто говорила мне Энджи, — ты всегда была более благоразумна, чем мы все," — и, удивительно, она оказалась права. Я была с ними в Нью–Йорке, но я бежала от них. Я не хотела такого конца, как Брайан, как Джими, как Кит, как Энджи и как все остальные, кто пытался сбежать, спрятаться от себя с помощью наркотиков. Я всегда была более консервативна. В то время, когда они рядились в слои воздушного шифона или в средневековые платья и драгоценности, вплетая в волосы цветы, я носила простые платья и туфли. Мне всегда нравилась простая одежда. Наркотики меня просто не интересовали.

Все эти годы, пока на другой половине нашей планеты разыгрывалась драма, главной героиней которой стала моя подруга, я строила свою жизнь с Ником. Мы переехали в Илинг, там родился наш второй сын, Вильям. Ник отошёл от своей хирургии и стал практикующим врачом. Теперь я респектабельная докторская жена и мать двоих чудесных мальчишек.

Я обнаружила, что с рождением детей я стала больше понимать отца. Я стала представлять, как увижу его снова, я хотела увидеть его пока не поздно, если, конечно, ещё не было поздно.

Перед моим совершеннолетием моя бабушка написала ему, что он должен, что–нибудь мне подарить. Она знала, что он только что продал наследственную землю, и у него были деньги. Он сообщил Чёрной Нане, что собирается сделать мне подарок, но хочет вручить мне его лично, после стольких лет как мы жили врозь. Я очень разволновалась и написала ему, что была бы счастлива повидаться с ним. Он ответил мне и написал, что приедет 8–ми часовым поездом на вокзал Кингс–Кросс.

Мы с Энджи поехали на вокзал. Поезд пришёл вовремя, но отца в поезде не было. Не приехал он и на следующем. Мы встретили ещё несколько поездов. Бродя по вокзалу, и тщетно ещё на что–то надеясь, я испытала дикое одиночество. Это же был мой 21–й день рождения и никто из моих родителей не приехал и не поздравил меня. Чувство заброшенности, так знакомое мне с детства, нахлынуло на меня с новой силой. Я так хотела увидеть, как он сходит с одного из этих поездов! Но он не приехал.

Несмотря на все эти эмоциональные барьеры, я росла с 10–и лет одна, я билась, чтобы стать человеком. Я была уверена, что он это сделает ради меня, но он не приехал. Я не могла найти ни одной причины, почему он не приехал. Что это, перепад

настроения? Мы с Энджи поехали в Сент—Джеймс и опустошили бутылку виски на двоих. Мне не нужно было объяснять ей, что я чувствовала в тот момент, она понимала меня лучше, чем я сама себя понимала. Утром я взяла папку с завязками, положила туда свою боль и, поставив на полку, отправилась на работу, как ни в чём ни бывало. С тех пор я о нём ничего не слышала.

Прошло почти 20 лет и я решила, что пришло время ещё раз попробовать встретиться с ним. Но у меня не было никаких идей, где он может быть теперь и вообще, жив ли он. Помню, кто–то из нашей семьи говорил, что слышал, что он в Ирландии с жестянщиками, но с тех пор многое могло измениться. Я послала запрос в Армию Спасения, они переслали его в СОБЕС. Я написала моей тёте Катлин. И получила ответ с его адресом почти одновременно и от тёти, и из министерства. Он жил у одной семейной пары по фамилии Мёрфи, поэтому я написала в письме к нему, чтобы он заботился о них.

Я получила письмо от Сейди Мёрфи, в нём она сообщала, что мой отец много лет назад пришёл к ним и они пустили его к себе в дом, и что он живёт у них до сих пор. Это как если бы они его усыновили, объяснила она мне, а дальше, в это трудно поверить, пишет, что он лёгкий, милый человек. Пишет, что у них нет телефона. Так мы обменялись парой писем. Я послала их адрес моему брату Джону, и он им тоже написал. В конечном счёте, мы с Ником сели на самолёт и отправились в Ирландию с намерением забрать его к себе и показать ему внуков.

Мы нашли его в углу передней, сидящим в кресле среди вороха старых газет, которые, судя по виду, он собирал все эти двадцать лет. Мёрфи поставили специально для него кресло в саду, чтобы он мог пересматривать свои газеты на свежем воздухе в течение всего лета. Мы взяли его с собой и прокатились до Росслари, кажется, он всё же был рад видеть нас, хотя, как обычно, ничем не выказал свою радость. У не было и малейшего желания вспоминать прошлое и мы не настаивали. Он с интересом выслушал, что Лил жива, что до сих пор живёт с Томом, но только потому, думаю, что это всё уже в прошлом. Через несколько лет умер Билл Мёрфи, но отец продолжал жить в их доме, мирно уживаясь с Сейди. Джон виделся с ним часто, не то что я, но я писала ему каждый раз, как вспоминала о нём.

Мы с Ником переехали в очень миленький дом в Строберри—Хилл и я стала подумывать не вернуться ли мне на работу, ведь Джеймс уже подрос. Я просмотрела объявления о приёме на работу и выбрала одно. Я купила себе строгий костюм, так называемый «костюм деловой женщины» и стала выглядеть, как женщина, строящая себе карьеру. Я открыла для себя, что ходить

на работу даже интересно, и через несколько месяцев нашла себе более активную работу менеджера, совершенно не ожидая к чему она меня приведёт. Однажды получаю, как обычно, конверт, а в нём совершенно другие деньги. Наш руководитель, достаточно пожилой человек, попрощался со мной и сказал, что продал своё дело Пруденциалу, и что они решили назначить меня главным менеджером. Когда в конце 80–х многие фирмы стали закрываться, наша фирма выдержала кризис, но мне пришлось стать просто менеджером, так как мы слились с Эббей Националь.

В начале 90–х Ник, разочаровавшись в своей работе практикующего врача, решил поменять специальность. Его всегда интересовали психические и физические возможности человека и он нашёл себе работу в Департаменте Социальной Безопасности, в качестве эксперта по психическим и физическим расстройствам. Мы переехали за город и я решила на некоторое время бросить свою работу в офисе.

К этому времени мальчики подросли и мои 60–е казались мне далёкой сказкой. Как и прежде, когда я слышу в новостях, что–нибудь из тех лет, на меня накатываются воспоминания, как это было с убийством Джона Леннона. Я была на кухне, когда услышала это печальное известие по радио. Я вспомнила Джими, облеплённого поклонниками и раздающего автографы. Такое хладнокровное убийство привело меня в замешательство, это же не такая смерть, какую нашли себе Брайан, Кит и Джими. Майка Джеффери тоже не было в живых, он погиб в авиакатастрофе. Возвращаясь из Испании авиакомпанией Иберия, их самолёту подрезал крылья военный истребитель во время забастовки французских авиадиспетчеров, и все, кто был на борту, погибли.

Я всё ещё поддерживала отношения со всеми с кем была знакома в те годы и мы подолгу болтали по телефону, вспоминая те времена, но в целом, я мало думала обо всём этом, пока однажды, всё не изменилось.

Глава 11. О том, как мы убивали Джими Хендрикса

Семена событий, о которых я хочу рассказать, были посеяны ещё в 1981 году, когда кто–то позвонил мне и сказал, что хотел бы мне подарить экземпляр книги под названием 'Scuse Me While I Kiss the Sky, биографию Джими, написанную неким Дэвидом Хендерсоном, который вроде бы покинул Англию.

— Возможно, она вас заинтересует, — голос в трубке звучал приветливо.

Я отправилась в книжный магазин в Илинге, и они мне протянули экземпляр книги. Определённо, это было мне интересно. Дэвид Хендерсон был активистом левого крыла борцов за права чёрных американцев. Начала читать и поняла, что для белых начались трудные времена.

Когда автор дошёл до меня, то в сильных выражениях дал понять, что я постоянно торчала на кислоте и что, именно я, спровоцировала увлечение Джими кислотой и алкоголем. «Кислота и алкоголь, — пишет Хендерсон, — переместили Джими в другое место.» Как я понимаю, этой фразой он хотел сказать, что кислота и алкоголь убили его. Я почувствовала, как гнев стал просыпаться где–то внутри меня. Не могу сказать, что всё, о чём он пишет полное враньё. Это было бы ошибкой с моей стороны. Допустим, это так, тогда все люди по всему миру, для кого дорога память о Джими, могли бы собраться и отомстить тому человеку, если бы они были убеждены, что тот виновен в смерти Джими. И какому–нибудь психу было бы не трудно узнать, где я живу.

Там было ещё многое написано обо мне, но когда он начал рассказывать о Монике Даннеманн, девушке, с которой был Джими в ночь смерти… Я не знала её, пока не прочла её имя в газетах на следующий день после смерти Джими. До 1981 года я практически ничего не знала о ней. Фактически автор обвиняет её в смерти Джими, говоря, что она недостаточно внимательна была к нему в последние часы его жизни. Оказалось, это мы обе, белые женщины, виновны в том, что мы развратили Джими и довели его до могилы.

Я поняла, что должна что–то сделать, и уверена, Моника чувствовала тоже самое. Я решила переговорить с ней по поводу этой книги, но никто, кого я знала, не был с ней знаком, и я не была уверена, смогу ли я её вообще найти.

Я решила поместить небольшое объявление в Evening Standard, основной лондонской газете, в котором просила её

связаться со мной. Объявление напечатали, и через несколько дней я получила письмо из адвокатской конторы, где говорилось, что они представляют интересы Моники Даннеманн и она просит прислать им подтверждение, что я именно та, которая поместила объявление. Я выполнила их просьбу, и ещё написала, чтобы они передали ей, знает ли она что–нибудь про эту книгу и если знает, намеривается ли предпринять какие–либо шаги.

Скоро Моника связалась со мной и предложила встретиться. Я пригласила её приехать к нам в Илинг и также позвала Ноэла и Мича, чтобы мы все вчетвером смогли обсудить книгу, главными героями которой мы были.

Ноэл и Мич приехали первыми и мы все расселись в эркере, поглядывая на окно, скоро ли появится такси на дороге. Мы все трое напряглись, не веря глазам своим: кто–то вышел из такси и стал расплачиваться с водителем. Женщина была одета исключительно экстравагантно, в стиле Джими, будто не прошло 10–и лет со дня его смерти и мода 60–х не низверглась в глубины исторических книг, но теперь, в лучшем случае, вызывает только улыбку. Расклёшенные брюки из мягкого бархата, широкий ремень и кофточка с воланами и рукава а-ля Том Джонс. Она выглядела как потерявшийся осколок 60–х.

Мы вели дружеский разговор, она рассказывала, как умер Джими. Мы все сидели за круглым обеденным столом в углу гостиной. Она поставила на стол диктофон и спросила, не будем ли мы против, если она будет записывать наш разговор, потому что её английский не настолько хорош, и это поможет ей в будущем что–то заменить.

— Я сделаю две записи, — обещала она, — я дам вам копию.

Это нам показалось очень разумным, её английский был ужасен.

Как только она заговорила, у нас, у Ноэла, у Мича и у меня, как по команде, открылись рты, настолько тяжеловесным оказался её немецкий акцент. Она рассказывала, насколько невнимательными были санитары скорой, какими расистами оказались врачи, которые, так, между прочим, убили Джими. Она рассказала, что Джими совершенно не мог спать в её подвальном этаже отеля Самарканд в Ноттинг–Хил–Гейт и как она дала, чтобы он хоть как–нибудь заснул, своего немецкого снотворного (веспаракса). Но оно не действовало, тогда она дала ещё несколько таблеток, потому что «они очень слабые». Сказала, что по её подсчётам, он проглотил девять таблеток.

Она рассказала нам, что сразу позвонила в скорую, как только не смогла его разбудить утром. Она поехала вместе со скорой и видела, как санитар, посадив Джими, не проследил, что

у него голова наклонилась вперёд, пока он собирался его уложить. Приехав в больницу, к Джими никто из врачей не подошёл, ведь он был чёрным, и он умер, сидя в чём–то напоминающем кресло дантиста. Дежурный врач, с возмущением сказала она, был не только некомпетентен, он оказался ещё и расистом.

Ноэл, Мич и я сидели, не проронив ни слова, ошеломлённые услышанным. Её рассказ шокировал. И если так оно и было, а нам не было причин сомневаться в словах этой женщины, это было худшее из крикливых сокрытий нашего правительства и лучшее из чудовищно фальсифицированных дознаний.

Когда наши общие излияния иссякли, она спросила разрешения поговорить со мной наедине, она хотела задать мне несколько очень личных вопросов о Джими.

— Ну, что ж, если это так необходимо, — я была удивлена, почему она на этом настаивала, но я была в большей растерянности из–за парней, которые подняли такие серьёзные взрослые темы и в волнении мерили шагами гостиную. Но я недолго беспокоилась. Она оказалась милой, безвредной, но не в меру эксцентричной. Она зарядила новую плёнку и посыпала вопросами о всех сторонах характера Джими, её интересовали даже мельчайшие детали, а Ноэл и Мич уселись за стол и продолжили беседу.

— Что из еды больше всего любил Джими?

— Какое вино было его самым любимым?

— Куда вы ходили?

— Что вы делали, оставаясь вдвоём?

— О чём вы говорили?

Вопросы сыпались, я старалась ответить подробнее, и в то же время мне было интересно, о чём беседовали ребята. Когда она уехала, мы все пришли к одному выводу: мы познакомились с самой чудаковатой женщиной на планете.

Со временем я узнала много нового для себя от Ноэла и Мича, например, что рядом с Джими обязательно была какая–нибудь хорошенькая, но с очень большими странностями, девушка, когда они были вдали от дома. Он как будто совершал над собой какое–то ритуальное насилие. Каждой ночью ему, по их словам, нужна была новая, чистая душа. А ребята, с которыми он ездил на гастролях рассказывали мне, что он водил в свой номер стада психичек и уличных женщин, а потом, в гневе просил помочь вышвырнуть их вон. Похожую ситуацию я уже видела с моей Энджи и с её подругой (хотя они определённо не были уличными женщинами) в Лондондерри. По словам Ноэла, он стал свидетелем того, как Джими кинул в девушку кирпичом.

Возможно, его гнев, обращённый на женщин, был своеобразной местью за себя, или возможно, он такой же, как многие мужчины, которые поступают так, как если бы они были обманутыми или разочарованными. Все эти рассказы укрепили мои догадки, что к концу своей жизни Джими изменился до неузнаваемости. Стал раздражительным, необязательным, вздорным.

Мы пришли к выводу, что Моника — одна из этих случайных группиз, но которая имела несчастье быть там в ту ночь, когда произошло непоправимое. И неясно, намерена ли она постараться остановить книгу, из–за чего собственно я и искала её. Поэтому я решила действовать самостоятельно. Такие, как она, не внушают мне доверия, и я не стала предлагать ей действовать сообща.

Но она прислала нам приглашение навестить её в Сифорде на Южном Побережье. Так получилось, что бабушка и дед Ника жили недалеко от Сифорда, поэтому, когда мы в следующий раз поехали к ним, мы позвонили ей и она пригласила нас на чашку чая. Как только мы вступили в её дом, сработала сигнализация. Моника, как выяснилось, представляла себя в роли хранителя реликвий Хендрикса. Все стены были увешаны картинами с портретами Джими, которые, по её словам, она сама написала.

Она сразу стала спрашивать Ника про какие–то таблетки, которые прописал ей доктор, но которые она боялась принимать. Она показала их Нику и стала про них расспрашивать. Он объяснил ей, как бы доктор решил, что ей следует их принимать, если бы он не знал, что это за таблетки. Я уже встречала такие, это было сильнодействующее успокоительное.

Ник поболтал с ней ещё некоторое время и потом сказал, что нам пора домой, и мы обещали звонить.

— Звоните в любое время, — сказала она своим монотонным меланхолическим голосом и добавила, — только не звоните в полнолуние. В полнолуние я занята, в полнолуние мы с Джими общаемся. Мы вместе выходим в астрал.

— Хорошо, Моника, мы будем это иметь в виду, — сказал Ник и мы направились к выходу по садовой дорожке, но не так быстро, как хотелось, а как этого требовали приличия.

Решив окончательно, что если я соберусь что–либо предпринять по поводу этой книги, то буду действовать самостоятельно. Я навестила своего адвоката и рассказала ему, что хочу, прежде чем книга будет опубликована удалить из неё ту часть, где говориться, что именно я привела Джими к смерти. Мой адвокат добился запрещения публикации книги в Англии. И когда через 10 лет она всё же была переиздана, та часть главы, где говорилось обо мне, была изъята. Материал же, связанный с Моникой остался на прежнем месте.

Тем временем Моника, связавшись с журналистами, высказала некоторые соображения в пользу задержки книги и тоже потребовала остановить публикацию книги, в которой автор описывает события, связанные с ней. Раздражало то, что она говорила несусветную ложь, но это не казалось хуже того, почему мы решили уже тогда, что она совершенно оторвана от реальности. Для меня это выглядело, как если бы мы решили эту проблему и я бы вернулась в мою пост-Хендриксовскую жизнь без всяких печальных событий, которые происходили со мной почти точно десять лет назад.

Наш с Ником обед подходил к концу, когда раздался звонок, звонил Ноэл Реддинг из Ирландии, где он в это время жил. Он был в ужасном состоянии и со слезами на глазах.

— Мне нужна твоя помощь. Я разбираю писанину Моники Даннеманн.

— Зачем? — спросила я.

— Ну, — стал он объяснять, — я написал книгу. Я написал, что после той ночи, когда Джими нездоровилось и он умер, Моника вышла за сигаретами. Её вирши сообщают, что я обвиняю её в невнимательности.

— Не знаю, чем я тебе могу помочь, — сказала я, — но дай мне время и я тебе перезвоню.

Мне вспомнился тот вечер, лондонское Hard Rock Cafe и Ди. Ди, подружку Мич Мичелла, я там встретила пару недель спустя после того, как Мич окончил писать свою книгу (книги о 60–х тогда появлялись чуть ли не каждые несколько минут). Ди развеяла мою скуку, но с тех пор я не видела Мича много лет, поэтому я решила повидать старых друзей снова. Ди рассказала мне, что полное имя её Диана Бонэм–Картер, и она член известной английской аристократической семьи. Она оказалась очень забавным и остроумным собеседником. Среди всего прочего она успела мне сказать, что работала однажды научным сотрудником Би–Би–Си.

Мне повезло, она оказалась тем человеком, который как раз был мне нужен, она трезво оценивала всё, что было связано со смертью Джими. Возможно, с её помощью можно будет найти тех санитаров со скорой и доктора, дежурившего в тот день и, может быть, они смогут пролить свет на некоторые вещи.

— Хорошо, но у нас с Ноэлом испортились отношения, — сказала она мне, — но всё равно я рада помочь, чем смогу.

Она сдержала слово, и через неделю, или чуть позже мы снова встретились и она передала мне ниточку, ведущую к санитарам скорой, которых в течение 20–и лет никто не расспрашивал о событиях того утра.

— Я начала со всех станций скорой помощи того района, — объяснила она мне, — и они отослали меня в архив сотрудников, вышедших на пенсию. Там мне помогли найти одного из тех, кто тогда работал, звали его Рэг Джонс, и я позвонила ему.

Он сказал, что отлично помнит тот случай.

«Но когда мы прибыли на место, тот малый уже был мёртв. Он не умер в машине," — объяснил он мне.

Ди спросила его, не будет ли он так любезен принять приглашение на обед с нами и продолжить разговор, на что он с готовностью согласился.

У Ди не было машины, и я заехала за Рэгом на своей. Мы приехали в паб, единственный, который мы знали в Холланд–Парк. Ди уже была там и ждала нас. Он рассказал, что недавно похоронил жену, и живёт одиноко со своим пуделем. Всю дорогу, казалось, он чувствовал себя штурманом скорой, не переставая давал указания своему водителю и следил за обстановкой на дороге: «Грузовик справа, женщина пытается перейти улицу в 15–и метрах впереди, перекрёсток, машина впереди поворачивает направо, светофор, сейчас загорится красный…»

Когда мы, наконец, добрались до паба, он казался удовлетворённым моими водительскими навыками и произнёс:

— Ну, что ж, для женщины, ты не плохо водишь машину.

Мы сели за стол и Рэг начал свой рассказ:

— Когда мы приехали на квартиру, дверь была распахнута. Тело лежало на кровати, покрытое рвотой всех цветов, и чёрная, и коричневая. На нём, на подушке. Он уже не дышал. Я вернулся в машину, принёс аспиратор. Мы старались его вернуть, но наши усилия были тщетны. Рвота уже засохла, создавалось такое впечатление, что он лежит так уже давно. Сердце не билось. Он был весь синий, дыхания не было, реакции на свет, на боль тоже. Мы связались по рации с полицией, уверенные, что он мёртв, и сообщили им, что обстоятельства смерти очень странные. Прибыли двое молодых полицейских и сказали, что его следует отвезти в больницу.

— Это обычная процедура? — спросила я.

— Нет. Честно говоря, им не следовало этого делать, но они не хотели провести весь день, заполняя разные формы. Мы уверили их, что отвезём тело в Департамент Несчастных Случаев. Но никто из нас не знал, что это был Джими Хендрикс, пока мы не прочли о его смерти в вечерних газетах.

Что обычно делает полиция, если они обнаруживают мёртвое тело — они сообщают в Департамент Несчастных Случаев. Но для них это был всего лишь ещё один мёртвый наркоман в Ноттинг–Хилле. Будь Джими в отеле Камберленд, где его знали все,

история была бы другой.

Рассказ Рэга почти полностью противоречил всему, о чём рассказывала Моника. Она сказала, что сопровождала Джими до больницы. Рэг утверждает, что в квартире никого не было, тем более никого не могло быть ни в машине, ни в больнице и что Джими был уже мёртв, когда они приехали по вызову. Нам положительно необходимо был другой санитар скорой. То же ли он расскажет или память Рэга заволокли облака времени. К сожалению, Рэг только помнил, что в тот день его напарник заболел и на выезде он работал с другим. Он помнил только то, что звали его как–то необычно, вроде Суал.

Ди снова позвонила в архив и спросила, не работал ли у них кто–нибудь с именем Суал. Человек, на другом конце провода сразу перешёл к делу:

— Сейчас, я только взгляну в мои записи, — произнёс он, — здесь есть человек с похожим именем. Его фамилия Суау.

На запрос, отправленный в адресное бюро, ответили, что в Лондоне проживает только один человек с такой фамилией, но он является отцом того человека, которого мы ищем. Я позвонила ему.

«Мой сын сейчас живёт в Ашби де ля Зуш, — сказал голос в трубке, — я дам вам его номер, позвоните ему.»

Ди позвонила ему, а я весь разговор слушала по второму телефону. Она задала несколько вопросов, те же, что мы задавали Рэгу. Его ответы были вточь как у него. Он подтвердил рассказ своего партнёра полностью. В конце беседы Ди произнесла:

— А вы не помните блондинку, которая там была? У неё длинные, серебристо–светлые волосы и немецкий акцент.

Последовала продолжительная пауза и затем он сказал:

— Даже телефон не звонил. И не помню, чтобы там кто–нибудь был.

Теперь мы убедились, что версия Моники, из каких–то соображений скорректирована в её пользу, и мы поняли, что нам нужно всем собраться и обсудить, прежде чем связаться с её адвокатами. Миф об обстоятельствах смерти Джими, такой привычный за все эти двадцать лет, и проникший во все издания и энциклопедии, испарился. И узел начал постепенно распутываться перед нашими глазами.

Следующий шаг, который мы предприняли, это был поиск тех двоих полицейских, который доказал всю трудность нашего начинания. Со временем мы выяснили, что один из них, ныне видный политический деятель в Эйлисбери, уже давал интервью рок–журналистам о том утре в Ноттинг–Хилле. Мы сели на поезд, и его рассказ был как две капли воды таким же: Джими был мёртв

уже в отеле. Да, он был не один, но не помнит имя напарника.

Патологоанатома Дональда Тира, который делал вскрытие, уже не было в живых, и нам пришлось разговаривать с его коллегой. Доктор Руфус Кромтон, декан кафедры судебной медицины медицинского училища Св.Георга работал с профессором Тиром. Мы показали ему копию отчёта вскрытия и он сказал, что, по его мнению, Джими был мёртв.

— Он умер от большого количества таблеток снотворного, — заверил он нас. — Совершенно очевидно, что рвота и вдыхание рвотных масс только приблизили смерть. Печень была так увеличена, что вообще странно, как он ещё жил. Он не мог дышать, потому что лёгкие были наполнены жидкостью. Что заставило вас думать, что он проглотил 9 таблеток?

— Девушка, которая была с ним, она рассказала нам, — объяснили мы.

— Ну, — сказал доктор и вид у него был очень смущённый, — я бы сказал, что вам и пяти таблеток было бы много, но если хотите, я могу уточнить у специалиста, какая доза может убить.

Ди сообщила мне, что специалист сказал ей, что наверняка никогда нельзя на это ответить. В одном случае может хватить и четырёх, а в другом и девяти не хватит.

Снова картина полностью поменялась. Вместо проглоченной безответственной рок–звездой горсти таблеток снотворного, которую жадные журналисты обсасывали все эти годы, оказалось, он мог умереть и от нескольких штук. Моника сказала, что это снотворное очень слабое. Если это верно, то он мог взять четыре–пять, чтобы только заснуть.

Я перечитала автобиографию Эрика Бёрдона, особенно то место, где он описывает события того утра. Ронни Мани дала мне экземпляр книги, когда я навестила её однажды. Он писал, что Джими играл с ними джем в клубе у Ронни Скотта на Фрит–Стрит тем вечером, накануне смерти — не факт, это могло быть и несколькими днями ранее. Эрик пишет далее, что Моника звонила ему и его девушке Алвинии ранним утром и сообщила, что Джими так обкурился, что она не может его разбудить. Эрик посоветовал дать Джими горячего кофе и побить по щекам и отправился обратно спать. Только он задремал, опять зазвонил телефон под ухом, и опять звонила Моника и он сказал ей, что надо вызвать скорую. Она запротестовала, так как в квартире были наркотики. Он приказал ей избавиться от них, и сразу звонить в скорую. Он сказал, что сам приедет так скоро, как сможет, Алвиния собралась ехать с ним. Он написал, что они с Алвинией приехали, как раз как уехала скорая. И что Алвиния и Моника обе ревели. Я позвонила Эрику, и попросила рассказать

подробнее, записывая разговор, так чтобы я смогла проиграть его для Ди.

— Ну, — сказала я, — так что на самом деле произошло тем утром, Эрик? Где был Джими, когда вы туда приехали?

— Думаю, я видел, что Джими лежал на кровати, — согласился он, — но я не смотрел туда, потому что был грандиозный беспорядок.

Он рассказал мне, что «вместе с Терри Пилюлей (его роуд–менеджером) старались прибраться до приезда скорой, чтобы те не обнаружили компрометирующие доказательства. В это же время, чуть позже пришёл Джерри Стикеллз и был как раз вовремя. Многое нашли и смерть Джими более смахивала на чёрную комедию, герои которой пытаются прибраться в комнате человека почти несомненно мёртвого.»

Я никак не могла понять одного, о чём говорил по телефону Эрик с Моникой между 6 и 6:30 утра? И почему скорая была вызвана только в 11:18? И что делала Моника все эти 5 часов? По её словам она вышла за сигаретами. Не слишком ли долго она ходила за сигаретами?

Ничто, из случившегося тем утром, и описанного в официальных изданиях, основанных на «достоверных и проверенных фактах», не было похоже на правду. Мне казалось, что мы собрали достаточно данных, чтобы провести собственное расследование. Я привела в порядок услышанное и послала эти документы прокурору, с пометкой, что расследование, проведённое 20 лет назад, основано на показаниях одного человека, Моники Даннеманн, а все остальные люди, кто был в то утро там, рассказывают совершенно другое. Я уточнила, что Моника обвиняет санитаров скорой и врачей из больницы в его смерти, и если это так, а из официальной версии это очевидно, то необходимо было возбудить дело против них. Параллельно мне хотелось, чтобы спала тень с этих добрых имён. Мне совершенно не нравилась компрометирующая всю систему здравоохранения идея, что Джими Хендрикс умер по халатности врачей, тогда когда совершенно ясно, что это не тот случай.

Я хотела, чтобы Моника пересмотрела свои обвинения. Прокурор передал документы в 1–й отдел Сколенд–Ярда (SO1). Мне позвонил человек и представился начальником Следственного отдела Дугласом Кэмпбеллом. Голос его звучал по–отечески. Он сказал, что хочет со мной переговорить и предложил встретиться в пабе. Он оказался отзывчивым, понимающим и располагающим к себе человеком. Похоже, был ещё кто–то рядом, связанный с прессой, потому что буквально через несколько дней в газетах появились чудовищные догадки о

событиях 20–летней давности.

Мы не хотели, чтобы знали, что Энджи уже нет, так как она была на той вечеринке накануне смерти и могла быть главным свидетелем. Если бы Моника узнала, что она уже не может выступить свидетелем, она бы почувствовала себя много комфортнее. Когда журналисты пришли к Час Чандлеру, он, к их разочарованию, не мог сказать ничего, кроме того, чтобы успешно проговориться, что Энджи уже нет. Газеты тут же это опубликовали и детектив Кэмпбелл подумав, что это я выдала наш секрет, позвонил мне. Могу сказать, он метал молнии. На следующий день он выяснил, кто разболтал нашу тайну, но я уже была взвинчена из–за того, что он посчитал, что я сделала это.

Кэмпебеллу было уже много лет, без пяти минут пенсионер, и у него не было ни малейшего желания тащить свои кости через океан в Америку, чтобы самому допросить Эрика. Он попросил агентов ФБР сделать это для него. Но когда ФБР постучались в дверь Эрику, он, естественно, их не впустил к себе и не стал с ними говорить. Думаю, если бы на их месте оказались англичане, они были бы много успешнее. Не было среди них человека, кто добился бы результата. Сотрудники 1–го отдела были самыми странными полицейскими, каких я только встречала. Они все были из отдела по международным преступлениям. Кэмпбелл ездил на с виду совершенно обычном фольксвагене, но в машину, очевидно, был поставлен сверхмощный мотор и вмонтированы разные причудливого вида рации и радиоприёмники. Его люди похожи были на команду регбистов со сломанными носами и порванными ушами, но у всех у них были дипломы исторических и философских факультетов, все говорили по–испански, по–арабски, даже по–русски. И если они не испугали ни одного международного преступника, то они определенно напугали меня.

Когда она узнала о происходящем, Моника потеряла человеческий облик. В начале нашего расследования она говорила нам, что всегда думала, что в смерти Джими было что–то таинственное, потом, почувствовав, что её поймали на лжи, стала обвинять меня в том, что я хочу заново изобрести смерь Джими. «Почему, — хотела бы она узнать, — Кати заговорила после 20–ти лет молчания?»

Несмотря на то, что ни Эрик, ни Алвиния не стали разговаривать с полицией и, несмотря на то, что Джерри Стикеллз отказался добавить что–либо к его предыдущим показаниям, Тэрри Пилюля сделал заявление подтверждающее, что он был на квартире и зарывал наркотики в саду. Но он сказал следователю, что приехал уже тогда, когда скорая уехала, мне же

говорил, что был там, когда Джими ещё лежал в постели, «как кастрированный». Также он сказал следователю, что когда скорая уехала, Моника осталась с ним, что полностью противоречило её рассказу о том, как плохо обращались с Джими врачи скорой во время поездки.

Сотрудники 1–го отдела предложили свою версию, почему Моника упорно говорит про кресло, в которое посадили Джими. Они реконструировали ситуацию так: Моника стояла на улице, наблюдая, как из подвального этажа по крутой лестнице несут Джими в кресле. Однако санитар скорой хорошо помнил, как они его несли на носилках и не помнит, чтобы она была рядом.

Следователи пришли к заключению, что ни санитары скорой, ни доктора не виновны ни в чём; что Джими был определённо мёртв по приезде в больницу и, возможно, до того как приехала скорая. Они сказали, что, по их мнению, Моника не совсем в своём уме, но она выучила свой рассказ на зубок за эти 20 лет, и нового им она ничего сказать не сможет. Что остались два главных свидетеля, с которыми они хотели бы встретиться, это Эрик и Алвиния, но они оба жили в Штатах и агенты ФБР ничего от них не добились. Один из сотрудников сказал мне, что, как он думает, все эти свидетели «чёртовы лгуны» и каждый лжёт по–своему.

Когда опрос всех свидетелей был завершён, Моника сделала заявление в прессе, что она полностью реабилитирована, достаточно невероятное заявление, так как все факты были против и оправданы все люди, которых она обвинила в убийстве Джими.

Судья снял её обвинение с Ноэла, признав её параноиком и истериком. Ноэл всего лишь написал, что она, выбежав за сигаретами, после того как Джими вырвало, оставила его одного. Для нас это стало окончанием длинной цепи событий, для нас, но не для Моники. Похоже, она вцепилась в меня мёртвой хваткой.

Мы все встречали Новый 1995 год у Ноэла в Ирландии, когда позвонил Том и сказал, что Лил серьёзно больна.

Как только мы вернулись в Англию я сразу поехала в честерскую больницу Конгресса. Они положили её в отдельную палату, потому что посчитали, что она скоро умрёт. Том был с ней.

— Привет, мама, это я.

— Привет, Джин.

— Это не Джин, это я, Катлин.

— Катлин? О, я не видела её много лет.

— Нет, это я, Катлин.

— О, — она вгляделась в меня снова, — о, конечно. Рада тебя

видеть, Катлин. Полагаю, ты приехала, потому что я собираюсь умереть.

— Не дури, конечно ты не умрёшь.

— Конечно не умрёшь, — прочирикал Том из своего кресла в углу.

— Кто ещё там? — удивилась она, — это ты, мама?

— Нет, это вешалка на крючке стучит об дверь, — объяснила я.

— Когда всё кончится, — произнесла она, — я наконец–то смогу отдохнуть.

— А куда ты собираешься поехать отдыхать? — спросила я. — Может быть вернёшься в Рил?

— О, нет, куда угодно, только не Рил. Я бы хотела отправиться с каким–нибудь караваном.

Я решила, что лучше мне уйти и переговорить с лечащим доктором. Он оказался молодым имбире–волосым шотландцем.

— Что случилось? — спросила я, — у неё гангрена? Вы думаете ампутировать ногу?

— Да, думаю, это поможет.

— Есть ли шанс, что она будет жить после операции?

— Ну, — сказал он, — все операции опасны, если тебе 75.

— Семьдесят пять! — я была поражена. — Ей же девяносто.

Смятение отразилось на его лице, он посмотрел в свои записи:

— Здесь записано 75.

— Ну, — сказала я, — я надеюсь, это не изменит ваших намерений, но она определённо старше этого возраста.

Я вернулась обратно, поговорить с ней ещё разок.

— Мама, может хочешь пива?

— О, да, конечно, я бы хотела Максон.

Я послала Тома за пивом, а сама начала собираться.

Они даже отправили её домой через несколько дней. Я чувствовала вину, выдав её возраст, потому что они отказались от операции. Ник меня успокоил: даже, несмотря но то, что его мать моложе моей, и она бы не выдержала анестезию.

Через несколько недель Том позвонил мне и сказал, что она неожиданно умерла. Я была потрясена, я не была готова к тому, что это произойдёт так быстро.

— Как это произошло.

— Она начала производить какой–то шум, — не могу передать интонации его голоса, но видно было, что он едва сдерживал рыдания, — затем она села на кровати и сказала: «Я сейчас умру, Том.»

Это были её последние слова.

На кладбище мы сохранили тайну её возраста.

Глава 12. о том, кем была жена Мич Мичелла

В течение нашего расследования Ди показала мне копию рукописи, написанной Моникой и отосланной ею одному американскому писателю, в которой описывалась её «жизнь» с Джими. Мы предположили, что она надеется найти издателя, как это сделали Мич и Ноэл. В рукописи было сказано, что Джими предупреждал её избегать меня, потому что я мошенница и лгунья и я украла все его вещи. Вся рукопись написана по–английски, но с использованием немецкой грамматики, и конструкции предложений вызывали улыбку. Она была полна фантастических и таинственных несуразиц. В одном месте она написала, что Джими как–то ей сказал, что Эл вовсе не его отец. Нелепая идея.

Я подумала, вряд ли она сможет найти приличного издателя. И несмотря на то, что неприятно видеть такую ложь ни о чёрных, ни о белых, я была готова пустить этому ход. Я не знала, что она возобновила обвинения в мой адрес при разговоре с Тони Брауном, который как раз в этот момент готовил к изданию ещё одну книгу о Джими.

Я не могла предположить, как много людей повторяют за ней эту чушь. В то время я не понимала, зачем ей всё это, но постепенно до меня дошло. Она просто хотела дискредитировать меня. И на моих костях воздвигнуть себе памятник, как величайшей любви Джими и невесте.

Из журнальных статей я узнала, что она уже цитирует меня, ту первую встречу с нами в Илинге, которую она записала на плёнку. Она выдала за своё, всё то, что я ей рассказывала о привязанностях Джими. Я не могла сама остановить этот поток и снова отправилась к своим адвокатам.

Её линия защиты, заключалась в том, что никакую рукопись она не писала и обвиняет американского писателя (которому она послала её), даже несмотря на очевидность её плохого английского. Её адвокаты предложили замять конфликт и отозвать иск из суда. Они принесли мне извинения и дали понять, что Моника впредь не будет распускать грязные слухи обо мне, и предложили возместить мне моральный ущерб в размере 1 тысячи фунтов.

Однако у Моники оказалось в запасе ещё несколько рукописей. По крайней мере шесть разных её опусов и осенью 1995 года она предложила Блумсберри издать книгу под

названием The Inner World of Jimi Hendrix, в которой она официально заявила, что они с Джими были помолвлены (она даже отца Хендрикса якобы в этом уверила, но позже он утверждал, что фактически ничего не знает о личной жизни своего сына, после того как он покинул дом, ещё подростком уйдя в армию).

Я узнала об этой книге от репортёра Би–Би–Си Мартина Шенкльмана, делающего радиопередачу In the Wink of an Eye, о последних днях Джими Хендрикса. Мартин позвонил мне за несколько месяцев до этого и спросил, не буду ли я так любезна, дать ему интервью. Он уже разговаривал с Моникой и хотел бы знать мой взгляд на происходившее в те дни. Должна сказать, что ко всему, о чём я рассказала ему, он отнёсся с большим подозрением, полагая наверное, что главной моей целью было отомстить Монике, сочиняя истории дискредитирующие её. Я передала ему телефоны всех тех, кого мы с Ди нашли, что бы он мог сам услышать из их уст обстоятельства смерти Джими. Спустя несколько дней он вернулся и поблагодарил за телефоны и возмущённо сообщил, что не понимает, к чему Моника «ткала эти фантастические узоры». Он взял у них интервью для передачи и они в точности повторили всё, что рассказали нам тогда. Вряд ли с этого момента Моника найдёт, кто бы ей поверил, не считая, конечно, тех маниакально–ограниченных поклонников Хендрикса, которые уверовали в её фантастические сказки о сверхъестественных способностях Джими.

— Вы уже видели книгу, которую написала Моника? — спросил он меня в одну из самых последних встреч.

— Что за книга?

— Она опубликовала автобиографию. Вам следует почитать, что она пишет о вас на последних страницах.

— О, — сердце моё замерло, — если можно, пришлите мне факсом эти страницы.

— О, нет, — рассмеялся он, — я не собираюсь посылать их вам факсом.

— Почему?

— Потому, что я не хочу тиражировать то, что она пишет о вас, можно я лучше прочту? Но посылать вам их — нет.

Он прочитал её раздражённые пассажи до последней строчки. В основном Моника говорила о том, что я лгала следователю и обвинения, выдвинутые мною в её адрес, необоснованны и её правота доказана во всех мелочах проведённым расследованием. В этот раз я рассердилась не на шутку и, позвонив в рок–магазин, в котором, как мне рассказали, прошла презентация этой книги (и назвали её медвежьим говном), спросила, не осталось ли у них

экземпляра для меня. Они любезно согласились эти проблемные страницы прислать мне факсом. Я прочла их и снова была потрясена, но решила не предпринимать никаких действий. Полнейшая бессмыслица, нестоящая внимания, ничего более отвратительного я не читала. Полагаю, никто не воспримет их всерьёз: каждому ясно, что это бессвязные мысли сумасшедшей женщины и что всё это скоро само рассосётся.

Потом мне позвонил Боб Дёршук, которого только что назначили главным редактором американского журнала Musician, и спросил, «не найдётся ли у меня большой совковой лопаты». Сказал, что ему одному не разгрести мусор вокруг Моники, создавшийся в других рок–журналах. Он просил моей помощи и я согласилась. Сказал, что приедет в Лондон и хотел бы сам разобраться на месте. Юристы журнала настаивали, чтобы он всё выяснил, но так, чтобы не было повода выдвигать против Моники никаких обвинений.

Приехав в Англию, Боб остановился в местной гостинице, у него было в запасе 5 дней. И выслушал всю историю снова. Я рассказала всё, что знала, показала вырезки из газет. И… он провёл несколько недель, расследуя всё самостоятельно, отказываясь помещать в статье факты, непроверенные им самим. Всё, что бы он ни обнаруживал, противоречило рассказам Моники. Он взял интервью у Филипа Харви, кто был тем вечером вместе с ней и Джими, и Харви утверждал, что они не были влюблённой парой, как на том настаивает Моника. По его словам, она больше походила на адъютанта, чем на любимую женщину. Он сказал также, что в тот вечер его поразило поведение Моники: она ревновала его ко всем женщинам, с которыми Джими заговаривал, и сказал ещё, что видел, как на улице выстроилась огромная вереница кобылок, в надежде попасть в его конюшню.

Но проверил он не только её рассказ о последних часах Джими, но и помолвку, и отношения, по её словам, выходящее за рамки взаимоотношений звезды и группиз. И то, что они однажды встретились за много лет до этого, а снова только за несколько дней до его смерти. В результате статья была опубликована в февральском номере за 1996 год, как заглавная и Моника была в ярости. Одна из её подруг позвонила Бобу в Америку, а Боб перезвонил мне и вот что он мне рассказал:

— Женский голос на другом конце провода сказал мне, что она не знает вас, — сказал мне Боб по телефону, — но Моника рассказывала ей, что вы замужем за доктором, который спас вас от передозировки героина, когда нашёл вас, лежащей без сознания на улице. Ещё сказала, что вы и прежде были девочкой на одну ночь, такой остаётесь и ныне.

Трос натянулся и был готов вот–вот лопнуть. Мне были неприятны её выпады в мою сторону, но когда она начала вовлекать мою семью, я не стала молчать. Я не собиралась быть, по словам этой сумасшедшей, безнадёжной наркоманкой. Я не собиралась подставлять ни Ника, ни, тем более, детей под её удары. Ей было мало того, что она чудовищно игнорировала правовую сторону вопроса и не собиралась прекращать распускать ложь обо мне, она, казалось, наметила новый удар. Одного я не могла понять, как будто кто–то руководил ею, как марионеткой, а она повторяла за ним всё, как вызубренный урок. И неважно сколько и как она собиралась предпринять, я решила раз и навсегда оградить себя и свою семью от слухов. Я снова обратилась за помощью к адвокатам и они предупредили её о последствиях пренебрежения решениями суда.

Журналистскую мельницу Моника Даннеманн раскрутила на полные обороты, жернова журнала Hello трещали — на фотографии Эл Хендрикс с семьёй на могиле Джими вместе с безутешной невестой. Шесть журнальных страниц, 18 месяцев жизни. Вот она пишет портрет Хендрикса у себя дома, а вот она подаёт показания на полицейском расследовании.

За два дня до этого мы списались с её адвокатами, чтобы те передали ей оливковую ветвь перемирия, со словами, что мы не намереваемся доводить дело до суда, мы только хотим, чтобы с её стороны прекратились обвинения в мой адрес. Но они письменно отвергли наше предложение и отметили, что это только показывает слабость наших позиций и они с удовольствием встретятся с нами в суде. Уже позже оказалось, что та же адвокатская контора курировала её в ходе расследования смерти Хендрикса, которое полностью было сплошной мистификацией. В чём причина, зачем она продолжала настаивать на своих показаниях?

На заседание суда Моника пришла в пушистом цвета электрик пиджаке, под ним алая сатиновая рубашка, массивные бусы и серьги, змеевидные кольца на пальцах рук. Длинные обесцвеченные перекисью волосы, покрытое толстым слоем штукатурки лицо.

Судья, казалась, не обратил никакого внимания на то, что она принесла с собой в зал заседания пачки экземпляров своей книги, роскошно изданной, богато иллюстрированной психоделическими портретами Джими, сопровождаемыми эксцентричными бессвязными подписями о сверхъестественных силах и духовных посланиях, которые она продолжала развивать далее в тексте.

Монику сопровождал загорелый молодой человек с сильным

кокни акцентом, пришедший с явной целью превратить заседание суда в фарс. Он окружил себя журналистами и с жаром рассказывал им о том, как я все эти 26 лет преследовала Монику и ещё, что я просила судью усадить Монику за решётку, но судья был против этого. На самом деле мы дважды просили судью избежать, по возможности, тюремного заключения, который ей грозил за пренебрежение к судебным решениям, а только лишь наложить на её судебный запрет.

В самом начале заседания она подошла к судье и подарила ему экземпляр своей книги, при этом королевский адвокат с моей стороны, немного наклонившись вперёд, пробормотал: «Ошибка первая.»

Казалось, всё, о чём говорила Моника, она считала истинной правдой, даже несмотря на то, что её не удавалось придать конкретную форму никаким обвинениям в мой адрес. Она не знала о показаниях полицейских и с каждым её заявлением для собравшихся в зале суда становилась всё более очевидной неуравновешенность её психики. Её адвокаты уже не старались заявить, что все её заявления в мой адрес это чистая правда, говоря вместо этого, что она всего лишь хотела защитить себя от меня. Судья, однако, выразился вполне ясно, что это тема для другого суда, в рассматриваемой же ситуации очевидно, что именно меня она преследовала.

— Мисс Этчингем, — было вынесено заключение, — никогда ни действием, ни словом не оскорбляла мисс Даннеманн.

Он нашёл её виновной в пренебрежении суду, выражаясь стандартной формулировкой, доказана её ‘beyond reasonable doubt’.

Когда суд завершился в нашу пользу, мы все вскочили со своих мест и стали поздравлять друг друга. Имея дело с законом, всегда есть доля риска и это всегда высокое нервное напряжение. Мы все, весело болтая, вышли в холл, Моника следовала за нами, идя зигзагами, как если бы была сильно пьяна. Создавалось впечатление, что человек не знает в какую сторону ему идти.

— Как по–твоему, она на транквилизаторах? — спросила я у Ника.

— Нет, — покачал он головой, — думаю, у неё сильное потрясение.

Когда она направилась к пожарному выходу, её адвокаты перехватили её, развернули и направили в нужном направлении. И она отправилась домой к своей матери.

На следующий день во всех газетах писали, что в суде я вела себя очень сдержанно, в то время как Моника выглядела «ушедшей на пенсию рок–цыпочкой». Я пожалела её, думая как

это всё жестоко, но потом была удивлена, её адвокаты не советовали ей самостоятельно подавать жалобу в Верховный суд.

На следующий день из газет мы узнали, что соседи Моники видели, как она возилась с чем–то в своём саду. Вероятно, она пыталась длинный поливочный шланг разъединить на две части, при помощи которых она и убила себя этим же вечером.

Как только мать заснула, она вышла в гараж и плотно прикрыла за собой дверь. Она прикрепила шланги к выхлопным трубам своего Мерседеса и через окно просунула внутрь машины. Затем заклеила скочем щель в окне, села на переднее сиденье и завела мотор. Как только она стала терять сознание, она выключила двигатель, чтобы шум мотора не привлёк внимание. Должно быть она очень серьёзно подошла к тому, чтобы уйти из жизни. Скорее всего она верила в то, что сможет воссоединиться с Джими, где бы он ни был.

Я знала, что как только новость дойдёт до агентства Рейтер, дом осадят репортёры и быстро подготовила заявление, в котором сообщала, что потрясена случившимся и с сожалением услышала о смерти Моники, и что личной неприязни у меня к ней никогда не было и очень сочувствую её семье. К тому времени, как я вернулась из магазина, совершив многочисленные покупки к наступающему уикенду, моё заявление было напечатано на первых полосах всех газет.

В воскресенье раздался телефонный звонок.

— Это Кати Этчингем? — спросил женский голос в трубке.

— Да.

— Я только хочу, чтобы вы знали, — завопил голос, — что раз вы заинтересованы, вы и есть убийца.

И повесили трубку.

Я гадала, кто бы это мог быть. Многие подруги Моники мне уже раньше звонили, представляясь репортёрами, чтобы вынудить меня сказать что–нибудь нелицеприятное о ней, с тем, чтобы потом она смогла меня обвинить в этом. Я никогда на это не ловилась. Я всегда такие разговоры записываю на ленту. Я набрала 1471 и станция определила номер, с которого мне только что позвонили. Мы подождали примерно с час и Ник набрал её номер.

— Ещё раз позвоните сюда и я вынужден буду позвонить в полицию, — спокойным голосом произнёс Ник и повесил трубку.

К счастью родители Ника были с нами — они приехали на Пасху — и помогли спокойно разобраться в случившемся.

— Эта женщина очевидно не совсем в себе, — рассудили они. — Очень жалко, что её друзья и семья поддерживали её в этих фантазиях, вместо того, чтобы помочь больному человеку.

Я до сих пор чувствую ужасную неловкость перед этой женщиной. Она тщательно продумала до самых мелочей свою выдумку о её взаимоотношениях с Джими, чтобы защитить себя от правды той ночи, когда он умер. И понемногу из целостной картины исчезали фрагменты, пока окончательно она не рассыпалась.

Больше не было звонков от этой кричащей подруги, но в интернете на Hey Joe были помещены отзывы её «доброжелателей», называющих меня и проституткой, и убийцей. С этим мы ничего сделать не могли, так как невозможно проследить путь таких писем, но я со временем научилась не обращать на такое внимание.

Через месяц в Нью–Йорке состоялась презентация книги Ноэла, и в тот момент, когда он начал подписывать экземпляры в магазин Virgin Megastore, ворвался человек и, назвавшись старинным приятелем Моники Элом Ромеро, стал кричать, что Моника всё время говорила ему, что я и убийца, и насилую детей, и извращенка. Охране пришлось выкинуть его вон.

Я всё время не могла понять, что кроется за ложью Моники, кто за ней стоит. Вскоре я это обнаружила.

Сомневаюсь, что в любом другом бизнесе найдётся так много пресмыкающихся и чешуйчатых как в музыкальном. Как если бы не хватало действительно работающих, они изобретают себе роль и место. Одни занимают сексуальную нишу, другие просто болтаются около, присваивая себе статус «личного секретаря» или «роуди». Некоторые называют себя «ближайшим другом», другие снабжают звезду наркотиками. Возможно, сама музыка привлекает их или так спроектирован основанный на сексе имидж. Как бы там ни было, оставшиеся в живых скорее несут на себе грусть шестидесятых, чем необычность того времени.

Хотя в Ди я нашла преданную подругу, я всегда осознавала, что она «немного непредсказуема». Она, казалось, полностью была увлечена музыкальным миром. Впервые при мне её эксцентричность проявилась в Нью–Йорке на фуршете после вручения музыкальных наград. Мы вместе ехали на лимузине и Ди рассказала, что подружку Ноэла, Кандаче, избила какая–то пуэрториканка из обслуживающего персонала прямо в женской комнате. Я удивилась всей нелепости ситуации, так как приём был закрытый и на нём присутствовали такие люди, как Нил Янг и Фил Спектор.

Когда Кэнди, которую я прежде никогда не видела, приехала с Ноэлом, Ди понесло и в исключительно ярких выражениях она описала своё отношение к ней. Мне говорили, что с ней бывает такое, но я всегда пропускала мимо ушей всё, что касалось

плохих манер других людей. И в этот раз Ди вихрем пронеслась по моим ушам. Мне рассказывали о ней разные истории, но я не верила.

Работа над выяснением обстоятельств смерти Джими нас сблизила, и наши отношения оставались очень тёплыми. Она часто звонила мне домой просто так, поболтать. Постепенно эти звонки становились всё регулярнее, пока однажды, она не позвонила мне семь раз подряд. Ника эти звонки начали раздражать, телефон не умолкал с самого утра и до вечера.

— Она очень одинока, — пыталась я защитить подругу, — Мича подолгу не бывает дома. Она даже машину не водит.

Но я согласилась с тем, что это стало немного утомлять. Если же она не звонила несколько дней, она потом долго извинялась, в выражениях принятых в их аристократической семье Бонэм—Картер. Я уже стала подозревать, что истории, которые она мне рассказывала, далеки от правды. В один из звонков она сказала, что собирается ехать в Женеву посмотреть квартиру, которую они с Мичем собираются купить, так как им нужно уехать из Лондона, чтобы не платить слишком большие налоги.

— Вы не можете так просто переехать в Женеву, — сказала я невинным голосом, — они не принимают иностранцев.

— С чего ты это взяла? — вспыхнула она и бросила трубку.

Объясняя откуда у неё лёгкий американский акцент, она всегда мне говорила, что её отец работал послом в Америке. Отец Ника всю жизнь проработал с дипломатами и как–то сказал, что никогда не слышал о человеке по фамилии Бонэм—Картер в Вашингтоне.

— Насколько мне известно, — сказал он, — в дипломатических кругах нет никаких Бонэм—Картеров.

Ещё она нам рассказывала, что посещала школу Св.Марии, хорошо известную католическую школу для девочек в Эскоте, недалеко от Виндзора. Мы были знакомы с одной семьёй, девочки которой учились там примерно в то же время, но никто из них не знает её. Колокольчик тревоги зазвенел у меня в голове, но Ди была настолько внешне искренней и такой занятной, что я не стала прислушиваться к нему.

Бывает говоришь с ней, и вдруг она сообщает, что ей срочно нужно куда–то, «потому что кто–то смотрит в окно». Затем она снова перезванивает и сообщает, что эта была соседка, которая пыталась увидеть через окно Мича, так как «Мич — звезда». Оглядываясь назад, понимаешь, что её поступки были несколько странноваты, но когда видишься с человеком часто, почти каждый день, всё, что он говорит, тебе кажется таким естественным и простым. Тем более что меня отвлекали неприятности, связанные

с Моникой.

У Ди ещё была одна странная привычка, встанет сзади и начнёт машинально перебирать мои волосы. Что–то во мне говорило, что это сексуальные вибрации, которые человек улавливает в воздухе, но я всегда придерживалась другого мнения, что если на них не обращать внимания они исчезают. Но однако, я чувствовала что–то, иногда оставаясь у неё ночевать, когда Мич был в отъезде. Она заходила ко мне в спальню часов в 6 утра совершенно голая и сообщала, что ей срочно понадобилась какая–то книга. Или когда утром я бежала в уборную, она следовала за мной и залезала в душ, весело сообщая: «Не обращай на меня внимания.»

Ответ не заставил себя долго ждать и наши отношения сошли на нет. Я уже упоминала, что временами она была чем–то раздражена, но не видела в этом ничего плохого. Телефон мог зазвонить в любое время суток, днём, ночью, поднимали трубку — иногда отвечал какой–то другой голос, а иногда в трубке тишина или странное шуршание, как будто комкают лист бумаги. Однажды вечером позвонил брат Ника.

— Думаю, вы должны знать, — сказал он, — Полиция хочет задать вам несколько вопросов.

— Что за вопросы?

— О распространении наркотиков.

Несомненно двое в штатском следили за бывшей невесткой его брата. Они сказали, что есть сведения, что Ник подделывает книги учёта лекарств и продаёт наркотики.

Когда я сообщила Нику последнюю часть известия, мы решили отправиться в участок и выяснить, что происходит. Мы пошли прямо на приём к инспектору.

— Я ничего не знаю об этом, — сказал он. — Детективов, которые этим занимаются, сегодня нет на месте, но я постараюсь разъяснить ситуацию и сообщить вам.

— Если они ведут расследование о подделывании мной книг учёта лекарств, — сказал Ник, насколько мог спокойно, — не лучше ли обратиться к Медицинскому совету, чем к бывшей невестке моего брата?

Мы видели, как неловко себя чувствовал инспектор, очевидно было, что он не знал, о чём идёт речь, поэтому мы пришли к выводу, что лучше подождать от него известий. Но прежде чем уйти мы поделились нашими сомнениями на счёт Ди, как она завладела нашим вниманием и, как мы знаем, досаждает и другим. Покидая участок, мы представляли себе как они позвонят в Медицинский совет и узнают, что не только Ник не подделывал учётные записи, но и то, что он является членом этого совета и,

вдобавок, советником министра здравоохранения. Ещё я представила, как это расследование ускользнёт из рук не в меру усердных и опрометчивых молодых полицейских, которым уже позвонила Ди и которые уже доложили своему начальнику.

После выходных к нам пришёл следователь и мы рассказали ему целую историю.

— По существу, — суммировал Ник за меня, — эта женщина преследует мою жену.

— Понятно, — сказал он. — Вижу, что мы собрались здесь, по чьему–то злому умыслу.

Так как у нас уже только что был опыт распутать клубок лжи, спутанный Моникой, мы выяснили чем занималась Ди за кулисами. Всплыло, что она назвала полиции имя Тони Брауна, автора книги и биографа Джими Хендрикса, как ещё одного свидетеля, что я торговка наркотиками, и они задали ему вопрос, предлагала ли я ему когда–нибудь наркотики.

Брауна очень удивило такое предположение и он категорически его отверг.

Она также звонила в попечительский совет и сообщила им, что я издеваюсь над своими детьми. Полиция попросила разрешения встретиться с детьми, которые приехали на выходные домой, и они были разочарованы, увидев почти взрослых детей. Я заметила им, что оба посещают школу закрытого типа и предложила позвонить их наставнику, чтобы убедиться, не замечал ли он каких–либо следов побоев на их теле. Они задали тот же вопрос Джеймсу, он долго смеялся, а затем сказал, что если и есть в нашей семье человек, который может наказать, так это только он сам и есть. Здесь полицейские сообразили, что не только потеряли своё рабочее время, но их ещё и повели по ложному пути. Ди так мастерски лгала, что все ей верили. Мы все в равной степени оказались заинтересованы остановить её кампанию.

Когда полицейские уходили, они сообщили, что сами разберутся с ней. Третьи лица нам сообщили, что они навестили её через час с четвертью в её доме в Райи и предупредили её, чтобы она впредь не тратила их рабочее время на свои фантазии.

Мы узнали, что она продолжает распространять слухи о нас телефонными звонками в Нью–Йорк. Мы отправились в Ассоциацию по защите медицинских работников. Объяснили им, что я подвергалась преследованию женщиной, выдающей себя за английскую леди, и теперь просим у них защиты, потому что она также начала преследовать Ника. Они обещали подумать. Они послали Ди составленное адвокатом предупредительное письмо и через несколько дней мы узнали, что она с Мичем уехали во

Францию. В ходе полицейского расследования выяснилось, что она не та за кого она себя выдаёт, но у них нет разрешения на то, чтобы открыть, кто она есть на самом деле.

Прежде она уже была на французской земле и, как нам позже удалось узнать, оттуда наладила связь с Моникой, рассказывая ей про меня всякие гадости и подстрекая описать меня в своей книге в худших тонах. Она обещала поддержку, если я подам на неё в суд. Адвокатам Моники пришлось вырезать многие отвратительные пассажы, но не всё. И когда настало время Монике защищать свои слова в суде, Ди, конечно, исчезла, а несчастная Моника оказалась покинутой и сыграла свой похоронный марш в одиночестве.

Параллельно, исследуя направления, в которых действовала Ди, мы обнаружили, что она методично обкладывала всех людей, которые были связаны с Джими, не обойдя даже Ноэла Реддинга. Она даже переехала в Ирландию, чтобы быть поближе к нему и однажды напала на него на улице, что чуть не привело к разрыву его 17–летних отношений с Кэрол. Когда же Кэрол погибла в автомобильной катастрофе, Ди посчитала это удачей и, сжигаемая ревностью, начала войну против Кэнди, визажиста с Эн–Би–Си. Она позвонила начальнику Кэнди на Шоу Леттермана, назвавшись агентом Мич Мичелла, и сказала, что собирается обвинить компанию, так как слышала, как Кэнди на одном из фуршетов на Би–Би–Си заявляла, что Мич алкоголик и наркоман. В итоге Кэнди чуть не потеряла работу, но сумела доказать, что в те дни её не было в Англии.

Вдруг я поняла, что за драка была на обеде в Нью–Йорке (у Ди зрел план рассказать людям, что я избила Кэнди, тогда как сделала это она). В то время я ещё не знала о нападении на Ноэла.

Похожая история случилась с Селией, когда Ди работала в благотворительном фонде кошек, основанном бывшей моделью Селией Хаммонд. И чем больше людей мы встречали, тем больше ужасных историй нам рассказывали.

Как–то однажды Ди мне рассказала о знакомом музыкальном продюсере и я его имя упомянула при разговоре с Кэнди. К этому времени я уже начала, по–возможности, накапливать материал о Ди. Кэнди его знала и мы позвонили ему. Он рассмеялся и сказал, что про Ди он знает всё. Она как–то была замужем за английским музыкантом Робином Клейтоном, и у неё «навязчивая идея замучить всех, кто вышел из лондонских 60–х. Это самая величайшая лгунья в мире.»

От него мы направились прямиком к Робину Клейтону, в Фулхам.

— Знаете ли вы кого–нибудь по имени Ди? — спросили мы, когда мужчина открыл нам дверь.

— О, — вздохнул он, — вам лучше зайти. Ну, что ещё она натворила?

Мы рассказали ему всю историю, он слушал внимательно, но без тени удивления.

— Ну, — произнёс он, когда наш рассказ подошёл к концу, — характер у неё, видно, стал ещё хуже, но лгуньей она была всегда. Я подцепил официантку из Кембриджа, штат Массачусетс, женился, привёз в Англию. Звали её Долорес Каллен. Как только мы оказались здесь, она развелась со мной.

Он настоял на том, чтобы мы посмотрели фотографию группы и попросил забыть всё, если нашей Ди там не окажется. Сомнений не было. Мы оба знали этого человека.

— Откуда она родом? — спросила я, поражённая услышанным.

— Кливленд, штат Огайо. Она американка, разве вы об этом не знали? Она была одержима британским роком и старалась научиться говорить с английским акцентом. Моя мать дала ей полторы тысячи фунтов, чтобы она смогла вернуться в Штаты, но она этого не сделала. Последний раз я её встретил на Фулхам–Роуд, на ней были луноходы и обтягивающие брюки. «Кис, кис, кис», шла она, подзывая котиков. Я спрятался в ближайшей парадной. Пожалуйста, не говорите ей, где я живу.

Мы подобрались совсем близко к решению головоломки. У Кэнди была копия свидетельства о рождении Долорес Каллен, а Робин дал мне копию их свидетельства о браке. Мы чувствовали, что у нас в руках то, что она меньше всего хотела видеть.

Одним ранним утром Ди позвонила Ноэлу, автоответчик был включён, он записал разговор, который привёл к несчастному случаю.

— Извини, что так рано, — сказала она, но я сегодня уезжаю. Неужели ты веришь во всю ту ложь обо мне, которую несёт Кати?

Ноэл проснуться не мог и она недовольно буркнула, а он передал трубку Кэнди.

— Привет, — сказала Кэнди.

— Это ещё кто? — возмутилась Ди.

— Кэнди.

— Ди на проводе.

Кэнди внезапно проснулась:

— Долорес!

— Меня не так зовут! — огрызнулась Ди.

— Долорес Энн Каллен, — сказала Кэнди, — ты же вышла замуж за Робина Клейтона.

— Ты не за тот конец палки схватилась, это не моё имя.

— Я знаю, что ты проделала с Кати и с Ником.

— Раз знаешь, так докажи, — выпалила она и бросила трубку.

Это последнее, что кто–нибудь из нас слышал о Диане Бонэм–Картер, о Ди Клейтон, о Ди Мичелл и о Долорес Каллен.

*

Однажды, это было в 1992 году, позвонила Ронни Мани, она только что вышла из депрессии и спросила адрес. Я должна была по делам ехать в Лондон и решила навестить её в Фулхаме. О моём намерении она, наверно, сообщила Часу, потому что совершенно неожиданно для меня раздался звонок. Было здорово снова услышать его голос.

Мы не виделись 23 года и к концу встречи мы утонули в воспоминаниях и в вине, мы просидели с полудня до самого вечера, оказалось, нам так много нужно было сказать друг другу. Час сказал мне, что страдает от разрыва аорты и что наверно скоро умрёт. Сказал, что его привлекли к новому проекту, строительству концертной площадки на 10 тысяч мест Арена Ньюкасла, которая станет соперником Wembley. Но в основном, мы вспоминали старые времена. Я сказала, что он сильно набрал в весе — он никогда не мог обойтись без пива, но ноги так и остались на удивление худыми.

Это был всё тот же милый старик Час, раздобревший с возрастом, всё ещё отфыркивающийся от сигаретного дыма, и всё ещё говорящий с роскошным джорди акцентом, с каким впервые приехал в Лондон. Но сейчас, вместо того чтобы снова удивиться и сказать, что мог Джими найти во мне, он спросил совершенно противоположное. Оглядываясь назад, он никак не мог понять, что я нашла в Джими! Он с большой нежностью вспоминал часы проведённые всеми нами вместе. Мы расстались, пообещав звонить друг другу. И перед тем как съездить в Шотландию мы заехали к нему в Ньюкасл. Он жил в пригороде в хорошем доме, стоящем на берегу моря, с женой Мэдлин, бывшей мисс Британией, и со своими детьми. Он выглядел счастливым и работал над проектом строительства новой арены.

В 1996 году мне нужно было съездить в Лондон на встречу с Мартином Шенкльманом, репортёром, готовящим программу для Би–Би–Си о последних днях Джими и когда его секретарь вышла, чтобы пригласить меня в его кабинет, он сообщила, что только что умер Час.

— Он лёг на обследование в больницу. Они даже не успели его осмотреть, он умер сегодня ночью.

Меня снова захватили воспоминания, Джими, Энджи, Брайан, Кит, Майк Джеффери, Джон Леннон, а теперь Час. Вот только что

мы все были молодыми, все были вместе в нашем Лондоне, а сейчас… уже многих нет.

Мы с Ноэлом приехали в Ньюкасл на похороны. Когда мы добрались до места, мы зашли перекусить в местный паб, нас окружили постаревшие, но знакомые лица из его и нашего прошлого, все в основном из мира бизнеса. В церкви я увидела Джимми Нила и остальных членов Slade, группы, которую Час взял под своё крыло после Джими и сделал из них национальную гордость. Я сидела рядом с Тони Гарландом, пресс–атташе Джими и старинным другом Мэдлин Белл.

— Я не знаю ни одной из этих песен, — прошептал мне он, — я еврей.

— Я помогу вам, — так же шёпотом сказала я, — я католичка.

Выходя их церкви, Хилтон Валентайн и Джон Стил стали забрасывать меня вопросами, как вдруг, Ноэл пнул мне в бок:

— Смотри, кто здесь.

Я обернулась и увидела невысокого худого старика.

— А ему то что здесь нужно! — возмутилась я. — Он и Часа никогда не видел!

— У Часа осталось много плёнок, — объяснил кто–то рядом, — вот они и приехали забрать их для своей Experience Hendrix!

Мне тут же вспомнилась наша с ним встреча в Дорчестере, когда Час взял с меня слово ничего никому не отдавать из моего прошлого, даже интервью, чтобы никто чужой не смог извлечь выгоду из моего жизненного опыта. И я очень надеюсь, что те плёнки, которые у него остались после работы с Джими, надёжно защищены.

Эл Хендрикс приехал со своей совершеннолетней дочерью и её мужем. Она узнала меня, подвела его к нам и представила нас. Он знал кто я, поскольку помнил моё имя.

— Мы говорили с вами однажды, — сказала я Элу, когда поблизости никого не оказалась, — много лет назад.

Он улыбнулся, кивнул, но не произнёс ни слова.

— Вы тогда сказали, чтобы я передала вашему сыну, чтобы он только писал письма, потому что не собираетесь платить за его звонки.

— Помню, помню, — грустно улыбнулся он, — я помню.

*

В 1991 году мне посчастливилось принять участие в повеске мемориальной доски «Джими Хендрикс жил здесь» над парадной, соседней с парадной Генделя. И как тогда, с чего началась вся эта история, я отправляюсь на Брук–Стрит часто в сопровождении толпы, достаточно большой, чтобы запрудить улицу.

Я не считаю её доской памяти одной из рок–звёзд 60–х. Для

меня она память о всех тех, кто в вихре того времени так много преград разрушил, что оставшимся в живых, жить теперь намного легче. Джими, Брайан, Кит и Энджи были сметены им. Многие поступили скверно. Бедная Моника стала жертвой фанатички, одержимой рок–музыкой, встретившейся на её пути, её настоящее имя — Долорес Каллен.

Моя жизнь оказалась частью истории, странное ощущение, особенно, когда читаешь о себе, написанное чужими людьми. И здесь, на последних страницах, хочу сказать, что я думаю о том времени. Даже несмотря на роковые встречи, весёлые и трагические дни, несмотря на нестерпимую боль, я не хотела бы изменить в своей жизни ни одного дня. Как бы там ни было, это было и это было весело.

Перевод: sasikainen, 27 октября 2013, Париж
Kathy Etchingham
Jimi Hendrix, Through Gypsy Eyes
Издательство: Orion (1998) / Firebird Distributing (1999)
ISBN-10: 0575066199
ISBN-13: 978–0575066199